

Седьмая книга кемеровчанина Вячеслава Лопушного выходит к его 75-летию. Российский поэт и прозаик, член Союза писателей России, до 65 лет не расстававшийся и с первой профессией – инженера-строителя.

В книгу в основном вошли разножанровые произведения, опубликованные автором в своем блоге фейсбука в 2013–2020 гг. и журнальных подборках разных лет в России и за рубежом.

ИЗБРАННЫЕ МЕСТА
ИЗ ОТКРОВЕНИЙ В ВИРТУАЛЕ

В. ЛОПУШНОЙ

ВЯЧЕСЛАВ
ЛОПУШНОЙ

**ИЗБРАННЫЕ МЕСТА
ИЗ ОТКРОВЕНИЙ
В ВИРТУАЛЕ**

ВЯЧЕСЛАВ ЛОПУШНОЙ

ИЗБРАННЫЕ МЕСТА
ИЗ ОТКРОВЕНИЙ В ВИРТУАЛЕ

СТИХИ, МИНИ-ЭССЕ, РАССКАЗЫ

Кемерово
2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос+Рус)6
Л-77

Лопушной В. М.

Л-77 Избранные места из откровений в виртуале:
стихи, мини-эссе, рассказы. – Кемерово:
ГАУК «Кузбасский центр искусств», 2020. –
320 с. – Текст: непосредственный.

16+

Седьмая книга кемеровчанина Вячеслава Лопушного выходит к его 75-летию. Российский поэт и прозаик, член Союза писателей России, до 65 лет не расстававшийся и с первой профессией – инженера-строителя. В книгу в основном вошли разножанровые произведения, опубликованные автором в своем блоге фейсбука в 2013–2020 гг. и журнальных подборках разных лет в России и за рубежом.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос+Рус)6

© Лопушной В. М., 2020

© ГАУК «Кузбасский центр искусств», 2020

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

В начале 2010-х, после короткой эйфории от появления собственного сайта, я понял, что редкая птица долетает до середины оного. И не нашел ничего лучшего, чем эмигрировать в паутину сайтов и сетей интернета, чаще всего в фейсбук. Разумеется, кое-что тут могло раздражать, как и в любой соц-сети. Но вскоре фб превратился во вполне интеллектуальный Гайд-парк, где слушают мнение друг друга. Но главное, он стал хорошей площадкой для творческих личностей, произведения коих здесь могут прочесть гораздо больше людей, чем, скажем, на «Стихи.ру» и «Проза.ру».

Френдов в фб вовсе не коллекционирую. Но получилось, что среди них немало интересных собеседников, в т. ч. поэтов и писателей из разных регионов России, ближнего и дальнего зарубежья. Получаю от них порой неожиданные сюрпризы-подарки. Например, Слободанка Антич, известная писательница из Сербии перевела на сербский несколько моих стихотворений. А я перевел на русский строки видной украиноязычной поэтессы Тетяны Яковенко из Винницы, она – мои на украинский. Они стали моими настоящими друзьями. Так же как и знаменитая наша Юнна Мориц, как замечательный столичный поэт и мой очный друг Виктор Кирюшин, как изумительный поэт с яркой православной доминантой из Павловского Посада Николай Кружков, как Александр Твердохлеб и Александр Ратнер из Днепра, вероятно, самые мощные русскоязычные поэты на постсоветском пространстве, как Екатерина Горбовская, известная московская поэтесса, уже 30 лет проживающая в Лондоне, как Альбина фон Кликс из Нью-Йорка. Всех не перечислить, как и неформальных друзей – душевных читателей. А крымские композиторы Татьяна Велкодворская и Сергей Ананьев стали моими соавторами по

песням и романсам... К слову, нередко представляю на своей странице поэтов, которых люблю, которые мне интересны – и земляков, конечно, тоже, и новые имена. Конечно, эти годы печатался и в традиционных изданиях. И если Штатами и Канадой уже никого не удивишь, то мои публикации в печати Таджикистана и Азербайджана случились с легкой руки друзей по фб.

Посчитал полезным включить в книжку из ранее напечатанного: пару эссе о поэтах-классиках, т. к. без оных другим классикам было бы здесь сиротливо; рассказ, много лет не перестающий волновать автора и читателей, и ряд стихотворений разных лет, что меня не отпускают... Один из разделов книги назван «Гайд-парковой мозаикой». Но и вся книжка получилась мозаичной по жанрам и темам. Грешен, по-другому у меня не получается. Но иначе как слово «откровения» я не мог поставить в заглавие. И все же добрые две трети книги составили, как их называю, мини- и микроэссешки, любившийся мне жанр в... чуть не сказал – последнюю, нет, лучше – в означенную десятилетку. И все они так или иначе связаны с поэзией. Ну и не без мемуарного колорита вышло. Все же по российским меркам семьдесят пять – это дата, за коей начинается овертайм...

ИЗ РАЗНЫХ ЛЕТ.
СТИХИ, ЧТО НЕ ОТПУСКАЮТ

МУЗЫКАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ

Багрово-черный март, пятьдесят третий...
На общей кухне – чуть не весь народ.
Тарелка на стене то плачи-речи,
То музыку печальную дает.

Мне – первоклашке – бес, видать, подмог
Найти словечко. Звонко и невинно
Я, показав на радио, изрек:
«Да выключите эту говорильню!»

Всю коммуналку разом поперхнуло!
И как-то странно ойкнул наш сосед.
А я застыл, как под ружейным дулом,
Вмиг постарев... на поддесятка лет!

С отцом в боях такое не случилось:
Он вдруг... стал седовласым – на глазах!
И будто с того света доносилась
Мелодия, неся холодный страх...

Грех на судьбу мне жаловаться нынче,
И нет причин на прошлое пенять.
Но включают «Итальянское каприччо»
И... ноги отнимаются опять!

РОДИТЕЛЬСКИЙ ДЕНЬ

Стаканы с мадерой и чаем,
Веселие в нашем окне.
Победы пять лет отмечаем.
Четыре с полтиною – мне.

Поем про войну и Россию,
«Катюшу» – всем песням венец.
Ведет голос мамы красивый,
Басит как умеет отец.

Звучат немудреные тосты.
И Козин грустит о былом.
Танцуют счастливые гости,
Как счастлив и я – под столом...

Полвека еще миновали.
В другой мы эпохе живем.
Но песни, что деды певали,
Мы вновь в День Победы поем.

А диск патефона кружится,
Сквозь годы пластинка зовет.
Все ближе становятся лица,
Слышнее – забытый фокстрот.

Глаза зачерпнули тумана,
На снимок гляжу фронтовой:
Такая красавица – мама
И батя – орел молодой!

МОИ УНИВЕРСИТЕТЫ, 1963–1964

Григорию Беляеву, однокашнику

В случайную робу одеты,
Мы были совсем не в чести.
Нас кто-то нарек – рабстуденты,
Вернее словца не найти.

В набитый битком ПАЗ облезлый
Мы, Гриша, с тобой кое-как
Влезали, худы, как болезный,
Ты помнишь, бригадный лошак.

Лопата, раствор, окоренок...
Нехитрый такой антураж.
И еле хватало силенок –
Вручную на пятый этаж!

И хочешь не хочешь – науку
Глотали рабочую мы.
А в перекурах по кругу
Глотали со всеми дымы.

А плотника помнишь, дядь Колю?
Философ гвоздя еще тот.
Дурачится кто – он отколет:
«Ну, этот еще в хрен растет!»

Дядь Вася он был самый старший,
Поэтище, крыл через «мать»:
«Нет в мире занятия краше,
Чем бабу-молодку ...!»

Пахали дядь Сани, дядь Вани.
На грудь в воскресенье – литряк.
С похмелья переживали,
Что Кеннеди в Далласе – шмяк.

А вечером дружно дремали
Мы в «матери альма» без сил.
Но томик Есенина малый
Нам души под ночь ворошил...

Те дни нам, дружище, забыть ли?
Они перед взорами вновь,
Где мы нараспашку открыты
И нам по семнадцать годов.

* * *

*Александр Зениткину,
другу с гитарой*

Вот и грянули струны, летящие
Под могучею дланью твоей:
Эй, ребята, по полной налей!..
И на выдохе – наше, щемящее:

«Колыма», «Офицеры», «Рябина» ли...
Полухрип, полустон, полукрик!
Шибче спирта хватая глубинное,
Ввысь летит забубенный твой клик!

Мигом взгляд застигает роса –
То ли нервы мои поизношены?
Но такую же влагой непрошеной
Забирает соседей глаза.

А в груди и светло и мучительно:
Не могу без тебя, моя Русь!
Богу равная русская грусть!
Что больнее тебя? Что спасительней?

Ком из горла нейдет. А все слушаю
Сердце рвущие песни твои.
Что ж ты делаешь с нашими душами,
Сашка, душу твою разъедри!

РЕЧИТАТИВ БАРДА

Перевал, передышка... Итожу я
И дары, и удары судьбы.
Зацепило меня, покорежило,
Жизнь моя поднялась на дыбы!

Ведь землею одеться мог запросто!
Бог отвел. Но не знал, что больней
Биотоки бессмысленной зависти
От вчерашних «до гроба друзей».

Не износишь лица без стыда.
И отступник, и грешник – покаются.
Но беда, что в груди разрастается
Торричеллиева пустота.

Где ж дорога, та самая – вящая?
Смесь горчит из утрат и удач.
Сам я выбрал тропу. Но обрящу ли,
Вновь пускаясь отчаянно вскачь?

Как в собачьих глазах – черно-белыми
Дни бегут предо мною сейчас.
Ох и времечко, что ты наделало,
Будто смерчем по душам промчась!

* * *

*Леониду Гержидовичу,
большому поэту из малой деревни*

Домик твой на опушке прибился.
Этим пихтам ты знаешь года.
Весь в седилах, но не износился:
По глазам-то видать – хоть куда!

Все именье – твоя половина
И собака по прозвищу Барс.
Ни тебе мебели, ни каминов...
Синь да тишь обнимают всех нас.

Чаю с таволгой, возле найденной,
Пью. Губами ловлю каждый лист.
И твой стих, смоляной и ядреный,
Точно спелый орех, запашист...

На Руси лепоту я повиждал
И заморской не чужд красоте.
Но впервые теперь позавидовал
Благоокой твоей простоте.

Малый домик ничем не приметен.
Рядом кедр, тайга и зверье.
Как твой путь, Богом вверенный, светел!
Как несметно богатство твое!

БРАТУ МЕНЬШЕМУ

Судьбою неисповедимой
В подарок ли, в испыткок дан
Ты мне, добрейший злыдень Тима
И благородный хулиган!

Породе графской знаешь цену
И гордо держишь «статус-хво».
Хозяев ты считаешь, верно,
Прислугой графства своего.

На этаже – на пятом! – чуешь
Меня, братишка малый, зверь,
Счастливым лаем салютуешь,
Едва в подъезд открою дверь.

А если, нервами стреножен,
Зайду домой горяч зело,
С моей кирпич просящей рожки
Ты мигом слизываешь зло.

Ты любишь так непостижимо,
В тебе такой любви запас,
Какой – до дней последних жизни –
Дай Боже каждому из нас!

НЕОПОЗНАННОЕ ЧУВСТВО

Т. Т.

Твой адрес помню – сколько минуло! –
Утинобродское шоссе...
Смешило: там между машинами
Бродили утки по росе?

Иль средь канав гуляли Блоковы
«Испытанные остряки»,
Их дамы – в модных мокрых локонах?
Устраивались пикники?

Так каламбуричь было нормою,
Вот и острил по мере сил.
И в языке твоём зазорные
Найти изъяны норовил.

Не находил и нашу истинной
Игру старинную любви.
Что ж, если был не вовсе искренним,
Так ты и Господи прости.

Но как – незримо и безустово –
Неверующему Фоме
Крест неопознанного чувства
Бессрочно вверила ты мне?

И сединою убеленному,
Нести мне до последних дней
Нечаянно приобретенную
Тревогу на душе моей...

НИКОГДА БОЛЬШЕ... ИЛИ ПРОЩАНИЕ С ПАРИЖЕМ

«Шарль де Голль» – блистающее кольцо!
И прямо во чреве его
вдруг замедлился времени бег...
За прозрачной стенкой крохотного кафе
двое ничего не замечали.
Он смотрел в сияющие глаза,
глаза, что вобрали в себя –
всей Вселенной негаснущий свет!
Кофе стыл позабытый.
Но сжигало язык
смертельное безумство поцелуя!
Слезы омывали ее лицо,
мистически высвечивая ее черты...
Внезапно меня пронзило:
больше никогда *ее* не увижу!
Но под моими ногами
уже стрекотала серебристая дорожка,
плывущая к самолету...
И горечь потери на моих губах
иль вкус неразделенного безумства
больше ни на миг не исчезают...

ЗА ПРЕДЕЛАМИ ОЙКУМЭНЫ

песок служил нам теплой постелью,
ветер морской щедро
нам отдавал, жадным,
дурман виноградников диких –
только двоим, сокрытым
причудливой тенью листьев...
мои обожженные губы
делали грудь твою непокорной,
когда мы переплетались...
млечный нектар кокоса
я пил с твоего нёба,
а запах волос медвяный
никак не давал мне покоя...
казалось, двумя телами
мы заполняли пространство
всего необъятного мира...
и время не торопилось
в этих часах песочных,
струилось послушно, насколько
мы течь ему позволяли...

СИБИРСКАЯ АНОМАЛИЯ

Не вдруг и не случайно
В глазищах темно-чайных
Твоих эдемских, дева,
Я обнаружил древо.

На нем, не увядая,
Плоды благоухают.
Но есть такое чувство –
Там солнцу все же грустно.

С какого перепуга
Ты – воплощенье юга –
В Сибири, а не в Ницце?
Коснусь – быть может, снится?

Но свет земли той дальней –
В улыбке inferнальной,
Во взоре том восточном,
Оливковом и сочном.

В нем лес ветхозаветный
Все ближе, все заметней.
О, дайте, дайте визу
Мне в дебри парадиза!..

Боюсь, и Модильяни
Пропадал бы в том тумане.
И он бы очи эти
Отправил во бессмертье!

ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Благозвучно октавы скалятся,
Если с клавишей... пыль стирается.
Откликаюсь шуткой старинною:
Ты мелодию стерла – дивную!

Шкаф с укором глядит клавирами:
Как любила ты музицировать!
Как взлетали бемоли с диезами
За перстами твоими нежными!..

Позабыты твои Бетховены.
Зато дети и дом ухожены.
Все пожухли пиесы Шуберта.
Зато – ах! – твоя сельдь под шубою.

Успеваю на разных поприщах.
Ты ж полжизни в духовку смотришься.
А глядишь в зеркала княгинею:
Благородны твои все линии!

Как с холста да Винчи сошедшая,
Ты любовь моя сумасшедшая!
Жаль, без князя моя родословная,
А владею лишь русским словом я...

– Что хотела, моя хорошая?..
– За какую, к чертям, картошкой?!
– Уж давно бы сама и слазила.
– Не маячь! Метафору сглазила!..

О, сумей все вернуть в начало я,
То пахал бы весь век отчаянно,
Поступаясь своими талантами,
Чтоб осыпать тебя брильянтами!

ДОЧЕРИ

Когда случилось, я не знаю.
Но изменилась дочь моя:
Была своя, была ручная,
А стала вроде бы ничья...

Давно ли губки подавала
Ты мне забавно перед сном?
А нынче – будто бы устало –
Мы еле щечку подаем.

«Я вам не кисонька, не рыбка!»
До срока нежностям конец?
Смешно, наверное, что быстро
Грустит об этом твой отец.

Ты встретишь суженого, дочка,
Чтоб мамой ласковою стать,
Но сердце глупое не хочет
Тебя на волю выпускать.

Оно, наивное, стремится,
Пока не выгорит дотла,
Чтоб вечно – редкостною птицей –
В моих ладонях ты жила...

НЕ УСПЕЛИ ДРУГ ДРУГА МЫ ЧУТЬ ПРИГУБИТЬ

За бокалами сблизим уста в эту ночь...
Год, как в юности месяц, уносится прочь.

Десять лет, как скаженные, ринулись вдаль.
Вот такая пора – с терпким вкусом печаль!

Паутинки ты с милого гонишь лица.
А считала, что цвету не будет конца!

Чей же рядом в стекле молью траченный вид?
А я думал, мне осень до ста не грозит.

Мы успели друг друга едва пригубить,
А как мало, как мало осталось любить!

Нам везло: и в ненастные годы шла масть,
Чтобы вкусное в клювики детские класть,

Чтоб устроить как надо домашний очаг...
Всё ладом. Перед Господом только не так!

Бродит в доме щемящая зябкая тишь,
Как выросли-упорхнули малышка, малыш.

Их лишь двое у нас. А могло? Боже мой!
Видишь, души парят надо мной и тобой?

И до самого сердца пробрался мороз.
Но с вином на губах – соль спасительных слез...

НАПОСЛЕДОК

Бают, время летит – просто жуть!
Вот и в осень короткую эту
Снится, мчусь я со скоростью света –
Чаю время само обмануть!

Оглянусь... Как наивно порой
Добивался с неистовой силой,
Чтобы ближние так же любили
Все, что сам полюбил, как шальной!

Век блуждать отрядил меня Бог
Меж мирскою и Млечной Стезеею.
Жизнь светила и... была грозною!
Только выбрать я так и не смог...

От креста, от судьбы не уйти.
Опоздать невозможно с началом:
Над строкою я бился ночами
Ради той, что одна на пути.

Вышло, прибыл к сединам своим
Полунищим российским поэтом.
И тому есть простая примета:
Не деньгами... словами томим.

Что-то щиплет все чаще глаза.
Что скрывать? Как и каждому старче,
Жаль немного себя. Только жальче –
Своего отошедшего пса...

* * *

Мне однажды, в беспамятстве, ночью,
В час густой за окном черноты,
Вдруг явились, как молния, строчки,
Но не смог разомкнуть немоты.

Сколько лун желтооких – бессчетно –
Те слова я стремился найти!
Но, боюсь, только отсвет залетных
И сумел до листа донести...

ИЗ СВЕЖИХ ЛЕТ.
СТИХИ

ВОСПОМИНАНИЕ-СОН

Вот я навзничь лежу, распилен
Бандеровцем на равные части:
На украинску – добрую половину
И вторую – погану – москальску.
Жизнь обещана першой части,
Скоро бросят в огонь другую...
Темным небом к земле я придавлен!
Господи, спаси и помилуй!
Странно, я почти не чувствую боли.
Но слышу... голоса моих половинок.
Гарна – с отцом разговляет тихо:
– Не журишь, батько, коль не приду на могилу,
Ведь не знаю, ходить я смогу ли?
– Ничего, сынку, – отзывается тато, –
Твоей думки о батьке мне хватит...
А дурная – слезно обращается к маме:
– Мамочка, мне очень страшно и плохо!
И отвечает она, как в детстве:
– Сынок, нужно просто лечь на животик,
И к утру все пройдет, родимый!
– Но как же, мама, я по-другому лягу?
Мне же нечем совсем оттолкнуться...
И слышу снова добрую половину:
– Тато, я помню, как ты научил меня плавать,
А сам почему-то, рослый и сильный,
С морем так и не подружился...
А вторая – просто держит мамину руку,
Увлажняя ее слезами.
И Бог сотворил чудо:
Мои половинки живы!

Гарная... И другая тоже –
Осталась ущербной, но не сожженной.
И, восстав, живут половины
Долгие годы поодиночке,
Свиток жгучих обид лелея,
Но сойтись все никак не могут...

2018

БРАТУ, ПАВШЕМУ ЗА ВЕСНУ ДО ПОБЕДЫ

Беспримерной длины горький список плывет на экране:
Миллионы теней, что оставил нам огненный смерч...
Но хоть этого ждал я, а все ж обожгла, засветившись,
И фамилия редкая, инициалы мои.
Неожиданно оторопь вдруг охватила морозом,
Будто числюсь я сам в этом скорбном бескрайнем строю...
Но опомнился: ты это, старший мой брат незнакомый,
То же отчество, только Владимиром был наречен.
Ты ведь радиотелеграфист, так нажми поскорее
На «прием»... и меня сквозь эфирные трески услышь.
Разошлись мы на свете с тобой... Восемнадцатилетний,
До Девятого мая одну ты весну недобрал.
«Пал, геройство явив...» – слов не вырубить из похоронки,
Что вручили, как брату, мне вновь позапрошлой зимой.
Комиссар батальонный, родитель наш, вышел из ада,
Взрывом бомбы изранен, засыпан... Из тысячи шанс!
Выжил! Бог охранил... Возвратилась из пекла и мама,
Что в боях госпитальных сражалась за жизни солдат!
И спустя триста дней, как тебя на планете не стало,
Вышло так, третий сын, я, немедля издал первый крик.
Но живет почему-то в душе моей чувство такое,
Что рождением своим я обязан тебе одному!..
Нам обняться теперь по *ту сторону* лишь доведется.
А сегодня внезапно простая догадка пришла:
Весь мой век опалил ты, сгоревший короткой свечою!
От ожога того, может быть, я и стался поэт...

2020

* * *

Юнне Мориц

Когда я пишу Вам свои дурацкие тексты,
меня греет, что Вы их читаете все же,
как согрели Ваши «спасибо»,
«берегите себя и близких».
И посланное Вами сердечко
дорогого для меня стоит...
Хотя отчетливо понимаю,
что в саду роскошных стихов Ваших
я недостоин быть и поленом –
вышедший в лирики антик-физик,
заигравшийся рифмами самоучка.
Простите, наверное, бес попутал,
когда я самонадеянно и дерзко
пытался найти в Ваших строках изъяны.
Великодушно Вы не послали... нахала,
поведав терпеливо и почти нежно,
что мне «в поэзии неизвестны
законы световой защиты
и прокладки сети светопроводной».
А я музыку в этих словах услышал...
Любовь людскую Вы давно заслужили –
всею жизнью своей, каждой строчкой:
от бродячей собаки кусачей,
в чьей душе цветут незабудки,
до нынешних обжигающих откровений,
уже не на грани, как у Вас когда-то,
но за гранью выдоха и вдоха...
Вестимо, лишь двум поэтессам в России
народом присвоено званье Поэта!

Их имена – Марина и Анна –
в стране нашей каждый, пожалуй, знает.
И вот случилось, быть может неожиданно,
явление третьей – по имени Юнна!
А Вы с улыбкой назвали себя – поэткой...
Так пусть каждый стих Ваш светопроводный
все ярче заблудшему путь освещает!

2017

ИЗ ЖИЗНИ ПТЕРОДАКТИЛЯ

Дарье Мартышиной

Я любил подбрасывать высоко над собою
«мелких» – своих и соседских тоже.
Они порою слегка пугались,
но чаще повизгивали от восторга.
Мой малой пытал меня после полетов:
– А древние люди летать умели?
– Конечно! Иначе зачем нам это?
И теребил сына за лопатки-крылья.
– А научиться обратно можно?
– Наверное! Сам летал я когда-то –
птеродактилем был в ту эру.
Почему разучился, не ведаю даже.
Может, тяжел стал иль нюх посеял –
забыл, как с небес доставать радость,
крыла свои подбивая ею...
Но однажды ухватил и подбросил девушку –
премиленькую, из моего подъезда.
Та готова была уже разреветься.
Но внезапно, расправив ладошки,
изумляя близких, в воздухе... задержалась!
Тот первый полет она вряд ли помнит,
но память мою он по-прежнему греет:
она ведь до сей поры взлетает
ежевечерне... над сценой театра.
И у самой растут уже детки.
А вот летать они будут, нет ли,
то Бог наш единый только решает...

2019

* * *

Екатерине Горбовской

Обитаешь давно за границей
И недурно устроена пусть,
Но в глазах укрываешь криницах
Ты бездонную смутную грусть.
Что оставлено было? Разруха
И раздрай, безнадеги печать!
Ну, еще нечто «в области духа»,
Так его тебе не занимать...
А теперь вижу круг эмигрантов.
На чужбине не скис твой талант:
То синьорой звучишь, то инфантой,
Точно Белла полвека назад.
Зазывают поэта, конечно,
Всевозможных «Свобод» голоса.
Но сейчас ты читаешь сердечно –
По-иному, чем на «Бибисях».
И уста твои живо роняют
Строки, все вроде как ни о чем.
Но в них русское слово сияет
Тем мятущимся щедрым огнем...
Не хватает широкой улыбки?
Что ж, не слишком медова там жизнь:
Как печаль ни упрятывай шибко,
Все ж нейдет ослепительный «чи-и-из».
Чутко слушают невозвращенцы
Каждый стих... Добрый аплодисмент.
Может быть, поострей инфлюэнцы
Ностальгии твоей перманент.

Зацепила их души ты крепко.
Заодно прихватила мою.
Русский – чувствами – мягок нередко.
В закордонном тем паче краю...

2017

ИКАР НА КОНЬКАХ

Юрию Овчинникову

Я помню взлетающего ввысь в мольбах,
руками говорящего парня русского;
впервые надо льдом звучит Бах,
как откровения Иисусовы!
В посылках своих красноречив,
в воздухе зависающий,
он громче верхнего «до»... молчит
и падает ниц страдающий!
Уже на коленях по льду оборот
последний крутит, прощается.
Но мнится, что продолжает полет –
в своем запределье вращается!
Ошеломленные, ставят 6.0 –
как мало! – правил служители...
Икар на коньках, поднебесья король,
весь мир сделал плачущим зрителем!

КУСОЧЕК СОЛНЦА

Милане Герасимовой на 5-летие

Однажды увидел и тебе открыл я:
в твоих волосах проживает кусочек солнца!
Ты загадочно мне улыбнулась,
как будто с рождения знала об этом...
Родня-подросток уронил нежданно:
«Какая она милая!» – о тебе, всего-то.
Но разве от мальчишек услышишь такое?
Ты удивляешь не одних близких.
«Чудо! Господь явил чудо!» –
только и вымолвил друг далекий,
тебя пятимесячную увидев.
И не было в том преувеличенья...
С именем твоим в самый раз угадали:
неможно было назвать по-другому!
Не похожа ничуть на красотку Барби,
но свечением глаз своих – покоряешь!
Ты в этом мире гость не случайный,
а волею Божьей ангел лученосный!
Это сиянье в косы мама тебе вплетает.
Она в ладонях моих – давно ли? –
птахой редкостною гнездилась...
Расцветать и взрослеть ты станешь,
проявляя один за другим таланты
и пленяя притяженьем невероятным!
Бог не любить тебя просто не может!
Поэтому, знаю, ты счастливою будешь!
А я – с небес – тебе радоваться не устану...

Июнь 2020 г.

ФОРСИРУЯ ДИВАН

(Микропереключка вначале со строкой классика случайна)

Мне тело дано давно. Как ныне сладить с ним –
Смешным по-детски, да таким несносным и чужим?
Осточертели этот вид и лежбища пейзаж.
Эй, кто-нибудь! Исправьте мой разбитый фюзеляж!
Такая хрень: пошло вразнос прибежище души.
Да из такого шалаша любая убежит!
Послушно Ньютону, боюсь, все тело не вполне.
Ведь незаконно, что оно служить не хочет мне.
И каждым утром волоку за волосы себя.
Не Обь, не Волгу – свой диван форсирую, сопя.
Пас – доктора. Бог не спешит... прибраться. Инпланетян
Зазвать на помощь, что ль? Ау! Даешь тау-китян!
Беда... Но знает лишь Творец, когда таки загнусь.
Бревном бы мыслящим не стать: минуй такая гнусь!
А в остальном все хорошо... Но, грусти не тая,
Боюсь, ущербным станет мир и скучным без меня!

2019

АВТОСЛАВИАДА

Старшой прораб блажил немного:
Под тридцать... в стол кропал мечту.
На счастье ль вышло, на беду,
Но ...надцать строк пошли в дорогу!
Случилось: малая эссешка,
Что самотеком слал – мираж! –
Нечаянно прошла в элгэшный
Многомильоновый тираж!
Поздравил дочь-отроковицу
Стишком... Свезло: строфа моя
Пришлась вестимой всем Певице,
Чтобы воспеть мое дитя!
Портрет жены писал для дома,
Но надо ж, вязь банальных слов
Теперича глядится в томе
Руси пиитов трех веков!
Есть люди чуткие в столицах:
Не раз в Московии тиснен.
И в Питере, и в заграницах
Так иль иначе застолблен...
«Обуглил» местный язвослов:
«В. А. – пиит России лучший,
Да просто нет поэта круче
В стране средь... стройдиректоров!»
Что ж, были случаи похожи:
Ф. Т. – среди послов Атлант!
К. Р. – певец средь князей Божий.
С. Е. – наш гений средь крестьян!

Может, и вправду, он subtilen –
Талантишко пиитский мой,
Но точно, что не слабосилен –
В улыбке, стебе над собой!
Финита ля... И будь как будет!
Все остальное между строк.
Вот мой признательный листок.
С подлинным верно. Веди. Люди.

2019

СКАЗ ПРО МУЖА СЛУЖИВОГО И – В ТОЙ ЖЕ РОЖЕ – СЛОВОИГРАЛЬЩИКА

(Трагифарс)

Каждый поэт когда-то пишет «Черного человека».

В крае снежном, в граде не из маленьких,
Во семействе не богатом и не бедственном
Рос пацанчик, пепловласый, светлоглазистый...
Донимал как мог мальчончишка родителей:
«Сколько дней лететь до звезд? А что за звездами?
Пустота? А что за ней?..» Пытал и братушек.
Ставши отроком, глотал подряд все книжицы
Без цензурщины любой – что попадалось.
Улыбалась эскулапша, добра мамушка:
«На судьбинушке, быть может, тебе писано –
Мыслелетчиком стать иль словоигральщиком?»
Но отец, седой вояка, только хмурился:
«Позабудь ты, сын, про энти мерехлюндии.
Лучше нету синей корочки строителя –
Презавидной будет хлебной карточкой».
Хуть из братьев оказался самый младшенький,
Паря был не вовсе дурачинушка –
Внял совету мудрому родителя.
А затем свезло: за годы считаны
Муж, карьерницу изрядную возделавши,
Зажил славно, как батяня предначертывал.
И все ж в разуме он был несогласованном –
Отрешился от дорожки от партийновой,
Что ковром сама под ноженьки стелилася.
По Застоюшку шагал он, гроз не ведая.

От свободы одуревший в Перестроюшку,
Как и все, был в шоке от Советчины,
Что, Музлищу, с кем боролась век, отдавшись,
Словно оборотень, в волка превратилась...

Он покинул пост – и сытный, и престиженный,
Переставший быть таковским в одночасие.
Ибо вкусное привык он класть во клювики
Домочадцев... И теперь, в лиху годинушку,
Масть пошла: сбывал вагонами вкуснятинку.
Но недолго. Вышло – не его занятюшко...
Вновь свезло: стал управителем сообщества –
И приватного, и – пополам – казенного.
Не сыскать надежней в смутно времечко.
Можно было тут добра нажить поболее;
Дома женушку имел он, раскрасавицу,
Да и детушки взрастали распригожие...
Но водилось, вот беда, за эфтим молодцем
Стародавнее блажное увлечение:
Выражался он порой стихотвореньями.
И, стряслося, стали эти опусы
Мелким хилом да во свет ходить-печататься,
Прибавляя блажи сочинителю.
Воспарить он мог посреде любого сборища.
С крыл сходили шалости везунчику.
Был он дока в прелукавейшем бумажестве,
Что зело во службах наших ценится.

Благородную икрицу, мед возмазывал
На хлеба семьи... Умножить состояньице?
Бог лишь ведал, что мешало изловчитися.

Каким был, таким остался в пору зрелую –
Головой не слишком-то организованный.
А года-то к полувеку подкатились.
С чем встречать годину невеселую?..
Но, однако, сумасход крепчал писателей:
Чиркал перышком мужик, не устаючи,
Мнил ко лучшему поднять свою Отчизнушку.
Да вестимо: и звончей были витиюшки...

Беспрестанно в море слов он сеть забрасывал.
Что хотел поймать, сам не ведывал.
Там и рыбка золотая вдруг попала,ся,
Как родня ее когда-то, и взмолилась:
«Все твои исполню пожеланьица,
Токмо отпусти в морскую вольницу!»
Тут и молвил управляющий присутствием:
«Мне не надо партаментов беломраморных,
Вилл заморских, лимузинов, яхт летающих,
Ибо стыдно быть богатым во Россиюшке!
Подсоби мне, рыбка, стать поэтом истинным,
Чтоб в груди горела свечечка немеркнуца!
Чтоб лучами света – чувстволётами
К сердцу каждому слова мои причаляли».
И сказала рыбка: «Станет все по-твоему.
Будет что желаешь или более...»

И проснулся через время муж ответственный.
Видит в ящике стола атласны корочки –
Вседержавной и всемирной писчих гильдиев.
И ласкает глаз роскошный том-собрание
Трех веков пиитов россияновских:
Там сонет его – топориком не вырубишь!

А певцы-певицы с разных мест по случаю
Слезный стих его поют о милой дочушке,
Нежны строчки для любимой, станс родителям.
Его строфицы нет-нет да проявляются
У славян-соседей и во ближней Азии,
И в Европах, и в Заокеанщине.
Есть и кубок, за его творенья даденный.
Почитательницы, что душою щедрые,
Нет да шлют ему признанья чувственны.
И в груди та свечечка заветная –
Жжет и светит не переставаячи...

В дом зашед, жена с разбором нешуткованным:
«И куда летал, родимый птеродактилек?
Не иначе, ты сбывал свои поэмушки,
Как вагоны с сахарами да сгущенками?
А не чуешь ли – иссяк достаток нашенский?
Где уж деткам – а пора! – до стен Сорбонновых!
Не видать тебе лечения в Ерманиях!
Не до платьев мне версаческих тем более!
Не избылись бы пельмешки жесткотестовы!
Как же, седовласый простофилюшка,
Стался ты без кошта без достойного?
Со своею светлою головушкой
Да с такою бешеной энергицей...»
Поделом она корит его, болезного:
Ударял пока стихом по фестивалюшкам,
Сама службица завидная распалася.
На счетах его пустоты торричеллевы!
От родных кровинушек не спрячешься.
Да простят они, хотя бы по ту сторону.
Токмо как глядеть сейчас в глаза панбархатны,

Грусть унять его царицы-самоцветицы?..
Возревел тут словодел кудлатым матищем:
«Р-р-разъедри твою в три жабры, рыбка, матушку!
Что ты натворила-накосячила?!»
Но внезапно понял муж: золотая энта
В забытье ему, блаженному, привиделась.
А по правде, он был послан Вседержителем
Век блуждать меж мирской стезей и млечною.
Так поболее чем полжизни прометавшись
В ипостасях двух, муж понял больно явственно:
Лишь едино есть его предназначеньице.
Осточёртело, нет сил, остоедренило
Его поприще мирское респектаблишно.
Не могло такое статьса безнаказанным...
Возблагодарил за все он Господа:
«Грезил я увековечить дочь и женушку.
И – с Твоей заботой – получилось!
Большей частью от лукавого все жаждушки.
У Тебя не слишком многое вымалывал.
Но возможно ль жизнь прожить без искушеньица?
Не избыть мне боль – телесную, сердечную.
Не ропщу: грехи-то надо *тут* оплачивать.
Повелишь – так и отбуду с тихой радостью,
Чтоб узнать – что там за пустою кроется?..
Много раз я возгорал и рвался с привязей,
За пределы Ойкуменушки поэтовой
Вырываться пробовал. Прорвался ли?
То поэту не узнать по *эту* сторону...

В АЛЬБОМ К.

(Романс из XIX века)

Я заболел, и близость Бога
Вдруг ощутил в своей судьбе.
И сердца смутную тревогу
Услышал явственно в тебе.
Какие источают трели
Твои изгибы и черты!
С картины Санти Рафаэля
Через века шагнула ты.
Твоей породе, белла донна,
К лицу любая ипостась:
И королевская корона
Тебе придется в самый раз!..
А мой недуг назвал когда-то
Несчастной глупостью поэт.
Но в сумасшествии крылатом
Я вовсе не хочу умнеть!

2018

СУРОВЫЕ СТАНСЫ

Немыслимо не уважать Валерия Брюсова, учителя поэтов, родоначальника русского одностишия. Но эта его заумная фраза сегодня выглядит просто пародийной, если не подбирать эпитет полохматее: «Тогда, в 1912 году, автор (Брюсов. – В. Л.) полагал, что своевременно и нужно создать ряд поэм, которые указывали бы читателю на радости земного бытия во всех его формах». Вот, оказывается, для чего создаются поэмы! Подумалось: поскольку мне сейчас напряжно писать поэмы, не накропать ли стансы или, если хотите, августовские тезисы – десяток мало связанных между собой строф. Из них легко представить, какой цикл стихов, указывающих читателю на изъяны и беды земного бытия во всех его проявлениях, – и какой недюжинной силы! – я мог бы написать, будь помоложе и поздоровее...

«Я знаю то, что ничего не знаю» –
Кокетничал мудрец, сдается мне.
Диагноз мой: теперь не понимаю,
Что раньше знал и понимал вполне.

Боюсь, не хватит жизни разобраться –
За красных иль за белых встал бы я?
Когда-то знал... Но очень худо, братцы,
Коль скоро бьется меж собой семья.

Знал в девяносто третьем непреложно:
В наш Белый дом засели плохиши.
Но не пойму одно: как было можно
Друзей недавних танками крошить?!

Зачем столь рьяно – с прошлого покровы,
Не понимаю. Но ведь повелись.
Не лучше ль, чтоб священные коровы
На нашем настоящем не паслись?

Мы дождались свободы, что алкали.
Что делать с оной, в толк я не возьму.
Глаза у ней какие-то шакальи –
Так кажется, не знаю почему.

По Блоку – так художник русский честный
Не может быть ни разу либерал.
Зачем, не знаю, только нашей лестно
Богеме петь под западный хорал.

Все правды на Земле – они банальны:
Семь миллиардов homo есть хотят.
Но не понять мне истины фатальной:
Голодными из них ночует – пять.

Спросила внука: «Кто-то на планете
Творения твои читает, дед?»
«Не знаю, мало... Но темней на свете
Стаёт, как покидает мир поэт...»

2020

* * *

*Олегу Кухареву, другу,
актеру Кемеровской драмы*

Актер провинциального театра –
Зовешь себя и говоришь, что стар!
Ты прав, но глыбу твоего таланта
Иначе не назвать как суперстар!
Трубу иерихонскую запрятал
В обычного размера с виду грудь.
Как много потерял, что не сосватал
Твой дар – тому лет сорок – Голливуд!
Премьером признан даже в Ереване,
В овациях тонул в Алма-Ата.
Вестимо, что купался, как в нирване,
Ты в зрительской любви – везде, всегда.
Когда со сцены фразу ты роняешь,
На выдохе и шепотом едва,
То явственно нутром вдруг ощущаю:
На улице слышны твои слова.
Сдается мне, порою слышу кожей
Твой баритон бездонный и густой!
Молю, дружище, будь с ним осторожен
И обжигай не слишком крепкой той...
Но вот вещаешь ты с телеэкрана:
Неможно не поверить в твой посыл.
Наверное, своей «Дорогой к храму»
К Творцу кого-то вправду обратил!
Как видно, с небесами ты повенчан:
Поцеловал с рожденья – в горло – Бог!
Хотя всю жизнь любил я только женщин,
В твой голос не влюбиться все ж не мог...

* * *

Памяти Аллы Зибольд

На тихой площади когда-то
Без мам играла детвора.
Порой гитарами ребята
Бренчали в сквере до утра.

А в доме рядом, голосиста,
Ну прямо чистый соловей,
Жила на пенсии актриса.
И тем обязаны мы ей,

Что каждый теплый вечер лета,
Как зажигала свет луна,
Шло представленье оперетты...
Бесплатно – из ее окна.

В полон не всех, конечно, брал он –
Ее пронзительный вокал.
Кричали снизу «бис!» и «браво!»,
А кто-то – пальцем у виска...

Другие ныне чтут харизмы,
И ритмы новые в ходу.
Смешно увидеть в том беду,
Впадать нелепо в укоризны.

Но только мне наивно мнится
Такой сюжет не в первый раз:
Однажды голос той певицы
кого-то от несчастья спас,

От лиха, бог не приведи.
Ведь музыка – святая сила.
Немыслимо – послушать Сильву
И... на злодейство вслед пойти.

Не запоет актриса больше –
В небытие ушла давно.
Но почему-то нет да брошу
Свой взгляд в знакомое окно.

* * *

Г. Ф-вой

Из виртуали запредельной
Не без сокрытого огня,
С грустинкой радостной глядели,
Казалось, только на меня
Глаза иль, может быть, оливы,
Струящие астральный свет...
Она, наверное, в счастливом
Союзе с кем-то двадцать лет,
Во всем успешна... Что ж, мне тоже
В любви светило и в судьбе.
Свою по полной чашу... прожил,
Теперь закат в моем окне.
Раскрыть загадку шансов мало.
Что означает этот взор?
Чего-то все же не достало
Ей в жизни? Иль несу я вздор?
Но это вправду очень странно –
Пришло откуда-то мне вдруг:
Что, если б встретили неожиданно
Мы в прошлом веке друга друг?
Когда б вернуть возможно было
Назад десяток тысяч дней...
Боюсь, она б меня любила,
И я б ответил тем же ей!

4.10.2020

РЕВНОСТЬ К ФАНТОМАМ

С тобой почти полвека я повенчан.
И Бог ни в чем не обделил детей.
Но ты в догадке, лучшая из женщин,
Мне одиночество куда милей –
Наедине с листом перед собою,
А позже с монитором визави.
И, мнится, откровение порою
Мне свыше приходило о любви...
Мужчина без греха не сносит рыла.
Но так в окно печально не гляди.
Если когда-то где-то что и было,
Метелью замело давно. Прости!
А что в стихах случается – безвинен
В том, сколько в них я разобью сердец.
Что сотворят герой и героиня,
Отбившись от руки моей вконец...
Недуг крепчает. Пять шагов от дома.
За что коришь меня, понять могу.
Но чую: все ж ревнуешь ты к фантомам,
К тем, что в моих поэмах на слуху.
Они не нанесут тебе урона.
Но ты меня хоть в клочья разорви,
Какой-то рудимент тестостерона
По-прежнему шалит в моей крови.
Пройдет и это так или иначе,
Когда забьется в крышку крайний гвоздь.
Ты с горьким облегчением заплачешь,
Землицы мягкой мне отмерив горсть...

9.10.2020

* * *

Игорю и Ирине Киселевым

Простецкий глава альманаха,
Для юных ты не был для нас
Каким-либо лит-Мономахом.
(По семьдесят младшим сейчас.)

Ни тени, ни грамма от мэтра,
И на многословье не щедр.
А был уже видным поэтом,
Что признан в СП Эсэсэр.

Однажды, отваги набравшись,
Домашний найдя телефон,
Наивно, ничтоже сумняшесь
Отвесил тебе свой поклон.

«Ну что ж, приходите, дружище,
В субботу ближайшую днем.
По вашим твореньям порыщем –
Глядишь, что-нибудь и найдем...»

Красавица дверь мне открыла.
Жена. Я назвался сперва.
«Ирина...» Тех глаз поразила
Светящаяся синева.

«А это, знакомьтесь, Булька,
Давно член семьи, двортерьер».
И лаем ответила гулким
Собака без всяких манер.

Мелькнуло: мала ведь квартира,
Скромна – шифоньер да диван.
Зато ему Богом Ирина
Дана и талантище дан!

Листал ты беззвучно сначала.
Подумалось: видно, не ах...
Но музыкой вдруг прозвучало:
«Два эти беру в альманах».

Но вскорости вот что случилось:
Тебя в одночасье «ушли».
А сменщики, так получилось,
Те строки мои не нашли...

Стихи разлетелись, как птицы.
За них и похвал пригубил.
Но лучшими были, мне мнится,
Те два, но... их напрочь забыл.

Полвека почти миновало.
Не чуждым мне стал тот журнал.
Но помню, как Игорь Михалыч:
«Вот эти беру!» – показал.

* * *

*За его здоровьем следил личный врач.
Урна с прахом Тимура будет захоронена
с почестями..*

(Из СМИ)

Альянсу тигра и козла
Примера нету, мнилось.
Вся умилялася страна
И дружбе той дивилась.
Но так ли нов сюжет простой,
Где детки чуть не плачут?
Конечно, было: Лев Толстой –
Про льва и про собачку...
Увы, и личный врач не спас,
Преставился наш козлик,
Реанимации в тот час
Не оказалось возле.
Усоп отважный наш Тимур,
Скорбим над ранней урной.
Переживает тигр Амур.
Как это все гламурно!
Гуманно, что решили прах
Козла увековечить!
Во всех бы дет- и деддомах
Житье очеловечить...

2020

СТРАШИЛКА ПРО РУССКИЙ ДОПИНГ

Вот весь дебильный этот бред
Хор журналюг заказный –
На ужин, завтрак, ланч, обед –
Вещал, дуря сограждан:
«Чтоб побеждать и там и тут –
В Америках, Европах, –
Все русские атлеты жрут
Вестимо что – господинг.
А дабы скрыть, откуда прыть
У олимпийцев в Сочи,
Решил им Путин подменить
Мочу и кровь и прочее.
Велел гэбистам пробивать
Дырищу в интерлабе,
Чтобы ночами, словно тать,
С мензурками пролазить».
Вам доказательства нужны?
Так их нашли успешно:
«В пробирках черточки видны –
След явно эфэсбэшный!»
И швед, и финн чисты зато,
Чисты америкосы:
Им врач назначил, если что,
От хворей наркодозы.
Их астма мучает и – мрак! –
Рассеянность вниманья!
Болезным не прожить никак
Без наркопропитанья.

Гимнастка – редкий концентрат
Стальмышц – как мячик, скочет.
А в теннис мускулов гора
Тростинку Машу мочит!
Шипенье Си-эн-эн опять
Иль вешунов новейших:
«Край, надо Рашу наказать,
От спорта отлучейшн!»
Закончу – не морали для –
Извечною из истин:
Хоть зашипитеь, бесы, тля!
Без «Раши» мир немислим!

2019

Редко пишу пародии. В основном на друзей, даровитых поэтов. Таковым, несомненно, является мой давний друг по фб. Ему в книге посвящена отдельная эссешка. Лайкую, отдаю должное образности и мастерству его строк, даже если что-то не устраивает в смысловом плане. Но тут меня удивил как-то неожиданно воссиявший, высокий штиль автора. Прямо XVIII веком небесприятно повеяло. Имеет право. Так же как другой автор – на улыбку.

...Весь этот мир вместить спешу
В стихи, поэмы, притчи, оды.
Вылизываю каждый слог,
Дабы стихи читались глаже...
Что мир, коль я вместить не смог
Себя в них на крупицу даже?!

Александр Ратнер, г. Днепр

ПРОБЛЕМЫ АВТОПОРТРЕТА

В поэмы взять весь свет я мнил...
Мир, что «преступный и постыдный»,
Давно Художник нам открыл.
Мир стал ужасней – очевидно!
О чем теперь любой мой стих?
Спешу едва ль не каждый вечер
Я в строчках выразить своих
Себя, быть может и навечно.
В поэзию остаток лет
Ходить мне словно на Голгофу.
Беда, что мой автопортрет
Масштабней, чем мои же строфы!

Василий Циттель (он, очевидно, из неоэмигрантов) от скромности не умрет. Рекомендует себя в профиле фб так: босс в русском поэтри-слэме (последнее означает состязание поэтов на публике в чтении своих стихов). Не знаю, надо слушать. Но, судя по фб, парень не без юмора и не вовсе без таланта. А вообще в его отвязном стиле многие наши молодые нынче пробавляются.

...вином и бабами молодость продеваю.

<...>

потому что жизнь – такая штука,
хочется только схватить базуку,
расколбасить все к едрене фене,
к сожалению, я подвержен лени.

Василий Циттель, Гамбург

Как тут не отозваться пародией?

ПОВЕЗЛО МИРУ

Мне в этом свете и стремно, и душно:
Все, кроме баб и вина, стало скучно.
Хочется всяческих, блин, катаклизмов...
Лень только двигаться – до офигизма!

Прямо застой в кишковине от лени.
Влом даже ботать порою по фене.
Леняк и соседу морду расквасить
Или собаку его расколбасить...

Что-то бы надо поэту покруче.
Взять и устроить какую-то бучу!
Сжечь, может, снова Рейхстага палаты,
Чтобы запомнили, как Герострата?
Гамбург взорвать, что ли, к фене едрене?
К счастью для мира, подвержен я лени...

ТОРЖЕСТВЕННАЯ ПЕСНЯ КЕМЕРОВСКОГО ДРАМТЕАТРА

(Музыка Никиты Нефедова)

Живет под вечною охраной
Старинных греческих колонн,
Зовется Кемеровской драмой,
Любовью нашей дышит он.
Пылать свечою вечер каждый –
Удел актера наш таков.
И мы сгорая не однажды,
Чтоб возродиться завтра вновь.

Припев:

Мы дети твои, Мельпомена!
Вот наша заглавная роль!
Твое притяженье нетленно,
Душою и сердцем с тобой!
Мы дети твои, Мельпомена!
И каждый из нас – твой герой!
Тебе никогда-никогда не изменим,
С тобою мы крови одной!

Играем жизнь, живем мы в роли –
Порой как боги, может быть.
А дрогнет голос у героя –
Наш добрый зритель все простит.
Да, любим мы себя на сцене,
Но сцену – больше во сто крат.
И этот праздник вдохновенья
Нам слаже званий и наград.

Припев.

ВПЕРЕД, НАШ «КУЗБАСС»!

*(Слова и музыка мои.
В ритме легкого рок-н-ролла)*

Парни, девушки и пацаны,
Все на русский хоккей!
Земляки, мужики, братаны,
К стадиону скорей!
Сегодня нас кипа дел обождет
И отдохнем от домашних забот.
Мы порадуем душу и глаз.
В наступленье, «Кузбасс»,
в наступленье, «Кузбасс»!

Ширь сибирская в этой игре –
Бомбардир, заряжай!
Были в бронзе мы и серебре –
Выше нам подавай!
Пускай наш город не слишком большой,
Но всей России известен такой!
Побеждали мы грандов не раз!
Вновь покажем свой класс,
вновь покажем свой класс!

Ветераны зовут, мастера:
В бой, ребята, пора!
Они рады за новый «Кузбасс»:
Молодежь круче нас!
От наших клюшек оранжевый шар
В чужих воротах творит пусть пожар!
Дайте срок, скоро станем и мы –
Чемпионы страны! Чемпионы страны!

ГИМН КЕМЕРОВСКОГО РАЙОНА

(Музыка Марины Царегородцевой)

Вспомним мы года в старинной дымке,
В них плыла Томи хрустальной звень,
И стояла Крёкова Заимка –
Мать всех кузбасских деревень.
Новостройка и Металлоплощадка
Смотрят ныне словно города.
Но изба, и сельский двор, и грядки –
Нам мила такая простота!

Припев:

Кемеровский район –
Наши леса-поля!
Кемеровский район –
Наша навек земля!
Кемеровский район
Будет со мной всегда!
Кемеровский район –
Жизнь и судьба моя!

Как легко дышать в своей деревне!
Золотых хлебов чудесен вид!
Тут к тебе с поклоном все деревья,
И родник редчайший вкус хранит.
Любим мы и спеть, и потрудиться.
Лучше края в мире не найти!
Близкие, родные всюду лица!
Здесь детей и внуков нам растить!

Припев.

БАЛЛАДА О КУЗБАССКИХ ШАХТЕРАХ

*Сей минерал если не нам, то нашим
потомкам zelo полезен будет.*

*Михайло Волков,
первооткрыватель кузнецких углей*

Кузнецкие недра от века
Углем пламеносным щедрь.
Но подвигами человека
Даются природы дары.

Тот уголь давно в нашем крае
Шахтерская славная рать,
Ступая меж адом и раем,
Не перестает добывать.

Как в каждом семействе советском
Хоть кто-то, но был на войне,
Шахтер есть в моей и соседской
И в каждой кузбасской родне.

И как из жестокого боя
Не все возвращались штыки,
Доныне порой из забоя
Выходят не все горняки.

Вспомянем шахтеров ушедших,
Как павших на фронте бойцов,
Небесное Царство обретших –
Всех прадедов, дедов, отцов...

Как прежде, куют оборону
Шахтеры великой страны!
Кузбасс, как Атланты-герои,
На плечи взвалили они.

Их смены горняцкого братства
Космическим вахтам сродни,
Когда в безвоздушном пространстве
На касках сверкают огни!

Вот так под землей они пашут...
А время потомков пришло.
Но будет и правнукам нашим
Сей камень полезен зело!

Пусть черного золота реки
Текут на-гора из глубин.
Но только бы все человеки
Вернулись домой как один!

Помолимся в вечер и утром
За тех, чей удел так суров.
Пласт угольный падает круто –
Нет круче таких мужиков!

О ВРЕДЕ АВТОШАРЖЕЙ

Уже давно открыто:
безвременный закат
в стихе своем пииту
чревато предрекать.

Но вот беда, однажды
постиг, едрена мать:
иным и автошаржи
опасно создавать.

Несу года-невзгоды,
да нет, скорей влачу –
хожу как Квазимодо
и косноязычу.

Сей самостеб-улыбку
когда состряпал я,
слова жевал не шибко,
ходил без костыля.

Прикинулся уродцем
а через пару лет –
без красок новых порций –
готов автопортрет!

Но все гляжу на женщин,
как раньше, в буйный цвет.
А странно, что «чем меньше,
тем легче...» – рек поэт.

Сто лет, а лучше – двести
хочу прожить взахлеб!
А божий венчик если
возложат мне на лоб,

то и тогда – услышьте! –
я живо встрепенусь
и над собой – под крышкой –
еще раз посмеюсь!

Нет, рано ставить точку:
придут, уверен я,
как в «Аленьком цветочке» –
расколдовать меня.

2015–2020

О ПОЭТАХ-КЛАССИКАХ

ОСИП И ИОСИФ

О трагической судьбе Мандельштама достаточно известно. И какую роль здесь сыграла его хлесткая эпиграмма (я бы назвал – филиппика) на «отца народов» – «Мы живем, под собою не чуя страны» (1933) – о том тоже написано немало. Меня потрясло в свое время безоглядное мужество автора. Но думаю, не всем ведомо, что Осип Эмильевич написал и «Оду Сталину». Об этом исследователи предпочитали не упоминать. То ли опасались, что это смажет впечатление от эпиграммы?

Пишу эти строки вовсе не для того, чтобы напомнить известные факты. Хочу поделиться личным впечатлением от этих стихов, в чем-то расходящимся с общепринятым мнением. А заодно и высказать гиперболу о том, как могли сложиться отношения вождя и поэта, если бы... Но не будем забегать вперед. Меня всегда поражало, если не раздражало: зачем литераторы лукавят, находя в эпиграмме высокие поэтические достоинства? На мой взгляд, эти достоинства как минимум на порядок ниже художественного уровня творений выдающегося лирика. Если они вообще там есть. Эпиграмма небольшая, приведу целиком:

Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,
А где хватит на полразговорца,
Там припомнят кремлевского горца.

Зачин хорош. Все понятно, остро, есть интересная метафора. Может, не очень – «под собою»? Но все-таки земля наша под нами, поэтому проходит. И ждешь далее строки и посильнее.

Его толстые пальцы, как черви, жирны,
И слова, как пудовые гири, верны,
Тараканьи смеются глазища
И сияют его голенища.

Но нет. Видим примитивные и, сказал бы, неудобовари-
мые метафоры. Червей толщиной в... толстые пальцы – какая
гадость! – вообще никто не видывал. Слова могут быть толь-
ко тяжелы, как пудовые гири. Глазища-тараканища?! Ужастик
прямо по Чуковскому Корнею... И дальше:

А вокруг него сброд тонкошеих вождей,
Он играет услугами полулюдей.
Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет,
Он один лишь бабачит и тычет,
Как подкову, кует за указом указ:
Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз.
Что ни казнь у него – то малина,
И широкая грудь осетина.

А это вообще «в огороде бузина, а в Киеве дядька» – мало-
сопоставимые строки и слова. И наскоро скроенные. Такое
ощущение, что Мандельштам как импровизатор в кругу друзей
на вечеринке придумал этот текст за минуту, получив задание:
ключевые слова – «кремлевский горец». И отхлестал нехоро-
шего осетина почем зря – трамвайным лексиконом. Кстати,
последняя строчка вообще ни в какие ворота – никак не со-
четается с предыдущими. Так же как в предпоследней строчке
«казнь» и «малина» повенчаны с бухты-баряхты. И при чем
тут вообще воровская «малина»? Если для того, чтобы на-
помнить о бандитской молодости революционера, то логово
разбойников называлось все-таки иначе. «Полулюди» тоже

сомнительная находка: что-то зоологическое. Если уж клеймить, так «недочеловеками», куда сочнее обзываловка. Глаголы все тоже как из подворотни. Разве что сочетание «сброд тонкошеих вождей» выбивается из быдловского словаря. Хотя и тут об уместности эпитета можно поспорить. А так – набор примитивнейших словесных пенделей жертве эпитагмы. Это не значит, что здесь должно было использовать высокий стиль пушкинских времен: «Самовластительный злодей! Тебя, твой трон я ненавижу» и т. д. Нет! Но если не брать первое четверостишие и означенных вождей, такой ругательный сумбур, лишенный к тому же всякого остроумия, способен был написать и небезграмотный старшекласник. Я далек от мысли, что великому лирику вдруг изменил вкус, тонкость и мастерство. Значит, он умышленно опрIMITивил текст. Хотел говорить от имени простого народа? Так народ наш тогда, точно, безмолвствовал. Получается, хотел продырявить отверткой бок полного сил льва, при этом пытаюсь головой ударить царя зверей по зубам. На что тут можно надеяться? Безумие? Все это тайна велика есть. Но ведь он не раз читал сие в кругу друзей-товарищей, было б странно, если бы эпитагма не стала известна Хозяину. Автор все сделал для этого!

Недавно я нашел подтверждение отчасти моим мыслям. Оказывается, Мандельштам прочел эту филиппику и Пастернаку. И тот среагировал так: «Это не имеет никакого отношения ни к поэзии, ни к литературе. Но, несомненно, тянет на акт самоубийства. Вы мне ничего не читали, а я ничего не слышал. Хорошо бы, чтобы и никто больше не услышал». Почему поэт был сразу не посажен и не расстрелян, а всего лишь отправлен в ссылку в Чердынь, а потом переслан в Воронеж? Трудно сказать. Может быть, горец решил поиграть с ним в кошки-мышки, что иногда делал с творческими людьми. Слышал, что за него вступились Ахматова, Пастернак и Бухарин.

Что эпиграмма Сталину якобы понравилась своей устрашаемостью. Но какая могла выйти защитница из опальной Анны Андревны – с расстрелянным мужем и сыном в тюрьме? А Бухарин, накануне собственного ареста? Тоже маловероятно, но кто знает? Пришлась по душе «отцу народов» эпиграмма? Ох, не очень верится в такое. Другое дело, что Сталин был образованным, грамотным человеком. Даже военачальников призвал однажды иметь под рукой словари русского языка, дабы подавать ему грамотные записки. Не новость, что он хорошо разбирался в искусстве вообще и в поэзии в частности. Иногда даже звонил Пастернаку, спрашивая, как тот относится к творчеству того или иного автора. Спрашивал и о Мандельштаме. Сначала пожурил: «Что ж вы не хлопотали о друге?» Борис Леонидыч ответил: «Если бы я не хлопотал, вы даже и не услышали бы об этом деле». – «А этот ваш друг – большой мастер?» Пастернак то ли уклонился от ответа, то ли произнес что-то невнятное (Это с пересказа Ахматовой.)

Прекраснодушный вождь? Ну да, есть и такая версия. За Мандельштамом (май 1934-го) действительно пришли, жена уже снабдила его узелком, в «черной марусе» арестанта привезли в Кремль, провели в кабинет Сталина. А на столике – бутылка хванчкары. И между ними состоялся такой диалог. «Осип Эмильевич, нам стало известно кое-что. Это вы написали «Мы живем...»?» – «Да, Иосиф Виссарионович. Но я не думал, что это вам передадут». – «Что ж, люблю молодца за искренность. Однако вы и опростоволосились с этим мадригальчиком! От кого-кого, а от вас не ожидал. Вы же замечательный поэт редко-го, говорят, таланта. Да как же вас угораздило на такой бездарнейший и безграмотный текст, в сравнении с коим мои скромные стихотворные опыты юности просто шедевры. Боюсь, наш покойный учитель поэтов (Валерий Брюсов. – В. Л.) сейчас бы произнес: «Садитесь, милейший, два!» Уважайте себя, боль-

ше не пишите такую херню», – добавил Сталин. Затем вождь прочел визави краткую лекцию о врагах страны в судьбоносное время и... «Ну что, на брудершафт – и друзья навек? Я сделал для вас все, что мог». Ошарашенный пиит только и мог произнести: «Простите, дорогой наш, меня бес попутал!» И тут же отправился в Чердынь писать оду И. В. Вам, друзья, нравится такой поворот? Мне тоже... Только что придумал. Забирать-то его забирали. Но не в Кремль, конечно. Насколько известно, Сталин юмор из своих уст любил, но не в подобной ситуации.

Пойдем дальше. «Оду» поэт написал все же не сразу, а в январе 1937 г. И это было отнюдь не примитивное лизоблюдство, а истинно художественное произведение, узнаваемый Мандельштам, вещь творчески, сдается мне, посильнее поэмы «В. И. Ленин» Маяковского. Интересен и ритморазмер: семь строф по двенадцать строк каждая, написанные десяти-стопным ямбом. Приведу первую строфу и фрагмент другой:

Когда б я уголь взял для высшей похвалы –
Для радости рисунка непреложной, –
Я б воздух расчертил на хитрые углы
И осторожно и тревожно.
Чтоб настоящее в чертах отозвалось,
В искусстве с дерзостью гранича,
Я б рассказал о том, кто сдвинул мира ось,
Ста сорока народов чтя обычай.
Я б поднял брови малый уголок
И поднял вновь и разрешил иначе:
Знать, Прометей раздул свой уголек, –
Гляди, Эсхил, как я, рисуя, плачу!
<...>
Сжимая уголек, в котором все сошлось,
Рукою жадною одно лишь сходство клича,

Рукою хищною – ловить лишь сходства ось –
Я уголь искрошу, ища его обличья.
Я у него учусь, не для себя учась.
Я у него учусь – к себе не зная пощады,
Несчастья скроют ли большого плана часть,
Я разыщу его в случайностях их чада...

Очевидно, что это стихи.

Позднее отречение Мандельштама, как ни странно, делает его смертельно обреченную, как у камикадзе, отвагу более человеческой. Мне оно кажется чем-то сродни отречению Галилея... Так что напрасно исследователи стесняются упоминать об этой оде. Не думаю, что она принизила значение его, на мой взгляд, вовсе не поэтического, но, несомненно, гражданского подвига в «Горце», передавшем атмосферу тотального страха в стране. Страх и репрессий, которые одни считают необходимой плеткой в пору той беспримерной – по масштабу и скорости – индустриализации державы. А другие – бесчеловечнейшим периодом Советчины. В пополаме до сих пор расходимся во мнениях. Боюсь, те и другие правы! Но это, как грится, уже совсем другая история, хотя История у нас с вами одна... Надеялся ли поэт этой запоздалой одой спасти себя от гибели? Кто знает? Резолюция-вердикт вождя на его деле: «Изолировать, но сохранить». Чем-то напоминает екатерининское «казнить нельзя помиловать», не правда ли? Однако немислимо, чтобы кто-то в Сиблаге позаботился о выполнении второй части этого вердикта. Когда поэт вернулся из ссылки, на него вскоре поступил новый донос. В ночь на 2 мая 1938 г. за Мандельштамом пришли окончательно. И уже на этапе он скоропостижно скончался. Так или иначе, соловей был изжарен. Может, он этого хотел?

ВСТРЕЧА С СЕВЕРЯНИНЫМ

Немного уже рассказывал, что ночами кое с кем иногда общаюсь. С Блоком душевно разговаривали по телефону. Выяснилось, что поэт видел мою первую книжонку, где я, потрясенный, расшифровал одно из его стихотворений, и он дал мне добро на эссежку об этом... С Есениным просто сидели в кабаке и говорили, можно сказать, как солдаты, в основном об людях... А вот с Северяниным встреча вышла на полночи. Мы бродили по берегу Таллинского залива. Поведал ему, что у меня всегда подступает комок к горлу, когда читаю «Это все для ребенка». «И у меня самого тоже, когда вспоминаю», – признался король поэтов. Но тут я не удержался и добавил, что первая строфа там слишком слащавая, если вообще не лишняя. И, представьте, он не возразил: «Ну, так чего вы хотели? Мне тогда чуть за двадцать было...» (Замечу в скобках, что лишние строфы я находил и у Тютчева, и у Кедрина, и у своего друга Вити Коврижных, и даже у Юнны Мориц. Кроме последней, все они со мной соглашались, как ни странно. Но женщина всегда права, тем более столь талантливая!) А еще я сказал, что меня зело трогает его «Янтарная элегия»: «...комичные опенки под кедрами, склонившими чело...» Удивительно свежо звучит! Нечто подобное можно найти сейчас у сибирского поэта... И «Классические розы», где рефреном проходит строка, органично заимствованная у Ивана Мятлева, и которые заканчиваются: «Как хороши, как свежи будут розы, моей странной мне брошенные в гроб!» Поэт промолчал, но в его глазах можно было прочитать: «Хотел бы я видеть человека, которого бы вовсе не тронули все эти строки!» На прощание я спросил, как он посмотрит, если позаимствую у него конструкцию: «Я, гений Игорь Северянин». Только конструкцию – для автошаржа. А все слова будут мои. «Да валяйте на здо-

ровье! Тем более что это не мое изобретение, а еще Василия Третьяковского и ему лет триста!» – великодушно разрешил Игорь Васильевич. И улынулся напоследок: «У меня там ведь тоже не без озорства: «Я покорил литературу! Взорлил, гремевший, на престол!» Разве может здоровый человек вещать это на полном серьезе? Но публику надо эпатировать: без таких стихов не было бы и моей короны...» Что-то он еще хотел добавить. Но тут... я проснулся и сразу к станку, пока ничего не забыл. Мне кажется, он хотел сказать: «И все же, черт меня возьми... в ненастный день взойдет, как солнце, моя вселенская душа!»

ДАЕШЬ НОБЕЛЕВКУ ЗА СОБАКУ!

28 декабря 1925 года погиб Сергей Есенин... Не сомневаюсь, что именно погиб. Слишком уж очевидны были зафиксированные следы насилия над ним в «Англетере». Нет, не собираюсь углубляться в версии произошедшего. Но диву даюсь, что до сих пор тайна велика есть. Чем же так нестерпимо не угодил ЧК великий русский поэт, не входивший ни в какие «контрреволюционные группировки»?..

Одна из постоянных читательниц моего блога в фейсбуке с горечью написала мне, что среди ее знакомых, весьма не чуждых поэзии дам, есть такие, кто не считает Есенина за поэта: мол, кабацкий шансон. Что ж, могу поздравить этих дам: их мнение удивительным образом совпадает с мнением наших когдатешных партии и правительства, на 35 лет лишивших народ великого русского лирика: он вышел из опалы лишь в «оттепель»...

Мне в руки попал его малоформатный пятитомничек в шестнадцать лет, в 62-м. До этого я если и читал что-то из

поэзии, то, пожалуй, лишь то, что надо было донести до стола учителя. Но тут очаровало все: и кабацкое, и лирическое, и драматическое. Помню, ходил ночью как сомнамбула и повторял: «Я не знал, что любовь – зараза, я не знал, что любовь – чума...» Даже будил матушку: «Мам, ты только послушай, как же это здорово!» Но более всего меня потряс «Черный человек», все 26 стрóf которого сразу же заучились, и, конечно, шедевр на все времена «Песнь о собаке». Много лет спустя я дал этот стих сыну-первокласснику. И он прочитал его в школе. Так чуть не у всего класса заблестели глаза. Но вот что вспомнилось. Может, легенда, но слышал, что Фадеев принял в СП СССР за один стишок «В лесу родилась елочка» его авторницу! Потому что это для детей на все времена. Так вот, убежден, что за одну эту «Песнь» Есенину можно было присуждать Нобелевскую премию, потому что это для всех людей на все времена!

Так случилось в моей жизни, что разговаривал во сне с Блоком и Северяниным, о чем написались небольшие эссе. Есенин тоже однажды удостоил меня разговора с ним. Но врать не стану, это была короткая встреча в ресторане: он же ведь «кабацкий» поэт. Я только успел ему сказать: «Это странно, но ваше «что ты смотришь синими брызгами или в морду хошь?» почему-то не может обидеть ни одну женщину!» И тут проснулся. Но живо представляю, что беседа наша продолжилась...

В. Л.: Сергей Александрович! Ничего, что у нас вроде интервью получится?

С. Е.: Да валяйте. При жизни что-то не припомню, чтобы их давал.

В. Л.: Вы понимаете, что останетесь на века всенародно любимым поэтом, что вас будут читать, будут петь: интеллигенты и работяги, село и город, благота и подворотня?

Ведь это феноменальное явление! Вы знаете, как-то моя семилетняя внучка неожиданно спросила: «А есть у нас поэты, которых все-все знают?» Я лишь на пару мгновений задумался и ответил: «Есть!» Да, российская земля богата многими прекрасными поэтами. Но весь-весь наш народ знает только троих: Пушкина, Лермонтова и Есенина! Так необъяснимо произошло, и все тут!

С. Е.: Понимаю ли? Подозреваю. Но многое зависит от властей. Нынешняя, а она надолго, вряд ли это позволит народу...

В. Л.: А вы догадываетесь, что предрекать себе в стихе скорую кончину («может быть, и скоро мне в дорогу бранные пожитки собирать») опасно и чревато для поэта?

С. Е.: Конечно, понимаю! Но с этим ничего нельзя сделать. Краткий миг жизни, в ней любовь... и смерть. Только это и занимает пиита.

В. Л.: У меня не выходит из головы то, что вы вложили в уста матери: «А с твоим умом – пост председателя в волисполкоме!» Вы же не будете уверять, что мама так и сказала? Значит, где-то подспудно, в глубине, может быть, не души, а мозга, вы не исключали такой вариант? А зачем вам это было бы надо?

С. Е.: Не буду лукавить, уверять, что матушка так точно и произнесла. Ну, может, что-то похожее... Зачем мне? Точного ответа у меня нет. Но это хороший стимул бросить пить и чем-то еще кроме своих строк пригодиться людям. К тому же, по моим наблюдениям, и среди предревкомов, предволисполкомов и даже высокопоставленных чекистов попадают небесталанные стихотворцы, к коим тянутся женщины еще сильнее, чем к «чистым» поэтам. Но мне эти посты все-таки не грозят: я слишком верю в Бога. Я против грабежа и осквернения церковей. Прикинуться атеистом никогда не смогу.

В. Л.: Вы вправду мечтаете, чтобы во всей планете исчезла не только ложь, но и грусть?

С. Е.: Ну, что вы, ей-богу! Конечно, бес чуток попутал. С кем не бывает? Ради роскошной рифмы: Русь-грусть. Но не только ради нее. Пииту и гиперболы свойственны. Как говаривал учитель поэтов Валерий Яклевич Брюсов, они здорово поднимают стих. Я, правда, их применял, еще и понятия не имея, что такое гипербола. Через тридцать лет после моего ухода Пастернак напишет: «Я весь мир заставил плакать над красой земли моей». Если задуматься, то ведь все поймут, что он как минимум раз в пятьдесят преувеличил число разрыдавшихся в реале. Но ведь мощно было сказано, и поверить можно... На самом деле на этой грешной земле никогда не исчезнет ложь. А если убрать грусть из моих стихов, что останется?..

В. Л.: Может, наивно спрошу. Но откуда при вашем скромном формальном образовании у вас смолоду такая богатая лексика?

С. Е.: Ну, не столько богатая, сколько самобытная, вы, наверное, хотели сказать. От Бога, от кого же еще? Без этого просто нет поэта. Он обязан в каждом стихе сказать нечто так, как до него не говорил никто и никогда! Если не сподобился, значит, он свое званье носит незаконно! Этим он и отличается от грамотного поднаторевшего графомана, порой способного, особенно на звук, внушить простодушным, что и он поэт. Ну, и книжки никто не отменял. И не только для лексики. Если бы меня в детстве не потряс рассказик «Муму», наверное, и «Песнь о собаке» не написалась бы...

В. Л.: Простите, что влезу. А я, если бы не ваша «Песнь», наверное, не написал бы свое «Брату меньшему»... Неисчерпаемо трогательны ваши «Персидские мотивы»! Невозможно представить, что «никогда я не был на Босфоре»! Это все благодаря Шаганэ?

С. Е.: Разумеется. Вообще, я убежден, женщина чудодейственным образом способна превратить тривиального человека в настоящего поэта!

В. Л.: Мне кажется, каждый поэт пишет и оставляет своего «Черного человека» под тем или иным названием. Но обычно это происходит к старости. Почему у вас в двадцать восемь? Вы чувствовали, что осталось немного?

С. Е.: И да и нет. Век поэта короток. Лермонтов погиб в двадцать семь, Пушкин – в тридцать семь, Блок еле сорок перешагнул. Никому не в обиду будет сказано, но тот, кто доживает до семидесяти, крайне редко остается в памяти людей как большой поэт.

В. Л.: Да какие обиды, Сергей Александрыч! Вы правы. Читал когда-то у Катаева «Алмазный мой венец». Не очень-то лицеприятно он прошелся по вашим пивным скандалам. Как вы к нему относитесь?

Есенин улыбнулся: «Не надо адов, раев, лишь бы Валя был Катаев».

МАЯКОВСКИЙ И ЯКОВЛЕВА

Пересказы этой цветочной легенды можно легко найти в Сети. Полтора десятка ссылок, но странно: все они как будто списаны с одного и того же рассказчика. Но почему-то в народе сия легенда, по моим наблюдениям, до сих пор широко неизвестна. Поэтому есть смысл привести ее контуры. И мне это будет нужно, чтобы высказать свою точку зрения на роль Яковлевой в жизни поэта. Постараюсь не копировать упомянутые тексты...

Итак, одна из самых трогательных историй в жизни Маяковского произошла с ним в Париже, когда он влюбился в Татьяну Яковлеву. Между ними было мало общего. Русская эмигрантка первой волны, утонченная, воспитанная на классиках, почти ничего не воспринимала из рваных и лохматых стихов поэта-премьера, богатыря из Страны Советов. Кстати, ростом она была ему под стать. Что-то в них было от «Барышни и хулигана». Но ее мало интересовала его слава и покорить ее с первого захода поэту не удалось. Ее сердце оставалось прохладным к нему. И Маяковский уехал в Москву один. От этой мгновенно вспыхнувшей и не ставшей взаимной любви ему осталась глубокая печаль, а нам – изумительное стихотворение «Письмо Татьяне Яковлевой» со словами: «Я все равно тебя когда-нибудь возьму – одну или вдвоем с Парижем!»

Весь свой гонорар за парижские выступления Владимир Маяковский положил на счет солидной парижской цветочной фирмы с условием, чтобы раз в неделю Татьяне Яковлевой приносили букет самых красивых и необычных цветов. Фирма неизменно выполняла оплаченную волю знаменитости. И с тех пор, невзирая на погоду и время года, из года в год в двери Татьяны Яковлевой стучались

посыльные с букетами редкой красоты: «От Маяковского». Кто знает, если бы ему удалось приехать к ней снова... Но его не стало в 1930 году, и это известие потрясло ее. Она уже привыкла знать, что он где-то есть и шлет ей цветы. Она уже не понимала, как будет жить дальше – без этой безумной любви, растворенной в цветах. Но в распоряжении, оставленном цветочной фирме влюбленным поэтом, не было ни слова о его возможной смерти. И на следующий день на пороге вновь возник рассыльный с неизменным букетом и словами: «От Маяковского».

Говорят, что великая любовь сильнее смерти, но не всякому удастся воплотить это утверждение в реальной жизни. Владимиру Маяковскому удалось. Цветы приносили в тридцатом, когда он умер, и в сороковом, когда о нем в Париже уже забыли. В годы Второй мировой в оккупированном немцами Париже она выжила только потому, что продавала на бульваре эти роскошные букеты. Потом она вместе со всеми плакала от счастья, когда русские вошли в Берлин, а букеты всё несли. Цветы от Маяковского стали теперь и парижской историей.

Однажды, в конце семидесятых, один советский инженер, слышавший эту историю от своей матери, попав в Париж, решил навестить нашу героиню. К счастью, она была еще жива и охотно приняла соотечественника. Они долго беседовали обо всем за чаем. Ему было неудобно расспрашивать седую графиню о романе ее молодости. Но все-таки не выдержал, спросил: «Правду ли говорят, что цветы от Маяковского спасли вас во время войны?» – «Пейте чай, – ответила Татьяна. – Вы ведь не торопитесь?» И в этот момент в двери позвонили... Он никогда в жизни больше не видел такого роскошного букета, за которым почти не было видно посыльного, букета золотых японских хризантем, похожих на ступки солнца. И

из-за этого сверкающего великолепия голос посыльного произнес: «От Маяковского».

А теперь выскажу свое видение этой истории любви и ее последствий для поэта. Всегда любовь знаменитостей обрастает легендами. Как тут слезами не облиться? Наверное, были эти цветы от ушедшего поэта, но не пятьдесят же лет подряд... И не мог советский инженер в 70–80-х встретиться в Париже с Т. Яковлевой и увидеть букет «от Маяковского». Да, она была жива, но уже давно жила в США со вторым мужем... Легенда, но как не тронуть? А у меня давно было предположение: гибель Маяковского как-то связана и с этой сумасшедшей любовью. Яковлевой он «вдвоем с Москвой» был точно не нужен. Он же и вправду мог приступом взять красавицу «вдвоем с Парижем», пожертвовав воспетыми знаменами. А довести до компетентных органов остроту и серьезность ситуации было кому. Той же патологической приязанности поэта – Лиле Брик: вестимо, с какой конторой она сотрудничала вместе с мужем. Да и как она могла его отдать «кому попало»?! Нет, не случайно у него начались проблемы: провал пьес, отказ власти выпустить его снова во Францию. А вольнолюбивый поэт, конечно, по приказу бы не разлюбил, непременно бы забузил, если уже не начал бузить от такой несвободы. А партия не могла допустить эмиграцию глашатая, трибуна революции, певца нового строя и «неправильный» резонанс в народе. Для Кремля это было бы куда как пострашнее невозвращения великого Шаляпина или чемпиона мира по шахматам Алехина. Это все равно как если бы позднее М. Горький не вернулся с лечения на Капри. Прискорбно, но очень вероятно, что эта любовь оказалась роковой и просто убила поэта. Его устранение с превращением в идола советской поэзии стало «политической целесообразностью». Никогда не поверю в самоубийство безумно любящего жизнь

пиита, ни разу не высказавшего упадочного настроения, не поверю в выстрел в сердце левой рукой, да еще с неуместной посмертной запиской из давнего стиха, мог бы за пару минут свежую эпитафию себе написать. И, не случись этой любви, может статься, дожил бы он до глубоких седин. Хотя вряд ли. Большие поэты крайне редко бывают долгожителями.

«А ЕСЛИ ОН БУДЕТ МОЦАРТ?»

Хочу затронуть сегодня весьма спорную, но интересную, как мне кажется, тему, связанную со знаменитым стихотворением очень даровитого и почитаемого мною поэта Дмитрия Кедрина. Забегая вперед, скажу, что его «Зодчих» в свое время подбросил на удачу семилетнему сыну, и тот прочитал поэму взахлеб, как я в двадцать пять. Но сегодня о другом, когда-то потрясшем меня кедринском стихе «Беседа», написанном в 1937 г., дата тоже важна. Есть смысл привести сначала его полный текст:

На улице пляшет дождик. Там тихо, темно и сыро.
Присядем у нашей печки и мирно поговорим.
Конечно, с ребенком трудно. Конечно, мала квартира.
Конечно, будущим летом ты вряд ли поедешь в Крым.

Еще тошноты и пятен даже в помине нету,
Твой пояс, как прежде, узок, хоть в зеркало посмотри!
Но ты по неуловимым, по тайным женским приметам
Испуганно догадалась, что у тебя внутри.

Не скоро будить он станет тебя своим плачем тонким
И розовый круглый ротик испачкает молоком.

Нет, глубоко под сердцем, в твоих золотых потемках
Не жизнь, а лишь завязь жизни завязана узелком.

И вот ты бежишь в тревоге прямо к гомеопату.
Он лыс, как головка сыра, и нос у него в угрях,
Глаза у него навывкат и борода лопатой,
Он очень ученый дядя – и все-таки он дурак!

Как он самодовольно пророчит тебе победу!
Пятнадцать прозрачных капель он в склянку твою нальет.
«Пять капель перед обедом, пять капель после обеда –
И все как рукой снимает! Пляшите опять фокстрот!»

Так, значит, сын не увидит, как флаг над Советом вьется?
Как в школе Первого мая ребята пляшут гурьбой?
Послушай, а что ты скажешь, если он будет Моцарт,
Этот не живший мальчик, вытравленный тобой?

Послушай, а если ночью вдруг он тебе приснится,
Приснится и так заплачет, что вся захолонешь ты,
Что жалко взмахнут в испуге подкрашенные ресницы
И волосы разовьются, старательно завиты,

Что хлынут горькие слезы и начисто смоют краску,
Хорошую, прочную краску с темных твоих ресниц?..
Помнишь, ведь мы читали, как в старой английской сказке
К охотнику приходили души убитых птиц.

А вдруг, несмотря на капли мудрых гомеопатов,
Непрощеной новой жизни не оборвется нить!
Как ты его поцелуешь? Забудешь ли, что когда-то
Этот же рукою старалась его убить?

Кудрявых волос, как прежде, туман золотой клубится,
Глазок исподлобья смотрит лукавый и голубой.
Пускай за это не судят, но тот, кто убил, – убийца.
Скажу тебе правду: ночью мне страшно вдвоем с тобой!

Пробный шар я запускал по этой оглушительной вещи еще лет семь тому. Но, видимо, не с того конца зашел, и малый диспут свелся к вопросу права и выбора женщины: рожать ребенка или нет? А я хотел совсем о другом. И в первую очередь о поэзии, о средствах выражения стихотворца. Грешно и глупо было бы мне даже чуточку подозревать столь мастеровитого поэта даже в некачественности этих средств. Боже упаси! Стихотворение построено безупречно как рассказ о драме в семье, с мягким началом, сочувствием подруге жизни и постепенным нагнетанием этой драмы. И заканчивается мастерски выведенной, мощной моралью в последней строфе, что было свойственно лучшим образцам советской поэзии... Этот стих я услышал впервые в пятнадцать лет, на рубеже 60-х, из уст брата, московского стилиста, меломана и знатока литературы. Честно говоря, сам я тогда не только еще был далек от писания стихов, но и, кроме школьных заданий, их не читал. Однако стих врезался в память, хотя я долго не понимал: что же меня в нем не устраивает? Много лет минуло, пока дошло: мне не по душе как раз это безупречное построение и, может быть, неосознанный и неопознанный автором бархатный налет праведного мужского... ханжества. Мне дискомфортно от своеобразных «десяти лет без права переписки» – по существу, без права на апелляцию – этот вердикт поэт выносит близкой женщине (или, если хотите, придуманной лирической героине стиха) в заключительной десятой строфе. А ведь он и так с четвертого

по девятое четверостишие искусно-сурово осуждает ее, мало не покажется. И вот теперь думаю, что, как добрый друг поэта, я бы попытался убедить его пожертвовать этой блестящей строфой, удалить ее, как ни жаль ударную концовку, казалось бы более чем уместную. А поставить на финал шестую строфу с абсолютно гениальной метафорой: «...а что ты скажешь, если он будет Моцарт, этот не живший мальчик, вытравленный тобой?» Советские реалии – в двух строчках выше – меня ничуть не коробят. И тогда напоследок останется только боль автора в щемящей недосказанности, а это, сдается мне, в поэзии куда сильнее даже великолепно скроенного стихоприговора... И еще одна мысль мелькнула: буквально за полгода до создания этого стиха в СССР в целях улучшения демографической ситуации вышел закон об уголовной ответственности сами понимаете за что. А не заказ ли, нет, не правительственный, конечно, а, по выражению Маяковского, не социальный ли заказ тут тоже повлиял на столь непрощающий вердикт автора? Кто знает? Впрочем, это маловероятно, ибо Кедрин был поэт другого склада, чем Маяковский. Дмитрий Борисович, увы, не может мне ответить, во сне мне тоже пока не удалось с ним пообщаться, как с Блоком и Северяниным. Не скрою: с несколькими профи я обсуждал свои версии. Однако не стану открывать, в чью пользу вышел счет. Пусть рассудит читатель... Но не могу отделаться от мысли, что все-таки это стихотворение написано очень «своевременно» и оно социально ориентировано. А когда прочитал свидетельство дочери поэта о том, что она не знает, кому оно было адресовано, но точно не его жене, то сомнения и вовсе отпали. И все-таки главное, что побудило меня написать эти заметки, конечно же, не желание поправить мастера. Да это и невозможно: сей стих давно и незы-

блемо вошел в сокровищницу лирики русских поэтов. Видит бог, я далек от шизофренической идеи редактировать классиков. Это просто эпизод, был еще один. Еще меньше хотелось бы внедряться в проблемы демографии. Но когда твоя жизнь на излете, вдруг понимаешь, что виноват перед любимой женщиной гораздо больше, чем она перед тобой, а где-то эту вину надо разделить поровну...

О ЗАПРЕЩЕННЫХ И НЕРЕКОМЕНДУЕМЫХ

Вспоминаю, как мы – советские – называли себя самым читающим, а стало быть, и самым начитанным народом в мире. И это было правдой. Читали в метро, электричках и поездах, в самолетах и пароходах, в школе и дома. Нередко и на службе инженеры, мэнээсы (особенно в застой: работа не волк, в лес не убежит) прятали открытые книги от заходящего в кабинет начальника. Разумеется, читали только то, что одобрял вездесущий ЦК, если не хотели нажить себе крупные неприятности. наших классиков прошлого, производственные романы настоящего, советских поэтов и – почему нет? – иностранную литературу, также проверенную. К могущественному органу, как Хоттабыч к «достопочтимому роно», еще полвека назад обращался в стихах Андрей Вознесенский с наивностью, свойственной поэтам: «Товарищ ЦК! Уберегите Ленина с денег, так цена его высока!» Понятно, тогда «вождю народов» было еще далеко до разжалования из «самых человеческих человек» в родоначальники сиблагов (другое дело «отец народов», ставший уже через пару лет после кончины тиран и душегуб). ЦК точно уловил, когда Шостакович скатился на «сумбур вместо музыки». Хорошо, что Шнитке тогда еще подростком был, а то ведь он потом, кроме сумбура, в музыке

вообще ничего не создал. ЦК определял, что Глазунов и Шилов – это хорошо, кто-то сомнителен, а авангардизм в живописи могли проповедовать только педерасты. ЦК знал наверняка, что Маяковского читать очень даже нужно, а Есенина – в течение 36 лет после его ухода! – было почему-то вредно, вообще не издавался. В «низья», по известным, правда, причинам, попали Ахматова и Цветаева, Пастернак и Мандельштам, ну и, само собой, все наши поэты-эмигранты вплоть до середины той же перестройки. Все это вспоминаю вовсе не для того, чтобы лишний раз кольнуть пресловутый ЦК. Боже упаси. Не ново. Наоборот, хочу подивиться, какая завидная эрудиция, какое чутье были нужны, чтобы столько лет безошибочно раскладывать по полочкам «нужное» и «ненужное» народу. А вот интересно: как определял ЦК полезность или вредность для нас иностранных поэтов, которые в политике никаким боком не были засвечены? Все мы знали, например, замечательную песню «Вечерний звон», и почти все считали ее русской народной. И тоже понадобилась перестройка, чтобы открылась страшная тайна: оказывается, это мы удачно позаимствовали ирландскую балладу Томаса Мура, текст которой перевел на русский еще в начале XIX века Иван Козлов. В оправдание сказали: да какой тут Мур? Это ж по мотивам, очень вольный перевод. Не поленился, посмотрел: перевод почти синхронный. А музыка? Так и не разобрались. То ли народная, то ли Алябьева, хотя последний не признался в своем авторстве. Да ладно, песня от этого хуже не стала... Или почему Роберт Бёрнс и Алан Милн были хороши для нас, а Рильке или Бодлер чужды? Неужели только потому, что первый написал: «...могу вам предсказать я... все люди станут братья», а у второго Маршак перевел «Балладу о королевском бутерброде», Заходер – «Вини-Пуха», а двое следующих – австриец и француз – были слишком талантливыми песси-

мистами? Впрочем, очаровательная «Баллада...» Милна, как ни странно, получила известность у нас только после того, как С. Никитин написал на эти стихи песню, ставшую основой популярного мультика. А в начале 70-х я еще мог развлечь девушку прикольными строчками из этого «Бутерброда». Список «подходящих» и «не очень» можно долго продолжать.

Ну, не один ЦК. То, что можно было читать в областной газете, определял обком. В середине 70-х полноформатному «Комсомольцу Кузбасса» вроде вольницы дали: в подвале 4-й страницы стали печататься с продолжением главы из иностранных детективов, болгарских например. Тут у меня возникла конгениальная идея, как недурно подзаработать. Привез из Киева несколько журналов «Всесвіт». Это вроде нашей толстой «Иностранной литературы», только на украинском, с какого я мог бегло переводить. А там был напечатан знаменитый детектив Марио Пьюзо про американскую мафию «Крестный отец». Кстати, кто сказал, что Украина была не самостоятельна в составе СССР? На русском издали в Москве сей роман только пятнадцать лет спустя! Так вот, я перевел первую главу и предложил печатать роман, пусть с сокращениями, в газете, благо с редактором был знаком. Тот прочел и ухватился двумя руками: беру! Но недолго музыка играла, недолго фраер танцевал. Обком (не комсомольский, конечно) сразу зарубил: может негативно повлиять на молодежь... Осталось добавить, что оглушительная статья генерала МВД Гурова в «Литературке» – о разгуле мафии в СССР – «Лев прыгнул» появилась в 87-м. А в 90-м, когда роман наконец вышел на русском, на наше молодое поколение дурно повлиять, видимо, уже было невозможно: оно все скурвилось и безнаказанно разболталось. И не только молодое. Не думаю, что я чем-то сильно рисковал, когда за два года до крушения КПСС скаламбурил в прямом

эфире областного ТВ: полное единодушие царит только на кладбище и в Политбюро ЦК...

И еще одно замечательное имя – Редьярд Киплинг, имя, которое и подвинуло меня к вышенакропанной пространной преамбуле. Извиняйте, с «сестрой таланта» не дружу. Так вот, конечно, 99 из 100 наших знали, что это автор книг «про джунгли». «Маугли» читал каждый наш школьник. Но и только. Может, это мой изъян, однако рискну предположить, что 999 из 1000 (опять же до 80-х) не слыхивали, что Киплинг, лауреат Нобелевской премии, более чем значительный английский поэт, писавший потрясающую философско-гражданскую лирику и не чуждый яркой романтической. Зачем надо было это замалчивать – тайна сия велика есть.

Пожалуй, самым известным у нас сейчас стало его стихотворение «Заповедь». Поэтому его и не ставлю здесь. А поставлю не менее мощное – «Сотый». А «За цыганской звездой» стало изумительным новоцыганским романсом на музыку Андрея Петрова, украсившим фильм «Жестокий романс».

Редьярд Киплинг

Сотый

Бывает друг, сказал Соломон,
Который больше, чем брат.
Но прежде, чем встретится в жизни он,
Ты ошибешься стократ.
Девяносто девять в твоей душе
Узрят лишь собственный грех.
И только сотый рядом с тобой
Встанет – один против всех.

Ни обольщением, ни мольбой
Друга не приобрести;
Девяносто девять пойдут за тобой,
Покуда им по пути,
Пока им светит слава твоя,
Твоя удача влечет.
И только сотый тебя спасти
Бросится в водоворот.

И будут для друга настежь всегда
Твой кошелек и дом,
И можно ему сказать без стыда,
О чем говорят с трудом.
Девяносто девять станут темнить,
Гадая о барыше.
И только сотый скажет, как есть,
Что у него на душе.

Вы оба знаете, как порой
Слепая верность нужна;
И друг встает за тебя горой,
Не спрашивая, чья вина.
Девяносто девять, заслышав гром,
В кусты убежать норовят.
И только сотый пойдет за тобой
На виселицу – и в ад!

ПОЭТЫ НА ЗЕМЛЕ – ПРОРОКИ

Однажды бессонной ночью я позвонил Александру Блоку.
Поэт взял трубку: «Блок у аппарата...» Я поздоровался и на-

звал себя. И вдруг... у меня перехватило горло от волнения: Александр Александрович вспомнил меня! Оказывается, он читал мое стихотворение 70-х годов, навеянное его строками, где я восторженно увидел не что иное, как известное мировое научное открытие! Предвосхищение такового, если хотите. Парадокс в том, что Блок его высказал раньше знаменитого ученого, авторство и приоритет которого в этом открытии никто и никогда не подвергал сомнению!.. А Поэт продолжил: «Любопытное стихотворение, помню. Только сделайте одолжение, милейший, больше его не печатайте в том виде: боюсь, оно слишком несовершенно... Так чем могу служить?»

Я начал сбивчиво излагать свою просьбу. Наши поэты вышли на площадь... Их задержали... В общем, попросил вступить. И Блок обещал помочь! Наутро я напрочь забыл, против чего выступали наши поэты. Да и не помню, чтобы они вообще когда-либо выходили на площадь, кроме, как в день рождения Пушкина. Но когда пересказывал все это друзьям... волосы мои продолжали шевелиться, а кожа – кирзаветь. Они восприняли сие вполне серьезно: «Коль скоро ты разговаривал с Блоком, это какой-то знак свыше. Садись и пиши...»

Думаю, все же не случайно я обратился за поддержкой именно к Блоку. К человеку, который умел сострадать, как никто другой. Ведь это он с горечью заметил когда-то: «А в желтых окнах засмеются, что этих нищих провели». Свежо эти строки звучат и сегодня, не правда ли? Но о том – не здесь... Блок писал, что «слышит, как рушится старый мир». К слову, я всегда подозревал, что его «Двенадцать» никакое не восторженное признание революции, а... великий памфлет на нее. Мне кажется, очевиден сарказм, который он вложил в этот революционный рефрен: «Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем, мировой пожар в крови! Господи, благослови!» или в «стенограмму» собрания в публичном

доме. Но главное, Блок для меня один из тех посланцев Бога на Земле, кому и в самом деле «что-то солнце вручено». Его стихи потрясают тем, как много «глухих тайн» доверил ему Господь. Именно у него «причастный к тайнам, плакал ребенок». И не кто иной, как он, открыл то, что может повторить про себя каждый чувствующий человек: «В моей душе лежит сокровище, и ключ поручен только мне...»

Но прежде чем продолжить о главном, с чего начал, о фантастическом предвидении Поэта, неудержимо хочется поведать забавную историю о том, как строки Александра Блока однажды недурно... накормили меня. Это случилось в Алма-Ате летом 85-го. Мне тогда выпало по службе поблаженствовать там на курсах Госстроя Союза целый месяц. Большую часть слушателей курсов составили представители наших среднеазиатских республик – географическая близость! – и о них у меня остались самые добрые воспоминания. Как-то мы сидели в чайхане, ужинали. Аккурат в это самое время партия запретила народу пить. И тут все было чин чинарем: на столах никаких бутылок и графинов. Горячительную влагу разносили исключительно в чайничках. Повеселели. Наша компания, конечно, была не без прекрасной половины. И я пошутил, используя строчку Блока, в какой нечаянно мне забрезжил восточный колорит: «Я послал тебе черную розу в бокале золотого, как небо, ай». Кстати, еще раньше меня очень занимало: что за диковинный напиток «ай» послал поэт героине стиха? Начал искать. В советских словарях ничего не обнаружил. Углубился в дореволюционные и – вот оно, слово! – нашел. Оказывается, это особый сорт шампанского из винограда деревушки Ай – провинции, конечно же, Шампань... Когда в 80-м году я впервые оказался в Париже, то пытался отыскать заветную бутылочку. Без колебаний выложил бы за

нее свои скудные франки. Но эти темные французы только плечами пожимали. Может быть, я не с теми общался или они Блока не читали?.. Но снова о той строчке. Один дотошный коллега-узбек решил меня поправить: правильно, мол, не «золотого, как небо», а «золотого, как солнце». Само собой, говорю, «солнце» здесь вполне напрашивается. Но ведь Блок не Хайям или Низами – небо по-другому мог видеть. Поспорили. Мне замаячило нечто. И не остановила восточная же мудрость, нелестно говорящая об обоих спорящих. А спор всем загорелось разрешить немедленно. Опущу детали, как мы, не слишком трезвые советские граждане, ходили по домам столицы Казахстана и убеждали хозяев: непрошеным визитерам непременно нужно дать порыться в полном собрании сочинений Блока. И представьте, один старичок проникся и вынес-таки нам искомое! В результате мне до конца курсов был обеспечен дармовой плов с «сопровождением», тот изумительный плов, какой умеют готовить только среднеазиаты. И как я ни отказывался, в смущении пытаюсь обратить в шутку наш спор, мне не позволили участвовать в складчине. Вот вам и прикладное значение поэзии...

Но пора уже вернуться к своему сумасшедшему захлебу длиною в полжизни – к тому непостижимому откровению Поэта, что не перестает меня волновать, никак не отпускает многие годы. Уже сказал вначале, что когда-то меня пронзила догадка, что Блок зашифровал в своем стихотворении великое научное открытие. Возможно, – мне это неизвестно – у сей догадки были и есть мои единовверцы. А может быть, кто-то улыбнется и покачает головой. Мистическое ли это предвидение, не знаю: я так и не успел спросить об этом Поэта. Но судите сами, вот строки из стихотворения «Моей матери», написанного – дата здесь очень важна! – 4 декабря 1904 года:

Мы провидели светлые цели
В отдаленных краях лабиринта.
Нам казалось: мы кратко блуждали.
Нет, мы прожили долгие жизни...
Возвратились – и нас не узнали,
И не встретили в милой отчизне.
И никто не спросил о планете,
Где мы близились к юности вечной...
Пусть погибнут безумные дети
За стезей ослепительно млечной!

Не стану приводить другие, может быть не столь убедительные строки, но какие тоже можно истолковать в пользу моей версии. Так скажите на милость, что же это, как не гениальное поэтическое изложение одного из следствий теории относительности – о более чем значительном замедлении времени в космических полетах при скоростях близких к скорости света? Той самой теории, начала которой Эйнштейн вынес впервые на публику только в 1905 году! Что ж, если можно «алгеброй гармонию поверить», то разве нельзя наоборот? Так неужели ему кто-то доставил из России малоизвестный журнал «Вопросы жизни», где впервые были напечатаны эти стихи? И ученому оставалось только найти формулы? Не знаю, насколько Альберт Германович был знаком с русским языком. Физик, правда, нашей лирики не был лишен: четверть века спустя, живя в Штатах, он, по свидетельству очевидцев, приятельствовал с женой скульптора Коненкова. Эти супруги тоже жили тогда за океаном... Так что же делать с приоритетами, с этим всепланетным открытием Поэта, с красноречивыми датами, которые так близки? Нечто такое уже носилось в воздухе? И пересеклось! И состоялось! Но скажите мне, почему означенная выше тео-

рия до сих пор не получила такое название: теория относительности Блока – Эйнштейна?!

Сдается мне, что и неисправимый материалист здесь ощутит, что поэзия – это не только тайна велика есть, но и сила крылатая – невиданная и непознанная! А разве мы не вправе гордиться, что вот этот взлет в небеса совершил русский поэт?.. Не могу закончить ничем иным, кроме как заключительными строчками из своего давнего – того самого – несовершенного стиха:

...Поэты на Земле – пророки,
Вселенский – Александр Блок!

ВСЕ «ЭР» И «ЭЛЬ» СВЯТОГО ЯЗЫКА

В школе, помнится, учителя добросовестно приводили на уроках высказывания знаменитых писателей и ученых о русском языке. Наиболее известны мысли об этом Тургенева: «Ах, как велик, как могуч правдивый и свободный русский язык!» И Ломоносова: «На испанском языке пристало бы разговаривать со Всевышним, на итальянском – с дамами, на немецком – с неприятелем... А на русском – одинаково достойно и с Господом, и с женским полом, и с противником...» Достают из памяти, потому ручаюсь только за смысл сих исторических фраз. Они, вероятно, и призваны объяснить юной поросли, чем хорош русский язык, за что его надо любить или почему он так достоин этого. Все так. Но не знаю, как вам, читатель, а мне эти фразы кажутся теперь всего лишь популярным и не слишком интересным кратким лекторием о нашем языке. Рискну утверждать больше: упомянутые великие, как говорится, просто отдыхают, нервно курят, с белой завистью

взирая сейчас со своих высоких, спору нет, алтарей на строки поэта, который стал настоящим явлением в российской словесности и о котором речь впереди...

Его имя, к сожалению, все еще мало известно в широких массах. И ему уж точно не воздано по заслугам. О поэте Арсении Тарковском (1907–1989) я впервые услышал только благодаря памятным фильмам 70-х его сына Андрея, куда он ввел стихи отца. А когда чуть позже на его изумительные стихи Ротару исполняла песню «Только этого мало» – попсового (и не лучшего) музыкального качества, зато модного тогда композитора, – никто, боюсь, не заметил и не запомнил имени автора слов. Очень непростой и яркий режиссерский путь Андрея Арсеньевича и сегодня известен гораздо более отцовского. Но судьба этого, несомненно, большого русского поэта, едва не погибшего в войну, тоже была ох как терниста! Так же как по Анне Ахматовой, наши «танки» после Победы прошли и по его груди израненного фронтовика. Достаточно вспомнить, что в 46-м уничтожили типографский набор его первого сборника стихов – уже был готов сигнальный экземпляр! – по причине «политического несоответствия»: во всех его строках только один раз оказался упомянут «самый человечный человек», а «вождь народов» – ужас! – вообще ни разу. В Союз писателей Тарковский, правда, был принят ранее как переводчик. Кстати, блестящий переводчик поэзии народов СССР. Первой книги собственных стихов поэт дождался только на исходе хрущевской «оттепели», в 55 лет. А первая награда за творческий труд уже не застала его в живых... О нем можно рассказать много интересного и хотелось бы привести немало его прекрасных строк. Но пока неудержимо тянет поговорить о стихотворении «Словарь», что не может не потрясти – неизмеримым и неизбежным единением поэта с родным языком. И поэтому ему нет нужды объяснять-

ся в любви к России и русской речи или расписывать, насколько они прекрасны. Он находит для этого свои неповторимые способы выражения.

Я ветвь меньшая от ствола России,
Я плоть ее, и до листвы моей
Доходят жилы, влажные, стальные,
Льняные, кровяные, костяные,
Прямые продолжения корней.

Арсений Тарковский просто заражает своими ощущениями, и кажется, что они у тебя самого давно таковыми и были. И ты, прямо физически, тоже находишь себя малым листком вечнозеленого древа России... Но дальше он поднимает нас в такую высь родного языка, куда, мнится, никто еще не поднимался, и проводит в такие его глубины, в какие никто и никогда не проникал.

Есть высоты властительная тяга,
И потому бессмертен я, пока
Течет по жилам – боль моя и благо –
Ключей подземных ледяная влага,
Все эр и эль святого языка.

Как хочется бесконечно катать и перекатывать по небу эти строки! Да отыщется ли человек, которого они могут вовсе не тронуть? Разве что лишенный всех пяти чувств...

А теперь... найдется ли кто-нибудь, у кого не загорятся глаза от прикосновения к тайне происхождения слов? Наяву возникает древнейший живой этимологический словарь:

Я призван к жизни болью всех рождений
И всех смертей, я жил во времена,

Когда народа безымянный гений
Немую плоть предметов и явлений
Одушевлял, даруя имена.

И ощущаешь себя обладателем несметного богатства –
Словаря воистину великого, могучего и святого языка, кото-
рым ты готов поделиться с каждым человеком и научить ему
каждую божью тварь на Земле.

Его словарь открыт во всю страницу,
От облаков до глубины земной.
Разумной речи научить синицу
И лист единый заронить в криницу:
Зеленый, рдяный, ржавый, золотой...

Разве это не прямое попадание словом в сердце, чего мне так не хватало в замечательных цитатах, приведенных в начале этих заметок? Арсений Александрович даже не говорит «о» языке. Он органично про-жи-ва-ет внутри него, он дышит им, как кислородом, и щедро снабжает нас тем же целительным напитком! Андрей Тарковский считал отца самым выдающимся из поэтов-современников. А какие имена тогда гремели, известно. Теперь понимаю: здесь не было никакой сыновней субъективности, это правда! Однако уму моему непостижимо, как могло это гениальное стихотворение, написанное в 1962 году, до сих пор не попасть в школьную программу, в хрестоматии?!

Справился недавно у соседки-учительки – говорит, что нет там его творений по-прежнему. Да как могли не заметить этот шедевр наши академики, видно, раз и навсегда определившие перечень полезных произведений в русской литературе для юного поколения? Наверное, как в пьесе у А. Островского, пи-

шут они «трактаты о вреде всего нового». Вернее, так: о вреде новых имен российских поэтов. Кому тут жаловаться, к кому обращаться? В СССР было проще. Поэт Андрей Вознесенский знал, к кому обратиться: «Товарищ ЦК! Уберите Ленина с денег!» А теперь к кому? В свое время я писал в Минобр – безответно. Остается к президенту: «Товарищ Верховный главнокомандующий! Прошу вас, прикажите открыть школьные шлагбаумы для стихов Арсения Тарковского, а генералов, для коих его строки не существуют, надо уволить без выходного пособия в связи с вопиющим служебным несоответствием!»

Одно утешение: этот пиит навсегда занял в моей душе место рядом с Пушкиным, Тютчевым, Есениным, Блоком.

«НАША ЖИЗНЬ УЖ БОЛЬШЕ НЕ ПОПРАВИТСЯ»

В 1969-м по комсомольскому «Спутнику» побывал в Польше. Поездка как поездка. В последующие годы у меня случались путешествия куда ярче. На одной из встреч с польской молодежью оказался рядом с очаровательной полячкой. Как и положено было тогда полякам, она сносно объяснялась на русском. Познакомились ближе (потом переписывались даже), разговорились. Я увлеченно жонглировал именами звезд польского кино и эстрады. Но Эльжбета вдруг спросила, нравятся ли мне песни Вертинского. Ей – очень! К стыду своему, я, провинциал, тогда мастер на стройке, хоть и не чуждый музыке, впервые услышал это имя как музыканта. И совсем опростоволосился, спросив, не путает ли она: может, Высоцкий? Но Высоцкого не знала она, что было естественно для тех лет.

И надо ж так, вскоре после моего возвращения домой в Сибирь на прилавках появилась первая в СССР долгоиграю-

щая пластинка Александра Вертинского, за ней еще. Сказать, что был впечатлен, значит ничего не сказать. Был потрясен талантом этого, пожалуй, родоначальника русских бардов, поэта, композитора, артиста. Вскоре я, конечно, уже напевал под гитару: «Я очень спокойный, но только не надо...» Дальше знаете – как он гармонично превратил женский монолог Ахматовой в мужской. Или: «Мадам, уже падают листья, и осень в последнем бреду...» Да не будет это громко сказано, но годы спустя именно Александр Николаевич меня надоумил преобразовывать иногда свои мужские тексты в женские, если надо было вложить их в уста певицы... Но самое удивительное, что у меня связано с песнями Вертинского, произошло в 89-м. Я купил пластинку Жанны Бичевской, где она записала его «То, что я должен сказать», назвав эту песню – «Проводы погибших юнкеров» и заменив, как позже узнал, слова «на смерть» на «этих мальчиков». Звучало это так:

Я не знаю, зачем и кому это нужно,
Кто послал этих мальчиков недрожащей рукой.
Только так беспощадно, так зло и не нужно
Опустили их в вечный покой...

Но вздрогнул я, когда сын-шестиклассник, услышав этот куплет, вдруг уронил: «Пап, это что – про Афган?» Да нет, это написано в 1917-м. Но ведь ты прав, сын. Теперь это и про Афган, и еще про много чего. Поэтому песню и прятали от нас столько лет. (Надо ли напоминать, про что она оказалась еще через полтора десятка лет?) Повинуясь безотчетному зову, тут же сел и накропал мини-эссешку. Отправил ее в «Литературку». И уже через десять дней (а письма в Москву шли от нас не меньше недели) я увидел самотеком прибывшую свою печатную колонку, размно-

женную шестимиллионным тогда тиражом «ЛГ». Оказалось – в яблочко.

Не стану пересказывать легко доступные теперь в Сети этапы, вехи удивительной биографии и странствий великого барда, поистине гражданина вселенной! Замечу только, что, покинув Россию вместе с Врангелем, уже в 1922 г. он пишет первое прошение советским властям разрешить ему вернуться на родину. Но только еще через 21 год, в 1943-м, из Шанхая написав Молотову, он получил такое разрешение. Вернулся он с молодой женой, четырехмесячной дочкой Марианной и... вагоном медикаментов – своим подарком для фронта. Вторая дочь Анастасия родилась спустя год в Москве. Обе стали известными актрисами. Но Настю в 16–17 лет полюбил весь Союз. Все помнят ее сказочную Ассоль и незабываемую Гуттиэре с бездонной синью глаз... Александру Николаевичу дали квартиру в столице, разрешили концертировать, приглашали как актера в несколько фильмов (один даже Сталинскую премию 2-й степени получил). Но запомнилась гениально сыгранная эпизодическая роль князя-губернатора в «Анне на шее» по Чехову.

Семья не бедствовала, но далеко и не роскошествовала, как могла бы. Ведь в отдельные годы, объездив всю страну, он давал по 150 концертов! О том, как он жил в быту, можно прочесть в его письмах, приложенных к книге «Дорогой длиною...» (1990), где собрано много интересного из жизни барда, ставшего знаменитым на весь мир за долгие годы странствий. Эта книга тоже есть в Сети. Но нет там упомянутого приложения – писем, что позволяет мне добавить к сказанному еще кое-что малоизвестное. Вообще, я до сих пор не могу утешиться, оттого что его признание официозом СССР оказалось таким ущербным. Мало того что после ошеломительного успеха его песен не было до войны ни одной крупной страны на Западе, где бы не вышло по несколько пластинок Вертинского. А у нас даже

после его возвращения не было снято на киноплёнку ни одного концерта, ни одной песни! Кстати, вот что он сам писал о причинах своей эмиграции: «Что толкнуло меня на это? Я ненавижу советскую власть? О нет! Советская власть мне ничего дурного не сделала. Я был приверженцем какого-либо другого строя? Тоже нет. Очевидно, это была страсть к приключениям, путешествиям. Юношеская беспечность...» И действительно, до его отъезда ЧК только раз провела с ним разъяснительную беседу – после «Юнкеров». Он наивно сказал: «Но это же романс! Вы же не запретите мне его петь?» И услышал ответ: «Если надо будет, и дышать запретим!»

И еще несколько колоритных штрихов. Из его писем я узнал, что в середине 50-х Вертинский гастролировал в нашем Кузбассе (мне тогда было десять лет, и жил я в Новосибирске). Он дал концерты в Кемерове, Сталинске (Новокузнецк) и даже в маленьком тогда шахтерском Ленинске-Кузнецком. Вспоминаю, как в начале 2000-х 90-летний администратор Кемеровской филармонии Надежда Александровна Мерс рассказывала мне, что была у нас ответственной за Вертинского, сопровождала его. Как-то они шли по улице и у Надежды порывом ветра сорвало шляпу. Великий артист – джентльмен! – побежал на проезжую часть и вернул потерю владелице! Так вот, он написал здесь два письма жене: одно из Кемерова, другое из Сталинска. Ни единой жалобы. Писал, что сибиряки его тепло принимают, питаются неплохо и что по сходной цене купил пальтишки девочкам (вероятно, Кемеровской швейной фабрики. – В. Л.). К слову, его «Доченьки» – это тоже шедевр на все времена: «У меня завелись ангелята... а закроют доченьки очень мои...» Разве может это кого-то не тронуть!.. Что-то меня подтолкнуло: пошел в областную библиотеку, взял подшивку газеты «Кузбасс» на период пребывания артиста в области. Думал, может, найду какое-то интервью – до или

после концертов. Увы, не то что интервью – ни одного анонса, ни даже упоминания его имени. Как будто он и не приезжал вовсе. Казалось бы, уже ушел «отец народов». Чего бояться? Но, очевидно, никакого указания сверху об отмене заговора молчания по Вертинскому газета не получала. Немудрено, что я в свое время ничего о нем не услышал. У меня защипало в глазах, к горлу подступил комок. Ну почему же Отчизна, какую он беззаветно любил, прославил и куда рвался вернуться всю жизнь, была так неадекватно сурова с ним? За что? За ту песню? Неужели за когдатошний отъезд с офицерами белой армии, за благотворительные концерты в пользу их семей? Ну да, Шаляпин был за такое «злодеяние» даже лишен советского гражданства, какового у Вертинского просто не было...

В прошлом году было 130-летие Александра Николаевича. Прошло тихо и незаметно. Хотя, конечно, после его ухода некоторые московские театры, как говорится, отдавали ему дань. Но со мной он останется до последних моих дней. И как не напеть теперь жене:

Ну не плачь, не плачь, моя красавица,
Ну не плачь, женулечка-жена!
Наша жизнь уж больше не поправится,
Но зато ведь в ней была весна!

О ДРУЗЬЯХ-ПОЭТАХ

БОЛЬШАЯ ПОЭТКА

Юнна Мориц в представлении не нуждается. Но не могу не сказать о ней несколько необщих слов. В солидном возрасте поэтка, как она себя называет, не перестает удивлять не только свежей сочной лирикой. У нее не иссякают и мощные строки, которые с неповторимой, где-то горькой иронией разят наповал русофобов всех мастей и прочих шипящих «братьев наших по разуму». За что самая толерантная в мире «опричина» регулярно блокирует ее страницу. С этими ребятами вообще не соскучишься. Однажды они заблокировали мой пост: чудесную фотографию и здравицу, что я поставил к юбилею жены. Текст содержал такой изящный пассаж: «...лет назад она отважно и жертвенно поменяла свою безупречную русскую фамилию на мое не слишком обворожительное хохлятское погоняло». И эту мою очевидную улыбку над собой «два красивых охранника» умудрились расценить как «противоречащую нормам сообщества в отношении враждебных высказываний»! Так вот. При всем моем почтении все наши корифеи гражданской лирики – прежние и нынешние – в сравнении с поэткой даже не отдыхают, а нервно курят в сторонке. Ю. М. можно без усталости цитировать. Но поскольку здесь у меня другая задача, ограничусь этим фрагментом. Думаю, она и другие мои героини не обидятся, если где-то буду ставить их стихи неполностью...

Страна – изгой?! Народ – изгой?! Я с ними,
Я в этом списке – первого первой!..
Тот не поэт, чье в этом списке имя
Щеглом не свищет в пламени ветвей.
Изгоев нет для Господа, для Бога,
Изгоев нет для Бога, господ!

Господь един, а черных списков много,
Изгойство Бога – вот что в них всегда...

И ниже этой вышней высоты у нее просто нет ни одной строчки!

Мы познакомились... Здесь, наверное, будет уместно отступление. Зрю за собою «недостаток злой» – находить в стихах (чужих, конечно!) лишние строфы. Не знаю, почему мне это смолоду втемяшилось как весьма важное в поэзии, что лучше оставить какую-то недосказанность, чем разжевывать для непонятливых, рискуя потерять или занизить ценность уже достигнутого. Часто находил такие строфы у не слишком опытных, реже у маститых, а нет-нет да кощунственно заманивался и на больших-великих. Вообразил себя Тургеневым, которому доверяли свои стихи Тютчев и Фет, и тот порой безжалостно их правил! Но, видимо, не всегда Иван Сергеевич мог докричаться до Федора Ивановича или почта подводила... А если серьезно, то и вправду – я никогда не мог понять: зачем Тютчев после изумительных и самодостаточных четырех строф в стихе «Когда дряхлающие силы...» вдруг, противореча самому себе («Я встретил вас» и др.), поставил пятую, явно занижающую мощный посыл предыдущих? И объявил там, что нет ничего позорнее стариковской любви и задора. К слову. Недавно увидел, как по ходу одного спектакля Л. Броневой читал эти стихи без пятой строфы! Убежден: не потому, что забыл текст... А у Дм. Кедрина – в известнейшей вещи «Беседа» – я обнаружил целых четыре лишние строфы. Но об этом уже был разговор в книге. Ушедшие-то точно ничего не возразят. А вот здравствующая легенда не погнушалась провести доброжелательный ликбез с пожилым, но дерзким литературным фраером. Что ж, иногда ошибаюсь, бывает. Убедила в этом. В детали здесь погружать читателя не буду:

заскучает. Лучше скажу, к чему это привело – к стихам, адресованным ей, но о них в другом разделе книги.

Ну, а как меня может не греть этот коммент, пришедший от поэтки на 5-летие нашей дружбы? Конечно, я его засушил и сохранил.

**СПАСИБО, СЛАВА, ЧТО ВЫ ЕСТЬ – ЗДЕСЬ И СЕЙ-
ЧАС!! ЭТО – ДАР БОЖИЙ, ВЫСОКАЯ ЗАЩИТА И ПРО-
ТИВОЯДИЕ ОТ НЕЧИСТИ, ИЗ-ЗА КОТОРОЙ РОССИЯ
САМА НА СЕБЯ НАПАЛА, ИСТРЕБЛЯЯ СВОЮ ЧЕЛО-
ВЕКОСТЬ РУСОФОБСКОЙ ЧЕРТОВЩИНОЙ!! ВСЕХ
РАДОСТЕЙ И БЛАГ – ВАМ, ВАШИМ РОДНЫМ И БЛИЗ-
КИМ!! С ПОЭТСКИМ ПРИВЕТОМ! Ю. М.**

А вот этот стих она присовокупила к поздравлению. Что ж, более чем философская рекомендация.

Не занимайся тем, за что не платят,
Труды задаром станут лютым злом,
Ты будешь клянчить хлеб, ночлег и платье,
Тебя отправят в сумасшедший дом.

И в день твоей гибели животной
Брезгливо закопают – до поры,
Когда цена на труд твой безработный
Взвьется, как воздушные шары,

И станет знаменит невыносимо
Торгующий знаток твоих чудес,
И будет денег у него – что дыма
В той нищете, где ты на стенку лез.

Уймись, талант, не будь столь щедрым, гений,
Не трать на краски свой последний грош!

Твое безделье будет сокровенней
И праведней, чем сдача на грабеж.

Забей косяк, напейся, будь бездельник
И, на худой конец, в трактире пой,
Где ты получишь и вина, и денег,
И славы, и любви не столь скупой.

«МНЕ СТОЛЬКО В ЖИЗНИ ВЫПАЛО ЛЮБВИ!»

С замечательным стихотворцем – москвичом Виктором Кирюшиным мы и в очной дружбе. Витя – тончайший лирик и редкий в наши дни певец природы, сдается мне, просто Фет сегодня! Познакомились на международном литфестивале-конкурсе в Германии «Русский Stil – 2011», памятном мне не только тем, что свезло с лаврами в двух номинациях, но и выходом там, за рубежом, моего сборника. А Кирюшин, наверное, последний из могикан – советских поэтов, не по возрасту (есть и постарше), а по периоду становления. В 17 лет Виктор уже стартовал в печати, и последующая армейская служба ничуть не засушила его талант. Он получил признание как поэт. Успел стать лауреатом премии Ленинского комсомола и других престижных премий, послужить главредом издательства «Молодая гвардия», вступить в СП СССР уже на излете оного. И журналист тоже матерый – окончил-то журфак МГУ... Жили в одном гостиничном номере. И он прямо-таки подкупил меня полным отсутствием седьмого и восьмого чувств, открытых когда-то третьим советским генсеком – «чувств законной гордости и глубокого удовлетворения». Ни тени показа какой-либо значимости или даровитости. Тем более ни тени снобизма. Тут можно и улыбнуться. С «пони-

манием» всегда относился к снобизму, скажем, крупного чиновника: в этом титуле ведь порой все его достоинство. Но сильно огорчаюсь, видя подобное у даровитого интеллектуала. Ну как так, ты же умен и талантлив! А вот. Видимо, умен недостаточно... У эмигранта-поэта, на мой взгляд весьма не-большого, что оказался там с нами, эти «тени» проглядывали, а у Виктора – ни малейшей! Я рискнул еще тряхнуть старинной и поучаствовать в живом очном конкурсе фестиваля – поэтическом слэме. Так он полночи слушал мои заготовки, и советы его даром не прошли. А на следующий год, как лавроносных, нас обоих пригласили в жюри этого фестиваля. И не сговариваясь, не скрою, к вящей моей радости, мы ставили конкурсантам очень близкие баллы... К нему могу обратиться с любой просьбой, и он всегда сделает все, что в его силах. А ведь ничем абсолютно мне не обязан. Я благодарен судьбе, что свела нас. Витя, ты – Человеке!

Виктор Кирюшин

Мне столько в жизни выпало любви!
Ту речку вспоминаю и поныне,
Где молнией мерцали голавли
В предутреннем тумане на стремнине.
Стоял июнь, цвели вокруг луга,
К воде клонились сумрачные ели...
Потом иные были берега,
Водовороты, омуты и мели.
Мир превращений и метаморфоз
Слепил, да так – мороз бежал по коже.
Но голубые крылышки стрекоз
Мне всех чудес невысказанных дороже.

Жизнь как река – внезапна и быстра.
А был ли счастлив я на самом деле?
Лишь только там, у тихого костра,
Среди земли, как будто в колыбели.

«КАК СТРАШНО РАЗЛЮБИТЬ...»

Милейшая Элеонора Акопова, поэтесса и тоже москвичка, в начале века на несколько лет была сослана во глубину сибирских руд – к нам в Кемерово. Шучу, конечно. Просто ее муж, государев служитель и тоже писатель, попал к нам по этой самой службе. Но на редких встречах в писательском союзе с Элей у нас дальше «здрате» не сложилось. Отчасти за моим недосугом: еще всю пахал на стройках. Да и «грозный муж» ведь у нее тогда был, настоящий полковник, а я всего лишь старлей запаса. Теплота меж нами, как ни странно, пришла в Паутине. Только теперь понимаю: ни с кем больше у меня нет такой взаимной симпатии, понимания с полуслова, таких схожих взглядов и предпочтений в искусстве и в других сферах. К примеру, ставлю пост о Вертинском – у нее, оказывается, та же его пластинка хранится 70-х. Пишу о живущей ныне в Штатах, знаменитой нашей цыганке, обожаемой мною, Раде Волшаниновой. О том, как познакомился с ее семьей в Сети, впечатлил своим романсом и воплотил фантастическую мечту – спел с ней дуэтом, в виртуале конечно! Так Эля ее тоже помнит и любит. Более того, когда Эля была еще отроковицей, Рада несколько раз была в ее доме: их семьи дружили... Ничуть не сомневаюсь: если назову навскидку какое-то почитаемое мной имя, то окажется, что этот человек любим и ею. А однажды одной певице-композитору, моему доброму соавтору, понравились ее стихи, но для песни она попросила вдвое расширить текст. Элеонора

отказалась: не пишу, мол, песен. И доверила мне внедриться в ее строки, в ее настроение, стать соавтором и с ней. Вот такая у нас с Элечкой выходит удивительная диффузия! (Простите за словечко, филологам чуждое, но уж очень здесь подходящее.) Иначе как уменьшительными именами уже и не можем общаться. Сказать по-старинному, что она особа тонкой душевной организации, женщина необычайной доброжелательности, обаяния, интеллекта и чувства юмора, – это бледновато для нее будет. А как сожалею, что не успела состояться наша очная дружба! Вспоминается почему-то строчка Евгения Винокурова, может статься, и не самая совершенная: «Она б меня любила, и я б ее любил...» Но и так люблю. Эх, как говорится, будь я помоложе и свободней или хотя бы без клюки-костыля!.. Эля и редкий в нынешнее время мастер свободного стиха. Иногда показываю ей свою рваную верлибристику. И если она скажет какие-то строчки выбросить, делаю это не задумываясь. Если одобрит, то всегда одобряет и мой читатель... Элечка, прости, но ощутил, что скуден мой словарь, чтобы сказать о тебе все, что хотел бы...

Элеонора Аكوпова

Девочка. Дитя. Ребенок.
Беззвучно шевелит губами,
сочиня
свои первые молочные стихи.
Однажды
настанет день,
и она проснется
на смятой подушке,
хранящей

отпечатки ее морщин,
ее прожитой боли
и долгой усталости.
Она будет бояться
своей немоты,
своей немощи...
Только голое дерево
станет тихо стучаться в стекло,
и она будет снова
беззвучно шевелить губами.
...До тех пор,
пока ее навсегда
не засыплет снег...

А вот тот самый наш совместный стих для романса, строки, которые все еще ждут своего композитора.

Без любви (романс)

(Слова Элеоноры Акоповой
и Вячеслава Лопушного)

Солистка:

Как страшно разлюбить, забыть про все, что было,
Про нежные слова... в преддверии зимы!
Продрогшая листва топорщится уныло,
И странно режет слух местоименье «мы».
Как нужно разлюбить, забыть про все, что было,
Про горькие слова и ворохи вранья.
Как просто разлюбить и стать себе постылой,
Но снова обрести местоименье «я».

Солист:

Прости меня, прости. Ведь жить не стало лучше,
Поскольку под запрет попало слово «мы».

И пал на сердце лед, и беспросветны тучи,
И воздуха вокруг так мало без любви.

Но верю, что пройдет в душе моей ненастье,
Зеленая весна окутает теплом.

Я знаю: все же есть на этом свете счастье!

Но можно ли найти такое не вдвоем?

«Я СВЕТ ОТ ПРИЗРАЧНОЙ СВЕЧИ»

Николай Кружков – поэт из Павловского Посада, эссеист и философ с пронзительной православной доминантой в творчестве, с несправедливо недоданной ему известностью, не вступивший ни в какой писательский союз, хотя, конечно же, был бы принят в любой из них, только пожелай. Немало лет он учительствовал в школах Москвы и области, руководил клубами, студиями любителей поэзии. Как поэт был впервые напечатан в 23 года – в «Московском комсомольце». Скажу, совсем не рано для филолога. Но его творческая плодовитость – множество сборников стихов, переводов и эссе – поражает! А сколько песен, романсов и духовных песнопений сложено на его стихи!.. Мы обменялись с ним в свое время не одной сотней электронных писем. Признаюсь тут в своем «меркантильном» интересе, ибо почерпнул из этой переписки гораздо больше, чем он. А ведь, будете смеяться, и тут дружба началась с того, что я нашел к чему придраться в его строчках. В ответ он поблагодарил за внимание к его стиху и ни на йоту не выказал раздражения: в одном месте согласился поправить, в другом – объяснил, почему этого делать не будет.

Зато меня греет содеянное позже: с моей подачи наш краевой журнал познакомил с ним кузбасского читателя, напечатав его стихи, а также эссе об иеромонахе Романе, выдающемся православном поэте нынешней России. Фундаментальные эссе Николай посвятил и творчеству Булата Окуджавы, Олега Чухонцева, Новеллы Матвеевой, философии датчанина Сёре-на Кьеркегора... Кружков – ровесник Кирюшина, 65 лет, еще многое впереди... Коля, ты настоящий маэстро в литературе! Горжусь, что у меня есть такой друг!

Николай Кружков

Я свет от призрачной свечи,
И – роковое наважденье! –
И в это краткое мгновенье
Куда летят мои лучи...

Когда в мучительном бреду
Бреду к реке, не зная броду,
А там цепные псы в саду
Скулят и воют на погоду,

Когда от звездной полосы
Огнем исходит сердце ваше,
Когда кладется на весы
Моя порфировая чаша.

Ах, память, память, где твой след?
Где та тропинка с васильками,
Зачем опять твой зыбкий свет
Ловлю дрожащими руками?

И в эти поздние часы
Мне очень грустно и тоскливо.
В саду скулят цепные псы,
Ворчат и воют сиротливо.

Передо мной под этот лай
Предстала комната с лампадкой,
Где чудотворец Николай
Висит над детской кроваткой...

«А Я БЫЛА МИЛА...»

Екатерина Горбовская – из Лондона, в смысле – из Москвы. Не эмигрируй она 30 лет тому, сейчас бы не Кирюшина, а ее называл последней из могикан – самой молодой из советских поэтов, получивших известность на закате Союза. Но ей плевать было на эту известность. А ведь в начале 80-х – в 18 лет! – она взяла в полон столицу своим первым сборником и спустя десятилетия не перестает удивлять из-за кордона истинно русскими стихами. Интересно, что наша далеко не панибратская дружба с Катей – она умеет держать дистанцию – началась вообще с большущей ссоры! Лет пять тому по моему запросу мы только что заключили формальную дружбу. И надо ж ей было тут же поставить на своей странице стих, какой давал заманчивый повод стебануться над строчкой. Не удержался. И это был жуткий моветон. Будь я закадычным другом, и то... Екатерина вспыхнула, публично уронила в мой адрес весьма нелицеприятные, мягко говоря, словца и выключила из френдов. Поделом. Но... коса на камень. Ставлю в ответ едкий постик. Не помню, конечно, детали, но что-то в духе а-ля Высоцкий: «Она же голубых кровей да и живет в Лондоне, ей сам сэр Элтон Джон чевой-

то говорил... А тут какой-то стихоплет из Сиблага нарисовался, которому, конечно же, не должно сметь...» После этого все должно было и закончиться – тотальной блокировкой фраера, и любое наше пересечение уже стало бы исключено. И вдруг на следующий день она на весь фб... извиняется передо мной за свой выпад, говорит, что была не вправе это себе позволить и очень сожалеет! Сказать, что стало «мне совестно, как честный офицер», – это ничего не сказать. Был наголову разбит и обезоружен этим самоотверженным великодушным раскаянием поэтессы перед хулиганом с рогаткой, выстрелившим стебом по ее стиху. Я ведь уподобился герою лихого куплета из не то чтобы бандитского, но неблагополучного, далекого от асфальта квартала моего детства. Приблизительно так это звучало: «По деревне мы пойдем, рубашонки белые, кому окна разобьем, кому ребенка сделаем!» Мило, правда? Хорошо хоть, я только окно разбил. Ладно, шутки в сторону. Ох, как мало и мужчин, которые в подобной ситуации стерпели бы. А женщина, пишущая стихи, как показывает мой опыт, любые некомплементарные отзывы, замечания ли о ее строчках чаще всего воспринимает как нахождение изъянов в ее душевном складе и наружности. И, пожалуй, для женщины это совершенно естественно! Другое дело, когда подобные замечания делает, скажем, ее наставник в Литинституте – это как доктор... Само собой, я сразу же бесследно удалил свой постик и так же публично, чувствительно повинился перед ней за свою бесовскую выходку. А через некоторое время она опять удивила: получаю уже от нее запрос на дружбу. Уж и не знаю, все же шутку ту мою, что ли, она, оставши, заценила, но факт, что запросила... Переписывались. Не скажу, что много ее читал. И о творчестве ее найдется кому и эссе написать, и хвалить, если не уже. Достояна! Я не о том. Просто удивляет она старого. Хоть вот этой квазиматематической, но неотразимой метафорой:

...И стихами от первого брака
Рвал мне душу напополам.

Блин, а откуда вот это у, казалось бы, рафинированной
столичной штучки с литфаком под мышкой? И неважно, ког-
да это написано.

А я была мила,
А я была смела,
Я наравне пила –
Я лучше всех была.

Но что я лучше всех,
Никто и не заметил –
Я больше не пойду
На посиделки эти...

Мне кажется, у Кати на все какая-то невероятная интуи-
ция. Соврать ей вряд ли получится: миг разоблачит. Откуда
это взял? Да не только из ее стихов и писем, конечно. Од-
нажды ощутил это даже на виртуально-физическом уровне.
Она новое фото поставила. И вспомнилось из «Джоконды»
Р. Рождественского: «Как много эта женщина знает про
меня». Не знаю, почему меня растащило на этот лохматый
текст и стихи, коими обязан Екатерине. Наверное, потому,
что она – явление в поэзии. Поэтому и не скисла на чужбине
как русский поэт. К слову, вовсе не поручусь, что в своем сти-
хе верно все отобразил. Ведь «никогда я не был на Босфоре».
И на Лондонщине тоже. Так чувствовал... Спасибо, Катя, за
твой лексический неформат при знакомстве, за наше негуля-
нье по Пикадилли, за наше несиденье в ЦДЛ, за нестречи на
твоих сходках с невозвращенцами. Из всех этих «не» я что-то

вынес. Буду вспоминать на этом и том свете... Все же в заключение слово Кате.

Свести на нет все то, что было раньше, –
Твой странный взгляд, мое сухое «да» –
Свести на нет. И спрятать, спрятать дальше –
Так, чтобы впредь не вспомнить никогда.
Чтобы потом не плакалось ночами,
Чтоб тупо не болела голова,
Чтоб забывались, всплывшие случайно,
Немыслимо прекрасные слова.
Чтобы, случайно встретив, улыбнуться,
Сказать: «Привет, ну как твои дела?» –
И тут же распрощаться, как проснуться,
Уйти, как будто вовсе не была.

«ГУЛЕВАЯ СИРЕНЬ ПОД ГЛАЗАМИ...»

Сразу два даровитых поэта, два друга у меня в Днепре. Да, это который Днепропетровск бывший. Начну с Александра Твердохлеба. Он очень сдержан, предпочитает говорить только о поэзии, в какой, конечно, большой дока в свои семьдесят! И в эпических вещах, и в лирике. У меня даже мыслишка поначалу мелькнула: не сноб ли?.. Да нет. Просто не хочет замечать никаких разборок. Как говорится, не привлекался, не вступал, не разделяет. (Но в дальнейшем выяснилось, что он такой нейтральный до тех пор, пока его не заденешь за живое. Впереди еще будет материал о нем.) Ну что ж, дай-то бог, чтобы эти разборки не нашли его сами... Подумалось: если бы он сейчас жил не на Украине, а в Чикаго, Каире, Мельбурне или в каком-нибудь нашем Дальнереченске, среда обитания его

была бы та же: Мандельштам, Пастернак, Врубель и К... Нет, все же не только. Ведь в школе учительствовал, сея в юной поросли разумное, доброе, вечное. И «гулевою сиренью под глазами своих выпускниц» находил... За плечами, само собой, и филфак, и Литинститут. По молодости в «Юности» отметился, а кого попало там не печатали. Книжки, лавры нескольких литпремий. Одно слово – профи! Саша, ты красавчик!

Александр Твердохлеб

Сирень

Фиолетовым крестиком вышиты бледные стены,
так похоже дыханье на «быть или не быть».
Быть! – захватишь глоток синевато-серебряной пены
и со вздохом отпустишь по воздуху плыть.
Быть! – как белая лебедь с глазами персидской царевны,
словно киевской ведьмы явление, как лепет из уст
сумасшедшей ворожки, и пенье безумной сирены –
фиолетовый Врубель. Сиреневый куст.
Очевидно: ей ближе, живительней воздух окраин,
среди дворишков – школьный особенно мил.
Фиолетовый блик на кусках неостывших окалин,
и на белом переднике синие пятна чернил.
И с притворством тихонь и проказниц лукаво-смиранных,
терпеливо сносящих урочную скуку и плен,
во вселенной своей, своенравной и сверхсуверенной,
в полдень дремлет она в ожиданье больших перемен.
Очевидно темней на окраинах ночь, простодушной,
и живой соловей навещает глухие места,
и персидских царевен, и девочек в русских веснушках

наливаются перси, сливаются губы – в уста.
Заревая сирень в синевато-серебряной пене,
гулевая сирень под глазами моих выпускниц
фиолетовой тенью проходит сквозь школьные стены
в рисованье и пенье, сопенье и писк...

«ИЗВЛЕКАЯ ГРЕХИ ИЗ ПАМЯТИ»

Другой днепровский талант Александр Ратнер тоже разменял восьмой десяток, но полон энергии. За плечами множество книг – собственных произведений и переводов, снискал и лавры ряда литературных премий. Одно слово – мастер! Да еще премия Ленинского комсомола за достижения в... науке и технике, научные труды и монографии, степень кандидата технаук. Феномен какой-то! Но об этом еще скажу. И гораздо более общителен, чем его тезка, герой предыдущей главы. Начал писать о Ратнере и обнаружил: наши с ним пути чем-то похожи. Хотя до столь мощной двужилности, как у него, мало кто дотянется... Вообще, как можно было заметить, почти в каждой главе я отхожу от стандартного представления друга-поэта: хороший, мол, Петруша, а вот его книги, вот стих. Всегда хочется завязать воображаемый диалог с собратом, по ходу вспомнив что-то занятное из нашего общения и своего опыта. Провести какие-то параллели между нами, в т. ч. и гипотетические. Эти параллели, особенно последние, могут быть интересными читателю. Так начал о похожести. У него тоже техвуз, тоже знал виды в большом техменеджменте. Естественно, что оба не молодыми были признаны в литературе. Правда, я только в тридцать стартовал в печати, а Саша – в шестнадцать мальчишеских лет. И даже странно, что он не пошел на литфак. Это говорит о самостийности характера!

Впрочем, порой все зависит от случая. Сейчас развлеку одним воспоминанием. В 10-м классе меня – ей-бо, совершенно случайно – угораздило у доски найти собственное доказательство одной теоремы. Не выучил заданного, а «лебедя» все равно не хотелось получать. Что-то пытался вспомнить, но вспомнил то, чего не знал учебник, и нечаянно выплыл куда надо! Учителка, как я и сам, не поняла сначала и посадила с двойкой. Но к следующему уроку разобралась и начала с того, что исправила мне оценку – понятно на какую. В дальнейшем ничем особым в математике не отличился. Но, думаю, на выбор вуза это как-то повлияло. Филфак даже не рассматривался. Тем более что в шестнадцать я разве что Есениным, тогда еще полузапретным, увлекся, а сам даже не пробовал что-то накропать, это пришло гораздо позже. Была, правда, природная интуитивная грамотность, но таковая инженерам тоже совсем не лишняя. Так вот, подозреваю, что Саша в шестнадцать-семнадцать не только писанием стихов увлекался, но и техникой. А может, даже изобрел нечто, но, очевидно, это была та случайность, которую называют непознанной закономерностью: недаром же он потом получил несколько десятков авторских свидетельств и патентов на изобретения. Пойдем дальше. Если меня один борзой журналюга однажды представил публике как «очлененного и, безусловно, самого выдающегося поэта России... среди директоров по строительству», то рискну предположить: Саше кто-нибудь да удружил однажды титул «несомненно, величайшего поэта Украины... среди директоров НИИ по новой технике, кандидатов технаук и изобретателей»! Или что-то в этом роде. И уж нутром чую: так же как и я, он порой манкировал службой ради «одной, но пламенной страсти». Она, правда, у него нынче, к белой моей зависти, куда более плодотворна. То ли талантишко мой посубтильней, то ли потому, что стал я «изможденный тяжелой падучей» и эмоции оскудели. Так вот. У

Александра все на высоте! Проникновенная интимная лирика, иногда удивляющая каким-то даже новаторством. Впечатляет и гражданская, где мы можем вступить в дружескую дискуссию, не всегда разделяя, но принимая доводы друг друга. Особенно тактичен он. Вот уж в ком толерантность не анекдотичная, не ханжеская, какую мы зачастую видим на Западе, а настоящая, естественная! Как-то я написал хлесткую пародию на его строки – Саша принял с благодарностью. А совсем недавно он поставил пост о том, как вознамерился устроить презентацию своей книги о Нике Турбиной, разместил объявления. Казалось бы, невинная тема о безмерно рано ушедшем редкостном таланте. Но вскоре ему позвонили из мэрии Днепра «О русской поэтессе, на русском языке?! Не пройдет!» И предупредили, что, если он не хочет разгрома этой презентации крепкими парнями, ему лучше отказаться от этой затеи... А ведь поэт еще питал какие-то иллюзии относительно режима последних лет в Незалежной. Теперь же горестно уронил не слишком благозвучное: «Проср... мы Украину...» А я добавляю: боюсь, ее и россияне... тот же глагол! Но отдаю должное его мужеству... Ну вот, таким «индуктивно-дедуктивным» методом и пересечением параллелей (Лобачевский отдыхает) я пытался разгадать феномен Александра Ратнера. А если не разгадал, то время потратил не зря, если чуть перефразировать Достоевского... Саша! Ты наверняка помнишь, читал о том, как Белинский упал на грудь Некрасову со слезами: «Да знаете ли вы, что вы – поэт, и поэт истинный!» Прости мужика вредного – люблю улыбнуться, а то и стебануться и над собой, и над собратьями. Над последними, может, не всегда к месту. В другой момент и эту цитату обыграл бы. Но сейчас на полном серьезе скажу: если простые люди порой падают на твою виртуальную грудь – я же вижу – с подобными словами, значит, ты это заслужил своим творчеством!

Александр Ратнер

Прощеное воскресенье

Неминуемо в дни весенние
Без посредников и помех
Нас Прощеное воскресенье
Настигает, стегая всех.
Каждый, мысленно став на паперти,
Нечестивым боясь прослыть,
Извлекает грехи из памяти,
Чтоб прощенья за них просить.
Только с Господом – невезение:
Он молчит и невидим Он.
Как в Прощеное воскресенье
Ты узнаешь, что Им прощен?
Да никак. Потому заранее
Знаешь то, что за грех любой
Покаяние – наказание,
И не кем-то – самим собой.
Что прощения зря воскресного
Ждешь, как зелени в феврале.
Это просто суда небесного
Репетиция на земле.

«ГДЕ СМЕРТЬ ГОТОВИТ ЖИЗНИ МАТ...»

Альбина фон Кликс из Нью-Йорка, крымчанка, уехавшая на Запад еще в 80-х. Опять очень занятно, как мы познакомились. Получаю запрос на дружбу. Глянул: имя на латинице и... торричеллиева пустота на всей странице информации –

ни кто, ни откуда... В хронику что-то не глянул. И отрезал пятью словами, какими иногда отвечаю в подобных случаях: «С «бомжами», да еще без занятий и интересов, не дружу». Смайлик в придачу. Бывает, что так реагируют: «Ну и пошел ты, хам!» Случается, что улыбаются в ответ и открывают инкогнито. А тут последовало: «Простите, фб предложил ряд имен, выбрала из них творческих людей, что-то пишу сама...» Тут уж извинился я, послав уже свой запрос на дружбу. И не зря! Завязалась самая неформальная... Альбина – поэтесса, романистка и переводчица, говорящая и пишущая на нескольких языках. Она меня как-то повеселила всеядным перечнем своих честно заработанных образовательных дипломов: ФЗУ ткачей в Ленинграде, пищевой техникум и Таврический университет – дома, в Симферополе. А в Америке, не считая разных бакалавров, добавила степень доктора философии в литературе – именно так, точного эквивалента в русском нет... Немало новых имен творцов Старого и Нового Света узнал от нее. Бескорыстно помогает мне в переводах, упорно пытается продвинуть за рубежом некоторые мои песни. Ничем вроде не заслужил... Оказалось еще, что мы оба любим шахматы. Подсадил ее на комп-программу с забавными названиями уровней игры: «Балбес», «Новичок», «Любитель», «Бывалый»... «Этот Балбесик так изобретательно тупит!» – смеялась она. Но одолела и «Любителя». Все хотел сыграть с ней через океан да оставил эту затею. А вдруг я, «бывалый», нена роком проиграю «любительнице»? Какая после этого дружба между мужчиной и женщиной?! Но были здесь не только забавы. Аля перевела на английский мой стих о гениальном умопомрачении шахматного маэстро, где в апогее: «Игрок найдет вдруг два безумных хода, и... короля кладет соперник ниц!» Она не стала делать кальку, а нашла – на чужом языке! – близкий, равноценный образ. Сдается мне, в этом высший пи-

лотаж переводчика! Ведь совсем не факт, что идеальный синхрон твоей метафоры на другом языке будет обладать какой-то силой... Что до ее стихов на русском, хочу поставить вот это посвящение художнику Пьеру Боннару:

Ни сумасшествие Ван Гога,
Ни тряска Гоги и Магоги,
Ни кочевание монголов,
Ни голый быт на дне пироги,
Бредущей по реке Харон
Под бой часов для похорон.
Ни жесткий быт солдат охраны,
Где рана погоняет рану,
Ни темный мрачный каземат,
Где смерть готовит жизни мат...
Ни кровь, ни ров, ни разгуляй,
Ни кров, ни рай...
А жизнь вещей –
Спокойный край,
Где нет подлога,
Где улыбается с порога
Любимой вещи идеал.
И есть миндаль...

И есть поток, заметил бы Евгений Евтушенко. Не очень понятный поток? Может, и так. Возможно, я пристрастен, но мне видится тут случай, о котором поэт сказал: «Непонятно, но здорово, а это и есть стихи».

На чужбине Альбина никогда не переставала трепетно любить Россию, во многом сходится со мной в оценке действий нашей державы. На свою малую родину Крым ничуть не боится приезжать и сейчас – колесит по всем уголкам. Слово «под-

вижник» к ней очень подходит, но далеко не вполне передает градус ее существования в природе... Не сделаю открытия: и к Прекрасной Даме пристойно обращаться на «ты». Недаром в сонетах Шекспира сплошь и рядом встречается thou – «ты». Видно, черт догадал этих англосаксов – ради толерантности? – по сути, удалить столь роскошное слово из языка... Друзья художники не устают писать портреты Альбины. А у меня случились строки, может быть, по тональности напоминающие те, какие поэты в прошлые века записывали в альбомы, знамо чьи. Если кто-то скажет, что такой слог надо и оставить в тех веках – вольному воля, даже на дуэль вызывать не стану... Кстати, в том же Крыму живет мой соавтор, замечательный композитор Татьяна Великодворская, которая пишет романсы, словно вышедшие из XIX века. Они уже исполняются, между прочим, в Санкт-Петербургской филармонии! Ну, а мой адресат обещал, конечно, и перевод сделать на пару-тройку языков. Ох, боюсь, не только наши столицы, но и «Ла Скала», и «Метрополитен-опера» уже трепещут в ожидании... Аля, ты супер! У меня еще будет повод сказать о ней в этой книге.

«СЕРПНЫЙ МЕСЯЦ С БЕКРЕНИ ВЕРНЕТСЯ...»

Александр Красновский, еще один московский поэт. Везет мне на Лександров. На этот раз никакой интриги в нашем знакомстве не было. Заключили четыре – пять лет тому формальную дружбу. Он пару комментов мне, я – ему. Завязалась переписка. Саша постарше – ребенок 41-го! Как и я, он на инженера человеческих душ не учился: инженер-геодезист. Нивелир, теодолит, лимб, визир, курвиметр. Для филологов – о последних трех словах: первый круг ада, служители султана и курвы тут ни при чем. Эти красивые приборы и у меня были

под рукой, когда мастерил на стройке... В начале лихих 90-х он создал собственное предприятие, полагаю, связанное со своей профессией. И в солидных техменеджерах, конечно, тоже побывал. Весь в меня. Или я в него, ведь в те же времена тоже свою проектно-строительную фирму открыл. И вовремя закрыл. Поэтому и живой остался, и, да простится мне самоцитата, «прибыл к сединам своим полунищим российским поэтом, не деньгами, а словом томим». В общем, подзреваю, что в один прекрасный день и Саша по сходной цене толкнул все свои астролябии, чтобы... догадитесь с трех раз зачем. Вот такие у меня гипотезы относительно пути Александра... Несколько сборников стихов. Всеяден в жанрах: лирика, драма, сатира. Само собой, очленен. Примерный семьянин, характер, понятно, нордический, беззаветно предан... сами понимаете чему. Издавал журнал «Возвращения». Мудр, ироничен, тактичен, как и положено гнилой интеллигенции. Любит собак, и это плюс! Предложил девиз: «Думать вредно!» И это два плюса.

Благодаря Саше познакомился с его добрым другом, другом семьи – знаменитой сербской поэтессой и переводчицей Слободанкой М. Антич. Нет, я не претендовал на столь же тесную дружбу с ней, и Александр не мог мне дать никаких авансов. Но в Сети подружился, а мои стихи ей пришлись по душе. Сначала она поставила несколько переводов их на сербский в фб. А пару лет назад они попали в ее книгу переводов русской поэзии, где соседями – Некрасов, Цветаева, современные московские поэты. Неплохая компания, что и говорить...

Саша, в стихах ты просто колосс чувствуемой мысли! Проще сказать не могу. Не перестаю удивляться твоей мобильности в солидные годы, творческой неутомимости, чего дай тебе бог и дальше!

Александр Красновский

Бекрень-96

Эк как нас набекрень развернуло,
Навзничь бросило месяца серп,
И в январских снегах утонула
Худосочная поросль верб!
У вербастых прудов польхнуло
Пылом юности, жаром любви,
А потом так пребольно лягнуло,
Хоть вопи, хоть кричи, хоть зови!
А кого, мой дружок, дозываться?
Делу – крышка, труба и табак.
Лучше вербой в снега зарываться,
Ждать, куда отлягнет нас судьба!
В сорок первом меня Александром
Нарекли в ожиданье беды,
В Год Змеи, в зодиак Саламандры,
В стык с Весами Антарес-звезды!
Я люблю сокращенное «Саша»,
Прочих всех разлюбил я давно,
Ни о чем ты меня не расспрашивай,
Пей вино, лей вино, где оно?
И вино не в спасенье, не в радость,
Гарью выстрела кроется дуло,
Ждем команды последним парадом...
Эк как нас набекрень развернуло!
Отведется, друзья, отведется,
Не коптите напраслиной ствол!
Серпный месяц с бекрени вернется,
Эк как нас набекрень занесло.

«НО ДУША МОЯ ЗАМЕРЗАЕТ...»

Тетяна Яковенко из Винницы – видная украиноязычная поэтесса, вернее поэт, мастер лирической поэзии. Переводила на мову немало российских поэтов, в т. ч. здравствующих. Доцент кафедры украинской литературы Винницкого госуниверситета. В общем, как сказал бы наш всеобщий добрый знакомый Николай Васильевич, дама приятная во всех отношениях... Мы познакомились в Сети за год до Майдана. Как-то сразу оказалось взаимно по душе наше творчество. Возникла и взаимная симпатия. Мы переписывались, переводили друг друга в фейсбуке. Но вот пришел февраль-2014. И если до этого она жила в близкой стране, на родине моего отца, то вдруг сразу возникло ощущение, что оказалась далеко за кордоном. Дальше, чем Катя Горбовская в своем туманном Альбионе или мои друзья за океаном. Изменилась и она сама. Нет, она не ставила никаких политпостов. Но когда я у нее на странице вступил в не очень благозвучную полемику с ее друзьями, она пресекла всех, призвав к сдержанности у нее в гостях. А уже на следующий день я не обнаружил себя в списке ее друзей. Не знаю, может, она меня спасала от подобных взаимных выпадов? Какое-то время мы вообще не общались. Пока я не сделал ей подарок, напечатав в краевом журнале «Огни Кузбасса», № 6 за 2015 г., ее стихи, приведя оригинал на мове и свой перевод. Вот фрагмент той публикации.

«Продолжается кровавая вакханалия на Украине. Но совсем не хочется клеймить одну сторону, а иную – «приветствовать звоном щита». Господи, спаси-вразуми и тех, и других, и третьих! И мнится мне, что известнейшая на Украине поэтесса Тетяна Яковенко, мой добрый друг, и я пусть на малую каплю, но можем нашим сотворчеством помочь этому вразумлению. Капли, вестимо, камень точат...

Тетяна Яковенко

Біла стежина вгору

Хочеш – смійся, а хочеш – сердься.
Переплакалось. Відболіло.
У моєму замерзлім серці
Місяць сходить блакитно-білий.
Він скорботний, і він німотний,
І нікого уже не кличе,
І у нього таке самотнє
І таке крижане обличчя.
Він в небесній пливє безодні,
І далеко від нього видно,
І у нього кровинка жодна
Не здригнеться і не поблідне.
Місяць сходить, яскраво світить
Світлом мертвим і невидючим
У своєму завмерлім світі,
Де навік замерзають душі,
Де немає ні сліз, ні горя,
Ні закінчення, ні початку.
Тільки біла стежина вгору,
Вкрита памороззю хрещатой.

Перевод:

Смейся ли, приходи в отчаянье...
Переплакалось. Отболело.
К сердцу вдруг моему причалил
Месяц скорбный, смертельно-белый.
Как причалил, так и отчалил.

Мне беду уже не накличет.
Но зачем же он так печален?
Безысходность сквозит в обличье.
И плавает он в черной пучине,
Вечным холодом неба дышит.
Нету жизни в нем. Ни единой
В нем кровинки, одни ледышки.
Он плавает, беду обещаая,
Будто нечто в природе руша.
И так явственно ощущаю,
Как вокруг холодеют души!
Мертвый свет далеко мерцает.
Мне безгорестно и бесслезно.
Но душа моя замерзает
На безмолвной тропинке к звездам!>

КАК БУДТО НЕ БЫЛО УТРАТ...

Этим запискам несколько лет. Но вот решил, что и с изрядным сокращением они будут интересны моим читателям. Не раз я в своих эссегах о поэтах упоминал имя Владимира Ширяева, кузбасского поэта и эссеиста. Фигурой в литературе он был очень нестандартной, далекой от какого-либо конформизма и тем более, как сейчас бы сказали, от комильфо... Да, его верная подруга Раиса Чекалдина вошла в долги и сумела издать замечательный фолиант, где напечатаны и его лучшие произведения, и статьи, и некоторые воспоминания о нем. Но здесь – мои личные воспоминания, мой взгляд. И о нашей дружбе. Ибо очень многое из того, что со мной происходило в творческой жизни все двадцать лет нашего знакомства, часто было неразрывно связано с его участием, с нашим общением.

Восемнадцать лет уже его нет, в пятьдесят три ушел... Так случилось, что Володя стал моим единственным настоящим другом среди земляков – собратьев по перу. Мы познакомились, когда за плечами у меня было всего-то чуть больше полдесятка газетных и журнальных публикаций. Тогда, в начале 80-х, мне было уже тридцать шесть – тридцать семь, а я все метался между лириками и физиками. Как-то само собой вышло, что Володя стал бывать у меня дома. Причем заходил без приглашений и звонков, как ходили в гости в моем детстве, когда и домашние телефоны-то мало у кого были. Но странно, это никогда не вызывало у меня ни малейшего раздражения. Хотя людьми мы были очень и очень разными. Он ведь был филолог, журналист по образованию, да еще землепашец. Многие слышали о его тыквенной «плантации» в деревне Усть-Стрелина. Даже «Комсомолка» писала. А я отходил от асфальта очень неохотно, только по большим случаям. Тщетно он зазывал меня взять, почти задарма, развалюху в упомянутой деревне.

Не знаю, как это произошло, но именно он вытолкнул мой стиховоз из тупика. Не сразу, конечно. Не с первого толчка. Однажды на семинаре литстудии «Притомье» он вызвался рецензировать мою рукопись и выступить с ее разбором. А мы вообще знакомы не были. За что положено, мне досталось, мало не показалось. Но главный его вывод все же был весьма положительным: есть основа для книги. Кто бы знал, что до этого момента пройдет еще десяток лет! Перестройка, увлечение публицистикой, игры в демократию, начало лихих девяностых. И, представьте, в это время приходит Володя и говорит: «Старина! Теперь или никогда тебе нужно издать книгу. Помогу, стану ее редактором...» – «Не поздновато ли?» – засомневался я. «Да ничуть! Знаешь, когда у Арсения Тарковского вышел первый сборник? В пятьдесят пять

лет!» И ведь убедил! Я собрал свои рукописи, и... неожиданно пошли косяком новые строчки. Володя в это время уже увлеченно работал с молодыми авторами и совсем немалыми вроде меня, редактировал книжки. Начал еще издавать журнал «Горицвет», где могли напечататься немало авторов, не попадавших в наши официальные альманахи, и стал издателем. Однажды привел ко мне мужика, только что отсидевшего «червонец». А что, при чем тут тюряга? Сиделец неслабо кропал прозу. Володя издал его, как издал и приглянувшуюся ему повесть одного прокурора... Ну а то, что Володя привел ко мне и кузбасского, да чего там, всероссийского гения Виталия Крёкова, – в отдельной эссешке.

Несмотря на свою кажущуюся серьезность и неувлеченность, он любил и пошутить неординарно – и в стихах, и на литсходках. Вспоминаю, как на одной встрече с молодежью он рассказывал про Рубцова, которого очень ценил. И одна девица докопалась: расскажите, как погиб поэт? Да как, начал Володя, задавила его любовница – вот и все. – ??? – В общем, продолжал он, разгромил Рубцов ее стихи на семинаре в пух и прах, хоть и спал с ней: мол, ты мне друг, но истина дороже. Ну, и та, благо в тяжелом весе выступала, тем же вечером оседлала его и задавила в самый-самый момент... Я долго смеялся над этим сюжетом. А по легенде-то вроде как она его топором спящего зарубила. Но кто тут правду знает и кто их, великих, понимает?

Володя, несомненно, был талантливый поэт и прозаик, лирик с редкой способностью к оригинальнейшей иронии и самоиронии. Редактором его первой книги, кстати, был известный питерский писатель Илья Фояков. Володя печатался во множестве центральных изданий. Что-то процитирую. Но больше хочу показать, каким он был человеком и литнаставником. Он обладал, как мне кажется, абсолютным слухом

на чужую строфу. А на похвалы он обычно был достаточно скуп. Сдержанно отзывался и о моей «нетленке», а иногда и вовсе не щадил. Как-то показал ему стих, что-то вроде «Прощеного воскресенья», адресованного жене. Мне так мнилось, что совсем недурно получилось. А он говорит: «Ну да, совсем-то слабо ты уже не можешь написать, это понятно. Но, сдается, ты накропал это из какой-то обязанности повиниться. Выброси!» Короче, если он читал мой стих и на лице его появлялось подобие ухмылки, я понимал, что не годится. А однажды произошло вот что. Я впервые в жизни оказался безработным на какое-то время. Жена с детьми уехала на две недели. Как бывает иногда в подобных случаях, меня «растачило», ушел с головой в свои писания, почти без остановки стучал на «Эврике»... И тут звонок в дверь. Даже открывать не хотел сначала. Но за дверью были настойчивы. Открываю – Ширяев. Как всегда, с пузатым «ветхозаветным» портфелем наперевес и пакетом лимонной мяты в подарок со своего участка. Володя глянул на мои воспаленные глаза и недельную щетину. И все сразу понял: «Давай, показывай!» За эту неделю я написал поэму и пару рассказов. Прочитал поэму. И вдруг он (впервые обнаружил такие эмоции) вскакивает и заключает меня в объятия: «Поздравляю, ты написал шедевр! Это почти готовая рок-опера!» Он лишь в деталях не угадал: почти через десять лет поэма превратилась в мюзикл... Володя обладал феноменальной памятью, знал огромное количество строк как классиков, так и кузбасских авторов. Уже понятно, что я не часто читал свои стихи с эстрады и потому не очень-то их помнил. Как-то раз самонадеянно вышел без листков при большом стечении народа (подумал, что пяток-то стихов осилю) и... замолк на какой-то строке. На мое счастье, в зале был Ширяев. И, к моему изумлению, подсказал забытую строчку. Я вышел из ступора и благополучно довел читку до конца...

В общем, наша дружба была такова, что он мог позвонить среди ночи и попросить справиться о ком-то, чем-то у Брокгауза и Ефрона: в доинетную эру я был счастливым обладателем до-революционного крупноформатного трехтомника. И потом еще начинали обсуждать узнанное, даром что мне на работу к восьми...

Теперь о том, что рассорило Ширияева с верхушкой нашего СП. Володю, как и меня, после сорока начало тянуть к суровой прозе, к эссеистике. Он написал дневниковые воспоминания, нечто вроде когдатошнего «Алмазного венца» Валентина Катаева – о собратях по перу. Только Катаев-то никого не назвал – всем своим героям кликухи придумал. Их, при желании конечно, можно было легко расшифровать. Но все же известное «нелицеприятство» было сглажено. А Володя решил правду-матку крыть поименно. Всем досталось. И по мне прошелся, кстати. Рассказал, как попал в пьяную разборку, когда искал иллюстратора для моего второго сборника: «Славе надо было, чтоб и книжка смотрелась, и костюмчик сидел». К слову, художник, которого он мне нашел за бутылку и десяток экземпляров будущего сборничка, Юрий Юрасов, уже двадцать лет в Москве и в большой моде: в Театре на Таганке спектакли оформлял, Пугачева с Моисеевым его картины приобретали... Короче, и правда, «приодел» меня Володя недурно. Я-то улыбнулся тогда – и ладно. Но тем, кто председательствовал в собраниях, досталось, конечно, куда больше. Что тут началось! На собрании нашего Союза писателей Ширияева подвергли жесточайшей обструкции. Требовали даже исключить его из СП. Я тщетно призывал собравшихся где-то улыбнуться над автором и над самими собой. Какое-то наказание ему все же придумали. Прошло время, но об этом все вспоминали. Как в известном польском анекдоте: «Пан Ковальский, почему вы столько лет не разговариваете с паном

Ольховским? Что такое между вами произошло? – Да не помню что, только этого ему никогда не прощу».

На слуху была история о «надзоре» Володи над мало-грамотной старушкой из Кемеровского района – Александрой Чистяковой, написавшей сурово-яркое воспоминание-дневник о своей жизни. Ширяев взялся редактировать ее повесть в тетрадках, привел в читабельный вид, и она была опубликована в «Огнях Кузбасса». Ее перепечатали в красноярском журнале. Повесть «Не много ли для одной?» заметили и выдвинули в номинанты на Букеровскую премию. История-то эта известная. Но мало кто знает, что Володя в итоге здорово пострадал из-за этого. Автор из-за немоги выехать в Москву не смог. Поехал Ширяев. Зная его, представляю, как он переполнялся на церемонии присуждения премии. Чуть не дотянули до вершины. Вышел второй приз. И Володя после этих волнений «принял», и у него случился нервный срыв. Короче, слег надолго в больницу. Просто слишком впечатлительный человек и болеющий за других гораздо больше, чем за себя...

Вот такой была наша дружба. Таким был Владимир Ширяев, светлый талант, мужик и интеллигент, умница, неутомимый популяризатор кузбасских авторов. Человек, изведавший многое в жизни, и... доверчивый ребенок, и Дон Кихот. А мне его очень не хватает... Володя многим посвящал стихи и прозу, но я не слышал, чтобы ему адресовали. А у меня вот написались такие строки. Слава богу, еще при жизни Володи. Поскольку здесь речь не о моих стихах, приведу только фрагмент из этого посвящения:

...Знаю, спорить с тобой бесполезно:

С Кафкой ты на короткой ноге.

Но шукшинского чудика – «Срезал!» –

Наяву узнаю в мужике.

Вот луна уже в окна струится.
В ней сверкает твоя борода.
Мнится, видел такие же лица
Я на фресках за ликом Христа...

В заключение небольшая подборка В. Ширяева.

* * *

Землица не литература,
туды ее и растуды!
Землица мне воздаст натурой
за праведные труды.
Присяду: уморился малость.
Покуриваю «Северок».
Потом слюнявлю важно палец:
не с севера ли ветерок?
И думаю неторопливо,
что делаю успехи здесь:
о, как она цветет красиво,
взлелеянная мной крапива –
любимый мой деликатес!

* * *

Когда птицегубительной зимою
не разглядеть во мраке встречных лиц,
вбегу в больницу теплую, завою
и перед практиканткой грохнусь ниц.
Вопросы тихо задает она мне
и думает, наверное: маньяк.
А у меня совсем простой анамнез:
я одинок. Ты полюби меня.

* * *

Как будто не было утрат,
а если были – очень мало!
И мир мне кажется с утра
обложкой детского журнала.
И по приметам самым разным –
вот, например, звенит трамвай –
я догадаюсь: завтра праздник.
Какой? Конечно, Первомай.
Нас тихим утром на парад
разбудят молодые мамы.
Как будто не было утрат,
а если были – очень мало...

* * *

Не надо кричать, очевидно,
и гневно глазами сверкать.
Теперь я глотаю обиды,
как шпаги глотает циркач.
Смотрите! Глотаю! Штук двадцать!
Причем этот фокус таков,
что к миру они возвратятся
цветным серпантином стихов...

* * *

Развернула поутру
яблоня свой веер.
Никогда я не умру!
В этом я уверен.

Вся в сиреневом дыму,
выстрелила почка.
– Не умрете? Почему?
– Не умру, и точка!

«Я НЕ СТАНУ ДЛЯ РОДИНЫ ГРУЗОМ...»

Немало я писал о поэтах – хороших и разных. Больше о тех, с кем познакомился на волнах фб. Но и земляков не забывал. Сегодня черед такого очного друга, кузбасского – да просто русского! – поэта, поэта милостью Божьей Виталия Крекова, никогда не имевшего какого-то пиара, не гулявшего в Паутине. Ушел он, светлая память, в 2016-м, лишь на месяц перешагнув седьмой десяток... Впервые я услышал о нем больше 35 лет назад от своего единственного тогда друга среди стихотворцев – Владимира Ширяева. Недавно упоминал его как человека, с полувзгляда видевшего в стихе поэзию или отсутствие оной. Я в то время еще вовсю пахал в стройменеджменте и мало общался с поэтами, в этом смысле варясь в собственном соку. «Ты не знаешь Крекова?! Это же гений!» – устыдил меня Володя. И начал шпарить его стихи. Я попросил его привести Виталия ко мне в гости. Засиделись за «рюмкой чая» до утра. И я понял, что Володя, как всегда, прав...

Виталий – выходец из простецкой сельской семьи, не помню, сколько классов окончил, а потом то ли строительная школа, то ли ПТУ – вот и все формальное образование... Каменщик на стройке, классно клал печи. Кто знает, может, его род восходит из Крекова, самого древнего поселения в Кузбассе? Первую заимку относят к XVI веку... Самородок, одно слово... Хорошо, что пришел в литстудию «Притомье», руководимой в те годы нашим мэтром Валентином Махаловым, который, к слову, от-

правил в плавание и мою поэтическую лодку. Он, конечно, сразу заметил дарование Виталия. И вскоре у Крекова вышла первая книжка. Тем более что он сложил мэтру печь на даче. А поскольку я печи класть не умел, то у меня книжка появилась не скоро. Шучу, конечно. Талантищу Виталия нельзя, невозможно было не дать дорогу. Обо всем этом я узнал позже. Но пора перейти к его стихам. Вот несколько фрагментов.

В твои глаза ночь выдышала росы,
На губы твои алые – хоть дуй.
Я намотал на шею твои косы,
Чтоб долгим был ответный поцелуй...
Я помню: на кончину февраля,
Лишь оттепель коснулась крыш немножко,
Ты вглядывалась в рыхлые поля,
Лицом уткнувшись в талое окошко.
А за окном стоял погожий день,
И на шестах скворечники теплели.
И уши распронизывала звень,
Когда стрясали снег седые ели...
О нежная, в стыду морозных кружев
Возьму тебя, как бабочку, в щепоть.
В слиянье губ я принимаю душу,
Целуя руки, принимаю плоть...

Каково, а? Можно сказать, магическая реинкарнация Есенина и Рубцова в одном лице, но только со своим ни на кого не похожим голосом, со своими уникальными образами.

А вот эта миниатюра явно написана человеком, знающим, что он поэт и что это его предназначение:

Какая-то большая небыль,
Которую мне не понять:
Земля вот-вот сольется с небом
И время повернется вспять.
Ноябрь в холодную обнову
Поля и кровли облачил.
А я от царственного слова,
Как раб, свободу получил.

Чуть отойду от стихов. Виталий был интересным мужиком, хотя, казалось, и не слишком речистым в устном бытовом слове. Не сразу, но можно было оценить его своеобразный крековский язык. Кроме того, он в совершенстве владел неординарной ненормативной лексикой невероятного объема, каковая, знамо дело, многое заменяет в русском языке. Имел успех у женщин, был женат не раз. Сватался даже к одной нашей докторице филологических наук и изрядно удивился, получив-таки отказ. А вообще, он скромняга был. Ровесник, а выкал мне, пока мы не сблизились как литераторы. В СПР его приняли почти в пятьдесят, хотя смело можно было принимать и в тридцать. Но, видимо, тогда поэт в таком возрасте считался слишком молодым...

Вернусь к строкам Виталия. В следующем стихе я уловил загадочность, какая сродни А. Блоку («Девушка пела в церковном хоре» или «Незнакомка»). И здесь то же ощущение, что поэту поручены Богом «глухие тайны».

И стала тишина неслышно шарить
По стенам, от угла и до угла,
И, шляясь темной ночью, чья-то память
Людей немых и странных привела.
Она коснулась век и лба устало,
Неосторожно обронив века,

И виделись невиданные страны,
Несхожие, как в небе облака.
И люди, коих Бог на землю бросил, –
Пусть навсегда исчезли их следы, –
Но каждый жил и нес в большую осень
Кто горькие, кто сладкие плоды.

А вот фрагмент стиха «Рождение звезды»:

...Увижу новый свет, и будет мать
Нежна от счастья... Снова за годами
В лицо мне будет девушка шептать
И волосы перебирать руками.
И будет утро. Вечер. Звуки лир.
И обновленья вечное начало.
И будет мудрый и безумный мир
Меч поднимать и опускать забрало.
Приблизился, сгорая от любви,
Полнеба озарив алмазной плетью...
Я канул в мир нечувствия и тьмы –
За миг между рождением и смертью.

Помню, в 80-х, когда партия и ее надзор за газетами еще были сильны, редактор нашего «Комсомольца Кузбасса» Женя Богданов, светлая память, как-то исхитрился тиснуть поэму Крекова «Данилкино утро», в которой, как у Блока в «Двенадцати» о времени революции, живописными фрагментами показаны срезы реальной жизни в застой, какие поэт изобразил без прикрас.

Тут и «Песня ты шахтерская, музыка прощальная...» А ведь в то время про шахтеров можно было только в радужных тонах! Тут и частушка про партийцев в юбках:

Девчонки-комсомолочки
Ребятам гладят челочки.
А девушки партийные
Ходят беспарнейные...

Не забыт и «загнивающий» Запад:

...Здесь я негра чернее, бесправен и гол,
А в городе Детройте карнавал прошел.
В пустынных скверах тишина клаксонит.
Воскресным утром ангела хоронят.
Хрупкая душа до кончика вытоптана.
Чувствует сердце Уолта Уитмена...

Вот вам и выпускник ФЗУ... Я не знаю, как ему это удалось,
но Виталий сумел образовать себя покруче иных. Вот его стихотворение «Письмо»:

Под вечным небом вновь цветет ранет,
Трава и листья набирают соки.
Быть может, через сотни долгих лет
В моих стихах ты прочитаешь строки
О том, как мы из миллионов лиц –
Среди надежд, отчаянья, обмана –
Искали наших солнцеликих жриц
Большого человеческого храма.
Я позабыл о том, что есть покой.
Я вышел в путь к тебе, моя святыня.
Чтоб в лучший час единою судьбой
Мое с твоим перекликалось имя,
Чтоб долго видеть твой влюбленный взгляд,
Уже не устремленный в поднебесье,

Как поколения между нас стоят,
Спасенные великим равновесьем.

У него есть прекрасные стихи о жизни простых людей («Наша бедность граничила с Богом» – так названа одна из его книг), о России, но надо завершать. Вот такие поэты рождаются у нас в Кузбассе, «во глубине сибирских руд»... Андрей Вознесенский воскликнул когда-то в память об одном поэте: «Завыть хочется оттого, что он больше ничего не напишет». Боюсь, наш Виталя не одобрил бы такое восклицание в свой адрес. Но как сказать иначе?.. К счастью, я сохранил подаренную мне автором этапную книгу «Деревьев люд смиренный», какая и послужила этим запискам. В Сети есть, правда, несколько ссылок о нем, но целиком не нашел ни одного стихотворения. Закончу вот этим, пронизанным русским духом:

Если станет с деньгами получше,
Не в Москву, не в Париж и Берлин,
Я уеду скорее в Урумчи.
Загляну к русской Нине в Инин.
Может, там отмеряют полозья
Санний путь за потаем потай.
Там в суровом полынном межзвездье
В такт Вселенной вздыхает Китай.
Я не стану для Родины грузом.
Я не буду вымаливать мзду,
Но, как женщину, русскую музу
От разбойных людей увезу.
Будут плыть облака, будут ветры
Тополя серебристые сечь.
В лунных сумерках яшмовой флейтой
Будет слышаться русская речь.

Оглянусь я на дали и шири:
Не возьмешь Томь блестящую впрок,
Что течет в притаежной Сибири,
Где шахтерский стоит городок.
Богатеи там есть, ну их в баню.
Там поэтов что в поле травы.
Там построил мужик на «тайване»
Колокольню в четыре трубы.
Там разрезы, там шахты и штольни.
А горняк только славою сыт.
За копейки из преисподней
Выдает на-гора антрацит.
И всегда время подлое в силе.
Горький плач там и скрежет зубов.
Помню день: из домов выносили
Враз шестнадцать шахтерских гробов.
Резанул мужиков взрыв кинжальный.
От железа осталась труха.
И на лицах погибших лежали,
Как на лицах святых, воздуха.
Что за мною: судьба ли, судьбина?
Только крест свой несу не один.
Ты жена – дочь шахтерская, Нина.
Даст нам Бог, доберемся в Инин.
Небеса сеют снежной порошей.
Вот Березовский город возник.
Ты со мною, кулема-матреша,
Ненаглядный мой снеговик.

НЕГРУСТНЫХ СТИХОВ НЕ БЫВАЕТ

Немало писал о талантах, поэтах и поэтессах, с коими познакомился на просторах фейсбука. Находил их в центре России, на Украине и в Беларуси, в Лондоне и Нью-Йорке... Были заметки и о моих земляках-поэтах. А вот о землячках-поэтессах последний раз аж в доинетную эру писал – в областной газете – о Гале Золотаиной, здравствовать-творить ей и дальше! Сегодня речь о кемеровчанке Агате Рыжовой. Ей ныне немного за тридцать, филолог. Лет десять назад (в «Моем мире») попала на глаза пара ее стихов, что впечатлили густой метафоричностью. А несколько лет спустя она появилась в Доме литераторов, презентовала мне свой сборник. Читая все подряд, как раз метафорами я быстро объелся и написал ей тогда шуточное стихопосвящение. Его еще будет где прочесть в этой книжке. Сейчас только фрагментик.

...Боюсь, твои два бутерброда
С густым метафоричным медом,
А больше – смертному не съесть!

Мою улыбку девушка восприняла адекватно. И любопытно: когда подбирал строчки для сей эссешки, уже нигде не обнаружил стихов, подобных тем, что дали когда-то мне повод пошутить... Вестимо: строчки, которые становятся интересными читателю, пишутся чаще всего, когда автор что-то испытал или нажил какую-то судьбу. А возраст тут может быть и 18 лет, и 28, и больше. Как у кого складывается. Вот строчки, не скажу точную дату, но написанные до 19 лет:

В кровавое месиво строк –
Брошена.

Дана одна лишь любовь –
К прошлому.
Навеки одна лишь отрада –
Бешенство.
И пить мне напиток отравный
Из нежности.

А вот в двадцать лет или чуть за двадцать. Естественно, как бы осмысливается уже пережитое:

Услышь меня – так страшно быть одной!
Стучит в груди испуганный моторчик.
Душа становится тревожнее и зорче,
И одиночество я чувствую спиной...
Услышь меня, как слушают дожди –
Вот радуга кипит в холодных лужах.
И август хвор и капельку простужен.
И я шепчу: «Дождись меня, дождись...»

И еще через пару лет – о разочарованиях. Уже и глубже, и мастеровитее.

Зима отползает подобно плешивой волчице,
Не скалит гниющих снегов, не рычит фальшиво.
Все кончено, сладкий, со мной ничего не случится.
На память хоть шерсти клочок, коль овца паршива.
Ты помнишь, как мы выживали в снегах сибирских,
Игрались любовью до гроба – не ухмыляйся криво.
Но принц до костей иззяб и пошел на принцип.
И конь белоснежный, вдруг облиняв, оказался сивым.
Весна всех одарит крикливым павлиньим нарядом.
Мне все фиолетово, сладкий, живи и помни.

Прозрачно смотри сквозь голубку, которая рядом,
На странную птицу, загадившую подоконник.

Время идет и требует, что называется, взрослых средств
выражения:

Весна через сутки пристойно икнет в кулак,
Соседски попросит осколки битых сердец,
Потопчет порог, решая, эффектней как,
Наступит на чье-нибудь горло, скажет «капец»...
И будней нечаянный сервиз разлетится в пыль.
Устанет, усядется клеить фарфоры дней,
Грудную посуду, которую кто-то разбил.
И сердце – допустим, мое – станет чуть-чуть целей...

А ниже – это уже философская лирика. Да еще с некоторым привкусом Кафки, если угодно. Но не собственно его. Скорее это параллельно с ним и найдено автором в ее личном поэтопространстве. Ничего удивительного! Бодлер заметил, что «в соответствии находятся прямо все краски, голоса и запахи земные». А означенное пространство у нее... Ей дано много чего там отыскать – ее разумом, может быть, еще непознанного – только чувствами. Она умна сердцем, если хотите. У Агаты даже грамматически сомнительное «одней» не смущает, а смотрится простой и понятной метафорой. А какая р-р-р-звукопись у нее в последней строчке! Уверен, это не случайно:

Мою тень раздавили колеса ночного такси,
И она выгибает в изломах свою поясницу.
Чтобы лунный фонарь, надоевший до слез, погасить,
Брошу в небо бульжник. Стекольная пыль на ресницах.

Оседают. И тьма. Так намного одной и родней.
В глубине переулков гарцуют копытами звери
Из пугающих снов, обернувшихся стаями дней,
Что ломают хребты о смертельно открытые двери.

Но есть здесь, за что упрекнуть поэтессу – за «гарцуют копытами звери». Во сне, конечно, могут явиться мифические копытные существа. Но, хоть убейте, ни копытами, ни лапами – гарцевать нельзя! А лезя это – людям, зверям ли – только верхом на лошади или на ком-то, чем-то еще. Но корить ее за это не хочется. Очень уж гармонично входит это в ее образный ряд...

Слишком везде грустно? Но ведь негрустных стихов не бывает! Ах да, было дело: «С каждым днем все радостнее жить!»

Окна распахнуты в ночь.

Так бессмысленно хочется жить

И вдыхать это небо взахлеб,

словно «Шанель номер пять».

В лабиринте потерь безнадежно запутана нить

Ариадны. Тигрицей взреву, чтобы стены прорвать.

Окна распахнуты настезь. И стелется по полу тьма.

В алкогольном чаду есть еще дозвониться надежда

До судьбы. Чей-то номер, молчаньем сводящий с ума,

И усталая злость: «Вот пассаж! Ты ошиблась,

как прежде!»

Время идет. Еще совсем молода, но потребность обратиться к Богу возникает.

Ничего мне, Господи, не давай – ни мужчин, ни денег.
Пропадаешь в них, будто в шахте гниешь рабочим.
Мне так нравится слово модное – неврастеник.
А с деньгами я буду плохим неврастеником, Отче...
Так что, Господи, ничего – ни фольги, ни фальши.
А дорогу – дай поизвилистей, о Верховный Зодчий!
Я в пути разберусь, непременно пойму – как дальше...
Я когда-нибудь все пойму –
И вернусь к тебе, светлый Отче.

Много о любви? Ну, так стихов не о любви тоже не бывает!

Другие дамы – аромат.
Он пахнет рыжими.
Спасительно прозвание – брат
И страшно ближе мне.
Чужая нежность напоказ,
И все – обещано!
И смотрят из любимых глаз
Другие женщины.

Все еще молода. Даже без «все еще». Но так уж повелось
у поэтов – подводить промежуточные итоги.

Все, что я знаю о жизни, можно вместить в горсти.
Хватит и пары слов: не болей, прости...
Впрочем, слова заключают больше, чем смысл и звук.
Русскому языку несу жертвенную козу –
Нервы мои гудят, как провода в грозу...

Путеводитель для сталкера – несколько общих фраз:
Что не убьет, то фатально изменит нас.
Поступь моя легка, и скиф я – разрезом глаз.
Гибкими станем мы, как вода, и вечными, как алмаз.
Все, что я знаю о жизни: больше не будет нас...

Известно, что А. Блок заметил и, можно сказать, благословил крестьянского парня Есенина со стихами совсем непохожими на его поэзию. Может быть, здесь она (понятно, в какой строчке) салютует Блоку, отдает ему дань, не может не отдать, хотя ее стихи точно ни на чьи не похожи.

Напоследок... Агата Рыжова видится мне явлением в нашей поэзии. Захвалить не боюсь, ибо убежден: у истинного таланта всегда есть иммунитет от известной болезни. Ее приняли в СПР. И впереди немерено лет, чтобы узнать о жизни все и воплотить это в творчестве.

...СРЕДИ РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН

Как-то упоминал матерого кемеровского журналиста Илью Ляхова, слывшего незаурядным стихотворцем-импровизатором и уж вовсе непревзойденным язвословом. Грешен, если не раз говорил и то, что он когда-то представил меня публике как самого выдающегося поэта России среди... директоров по строительству! Но к слову: сей титул я недавно великодушно (но по праву) передал видному действующему строителю и поэту из Подмосковья Юрию Воротнину. Так вот, по этой аналогии земляку-кузбассовцу, доброму другу Виктору Коврижных автор сих строк присвоил однажды звание лучшего поэта России среди рабочих и крестьян. Но по его улыбке понял, что, пожалуй, недооценил его талант.

То, что он поэт из народа и лира его для народа, ясно уже из этих строк:

Пила

Сияют зубья от развода!
Как будто плотные стоят
лицом к лицу солдаты взвода,
слегка откинувшись назад.

В них свет медальками сверкает,
и сталь, звенящая, как зной,
истомным стоном истекает
и остывает синевой.

Полно азартного томленья
в упругом теле полотна.
Дрожит, как девка, в нетерпенье
и в руки просится она.

И обессиленной приляжет
в сенях на полку, и вдогон
слегка протяжный и вальяжный
с пилы соскальзывает звон...

Здорово! Оказывается, поэт может даже в пиле ассоциативно обнаружить... элементы сексуальности, если хотите. А если серьезно, то разведенная пила и вправду как произведение искусства. Помню это еще по стройке в бытность мою рабстудентом, где материе плотники священнодействовали, разводя зубья двуручной пилы и ножовок. А я впоследствии придумал ресторанный шутку: подзывал официанток и вво-

дил их в транс, с серьезной мордой указывая, что ножи на столе бракованные – с неразведенными зубьями пилок.

Но вот совсем другой стих о вышних материях (они, могло стать, и привели Виктора в поэзию):

В этом доме когда-то я в детстве бывал.
Там картина над спинкой дивана,
в темных плюшевых шторах изысканный зал,
книги редкие, фортепиано...

гибкий ставили диск, пили чай при свечах,
багровевших от бликов заката,
говорили, что вечны Бетховен и Бах,
«Ода к радости», тайна «Токкаты».

Там красивая женщина – как ее звать,
я забыл... Только помню, как, мило
улыбаясь, давала мне книги читать
и со мною на «вы» говорила.

И на фортепиано играла сама!
Танцевали на клавишах руки.
Рассыпалась на тысячи звезд тишина,
звездам плакались нежные звуки.

Мне казалось, я сплю и летаю во сне,
сердце в обморок песня вводила...
«Это «Аве Мария», – поведали мне, –
песнь-молитва невиданной силы!»

В этот дом я когда-то как в храм приходил,
и тех чувств не забыть мне полеты.

И я женщину эту наивно любил –
с ее Шубертом, Шиллером, Гете...

Как мечтал я все таинства звуков понять,
овладеть музыкальной стихией,
чтоб, великим маэстро вернувшись, сыграть
этой женщине «Аве Мария»!

Отвлекусь немного от стихов. Витя, казалось бы, протестский парень, никаких академиев не кончавший, сумел себя образовать, дай бог иному с двумя высшими. Впрочем, это естественно для настоящего поэта. Он всю жизнь вкалывал на рабочих местах – и бетонщик, и сварщик, и крановщик, и сельский пахарь. А последние годы перед пенсией – начкар (начальник караула) в районной пожарной охране, этим временем наваян его трогательный роман. Как вам? У поэта всегда есть нечто вроде нимба над головой. Но, разумеется, он владеет ненормативной лексикой не слабее других. Однако, странное дело, бабы на стройке при его появлении как по команде переставали материться. Можно подумать, что он кого-то упрекнул бы за это... И еще штрих. Мы когда-то проводили чемпионаты по шахматам в своем отделении СПР. Чаше других побеждал наш мэтр и мой крестный в поэзии – Валентин Махалов. Пару раз и мне удалось стать (по терминологии незабвенного Ляхова) лучшим шахматистом области... среди писателей. Но однажды принял участие в таком чемпионате и Коврижных. Надо было видеть, как он вынес всех в одни ворота. Боюсь, этот чертяка катает фигуры по кандидату в мастера! А ведь, само собой, никаких шахматных школ он не посещал. Все у него от природы...

Вернемся к строкам Виктора. Я не встречал поэта, который так же гармонично, как он, может осветить стихами лю-

бую производственную тему, любую инструкцию, если хотите. Короче, нет такой работы, такого человеческого проявления, где бы он не нашел поэзию, философскую лирику.

Ангел труда

Своего я отыскивал бога
вечерами за Лысой горой.
Уводила в туманы дорога,
будоража неясной тоской.
Мне мерещились вещие знаки,
чей-то голос спускался с высот.
Я за голосом крался во мраке
и записывал речи в блокнот.
Но однажды, когда я в пределах
этих шаялся, растаял туман.
И две женщины – в черном и белом –
привели, указали на кран.
Он стоял у карьерной дробильни –
ни величья, ни Бога следа.
И я понял: его не любили
ни хозяин, ни ангел труда.
Рычаги его к сердцу приблизил,
но, инструкциям всем вопреки,
пел зеленою дудкою дизель,
откликались в стреле огоньки.
И свистел производственный ветер,
вторя лязгу тросов и колес.
– Есть здесь промысел горнего света?
Не ответил никто на вопрос...

Но вот снова перед нами молодой человек с тонкой душевной организацией, которому невозможно не поверить, что знал он в юности французский, да забыл. И еще вспоминается героиня деревенских стихов Есенина. Только тут язык-то и голос свой – Витин.

Сентиментальная история

Над рекою, мерцающей тускло,
у нависших над водами скал,
пел, блажил я, острял на французском
и на нем же стихи ей читал.

На студентку-красотку прилежно
я весь день и весь вечер глядел,
быть старался и добрым, и нежным,
покорить ее очень хотел.

Что-то нес о высоком искусстве,
чтобы знала она в свой черед,
что в деревне такой захолустной
столь продвинутый парень живет!

Был уверен: ее очарую.
Ждал заветных признания слов...
Ничего – только два поцелуя
и волнующий запах духов.

Запах тот я запомнил, и вечер,
и туман, что над речкою плыл.
Лишь забыл ее имя и речи
и французский язык позабыл...

Осталось сказать, почему моему другу звания «среди рабочих и крестьян» маловато будет. И ведь, наверное, он прав:

Я памятник себе воздвиг нерукотворный
в селе моем!.. Трубы водонапорной
побольше будет он по высоте!
Пока мечтам не писаны законы,
роняет небо звезды на погоны
и званье соответствует мечте!

А подо мной дома и огороды,
колодцы, трактора, животноводы,
на лавочке Серков-пенсионер.
Вы про известность мне не говорите.
Я здесь в селе гораздо знаменитей,
чем Вознесенский или Искандер!

Я памятник воздвиг... Высокий вроде.
Мне видно, что растет на огороде,
и виден лес, встречающий грозу.
Я над селом как будто в карауле.
Кричат внизу: «Слезай, Витек, покурим.
Прочти стихи про кузькину козу!..»

И, высотой горней окрыленный,
читаю им с восторгом, вдохновенно
про кузькину козу и про быка.
Что даже агроном наш на правленье
отметил: повышаю настроенье,
а значит, и надои молока.

Мой дом почти как штаб при поссовете;
посколь стихи печатаю в газете
под сводкою районных новостей,
то жители доверчиво и просто
идут ко мне то с жалобой, то с просьбой –
глаголом покарать лихих людей:

сантехника, завхоза райбольницы,
учетчика и Дуську-продащицу
(обвешивает, подлая, народ).
Я их глаголом яростным караю,
а сам в душе печально понимаю:
тропа ко мне травой не зарастет...

Как ни жаль, а пора заканчивать. Признаюсь, не искал новых стихов Виктора, не копался в старых. Пришли на глаза именно эти. Да какие бы ни попались, все бы подошли. Обычно в таких эссешках даю в основном фрагменты стихов. Но у Виктора почти ничего не сокращал – как у классика... Что ж, на Руси можно и живя в сибирской деревне стать большим поэтом. Это и доказывает Коврижных Виктор Анатольевич, 1952 г. р., автор десятка книг стихов и прозы, публиковался в региональных и центральных журналах, лауреат нескольких литературных премий. Уже почти 30 лет член СП. Живет в Беловском районе Кузбасса, в старинном селе Старобачаты, основанном в 1626 г. И дай бог тебе, Витя, еще долго там здравствовать и творить!

«СВОЕ РОБКОЕ СЕРДЦЕ ДЕРЖУ В КУЛАКЕ»

Естественно, у меня в друзьях по фб немало поэтесс. С некоторыми подружился неформально и отношусь к ним с большим почтением. Все другие, за редким исключением, остались номинальными френдессами, которые ко мне на страницу ни ногой. Эти другие, очевидно, те, которым отправлял отзывы такого рода: «То, что я прочитал, очень мило». Или: «Это добротная женская поэзия в лучшем смысле этих слов». Не выручало. Странно. Не сомневаюсь: женские стихи могут быть более чем хороши. Но... «О женщина, твой вид и взгляд...» Порой отвечали примерно так: «Ужас... Умеете и похвалить – почти убить.» В таких случаях всегда поеживаюсь. Хорошо, что нам не грозит личная встреча. За целостность своего пенсне, а то и морды лица – не поручился бы. Слышал и легенду о том, что Николая Рубцова подруга порешила именно после того, как он не слишком лестно отозвался о ее творениях. Мол, ты мне друг, но истина... Может, легенда, а может...

Боюсь, такой преамбулой кой-кого здорово напугал: ну, держись, мол, кто-то сейчас... Но успокою. Сегодня речь об авторе тоже из лучшей части человечества, который стал мне другом, несмотря на совсем недавнее знакомство.

Екатерина Полянская из Петербурга. Мельком где-то слышал фамилию, но ничего у нее раньше не читал. А тут случайно попалась ее страница в фб. Сразу понял: это нечто. Зашел в «Росписатель» на ее подборки и не мог не написать ей: «Сударыня, Вас обманули, ибо никакая Вы не поэтесса, а... поэт милостью Божьей!» Завязалась переписка. Выяснилось, что, так же как и у меня, у нее нет филологического образования. Она врач-ортопед. До сих пор трудится на двух фронтах: в медицине и литературе. У нее вышло уже больше полудесятка сборников. Ее переводили на несколько европейских языков. Подробности в вики.

Спешу перейти к творчеству Екатерины. Хочу для начала привести вот эту небольшую вещь.

Здесь заплакать нельзя и нельзя закурить,
Во весь голос не то что кричать – говорить.
Водка пахнет сивухой, вода – солона,
И на стену в ночи наползает стена.

Утро щелкает плетью, а по вечерам
Кто-то ищет меня в перекрестии рам,
И холодного зеркала пристальный взгляд
Словно блик на штыке, словно окрик «назад!».

Этот дом – он как зверя меня обложил,
Коридорами, лестницами закружил.
Я – живая мишень, я на злом сквозняке
Свое робкое сердце держу в кулаке.

Ответьте мне, друзья, можно о таких стихах сказать, что они очень милы? Наверное, нет. Не совсем понятны? Так стихи – это ведь не сюжетец той или иной степени увлекательности, не благостная зарисовка с натуры в размере и в рифму. Кто-то из больших поэтов заметил: «Непонятно, но здорово! Это и есть стихи!»

А вот просто несколько строк из другого стиха:

Пролетами цепляются за сердце
Стекающие с лифта этажи...
Где ты меня давным-давно не ждешь,
Где скомкано пространство в снятых шторах...

Скажите, могут у поэтессы «цепляться за сердце стекающие с лифта этажи»? Или может она узреть «скомканное пространство»? Боюсь, что нет. На это способен только поэт – неважно, какого пола...

Еще один небольшой стих целиком.

Когда собаки потеряют след,
Поскуливая зло и виновато,
Я сквозь туман сырой и клочковатый
В ветвях увижу чуть заметный свет.

Я сплуну кровь и посмотрю туда,
Где месяц опрокинул коромысло
И волчья одинокая звезда
На паутинке каплею повисла.

И я прижмусь к шершавому стволу –
Ко всей своей неласковой отчизне,
И вдруг услышу славу и хвалу
Создателю – в дыханье каждой жизни.

И я заплачу, веря и любя,
На все вопросы получив ответы.
И улыбнусь. И выдохну – себя
Навстречу ослепительному свету.

Ну, а тут разве повернется язык сказать, что это каким-то боком относится к «добротной женской поэзии»?

Еще одно стихотворение привожу в сокращении. Оно меня удивило по-своему.

Троллейбус

Неизвестным безумцем когда-то
Прямо к низкому небу пришит,
Он плывет – неуклюжий, рогатый –
И железным нутром дребезжит...

Он плывет в бесконечности зыбкой,
В безмянном маршрутном кольце
С глуповато-наивной улыбкой
На глазастом и плоском лице.

И плывут в городском междустрочье
Сквозь кирпично-асфальтовый бред
Парусов истрепавшихся клочья
И над мачтами призрачный свет.

Чем удивило? Не только уникальными метафорами. Одна «глуповато-наивная улыбка на глазастом и плоском лице» троллейбуса чего стоит! Но я уловил еще и какую-то переключку через сто лет с «Заблудившимся трамваем» Николая Гумилева. Нет, у Кати все по-своему. Но пришла мысль: она непостижимым образом возродила таинство того трамвая, если хотите, достойно салютовала ему своим троллейбусом в совершенно другой интерпретации! Значит, она стоит (не может не стоять!) на плечах таких гигантов, как Блок, Гумилев, Ахматова. Кстати, у нее есть стихи, посвященные Анне Андреевне.

В заключение хочу поставить непритязательное 16-строчное стихотворение целиком. Катя здесь не удивляет никакими метафорами, зато оно так органично звучит – для всех, для любого возраста и пола. Короче, прелесть что такое!

Если б я родилась, скажем, в благообразной Германии,
Там, где все аккуратно – коровы, дома, лопухи,
То любила бы пиво, копила бы деньги и знания,
Уважала законы и вряд ли писала стихи.

Если б я родилась

в легкомысленно-женственной Франции,
Там, где так хороши и любовь, и вино, и духи,
То, изящно флиртуя, я век не сходила б с дистанции –
Заводила романы и вряд ли писала стихи.

Если б я родилась в золотистой, певучей Италии,
Там, где небо смеется, а солнце сжигает грехи,
Там, где зреют лимоны, растет виноград и так далее,
Я бы пела, как птичка, но вряд ли писала стихи.

Но живу я в России, с глазуньей дар Божий не путаю,
Чтоб в ночи не замерзнуть, полешки последние жгу
И люблю непонятно за что эту горькую, лютую,
Неуютную жизнь. И стихи не писать – не могу.

Конечно, хотелось бы дать эти заметки гораздо обширнее. Но у фб свой формат. Однако я рад, что открыл на просторах фейсбука еще одного значительного российского поэта, чем просто не мог не поделиться с читателем.

«И СЕРДЦЕ ОТ УМА НЕ ЖДЕТ СОВЕТ...»

Все случайно... Случайно и нередко нахожу примеры «как нельзя писать». Случайно и реже, но нахожу авторов, которым Бог отпустил ту или иную толику таланта. Вот недавно познакомился с таким автором. Анна Мартынчик, г. Минск. Совсем еще молода – 25 лет. Но у меня возникла большая надежда, что эту свою немалую толику поэтесса сумеет развить, как подоба-

пользовать весьма взрослые и вовсе не начинающие авторы. Так вот, есть ощущение, что стихи эти написаны зрелой поэтессой. Не побоюсь сказать больше. Пушкин написал «Я пережил свои желанья, я разлюбил свои мечты» в 22 года, а моя героиня в чем-то перекликается с ним в своем мироощущении – в 19, а может, и раньше. Боже упаси, это совсем не значит, что я стремлюсь ее дотянуть до таланта классика. Ничуть. Речь даже не о мере такового. Но факт есть факт: из-под ее пера выходили в столь юном возрасте не восторженные вирши старшеклассницы. И многие из ее образов уже тогда могли подкупить. Не буду указывать. Читатель сам их видит.

А вот фрагмент из «Письма»:

Вообрази, уже семнадцатый рассвет
Я, пробуждаясь, ощущаю вес души.
И сердце больше от ума не ждет совет.
Страсть – доктор: то «дыши», то «не дыши».

Еще фрагмент:

...Дай, Боже, за все расплатиться до траурных лент...
Ах да, ты не веруешь. Я ж зачастила по храмам.
Нет-нет! За тебя не молюсь и не ставлю свечу.
Но ты должен знать, что, скользя по намоленным залам,
Как будто случайно святым твое имя шепчу.

Все свидетельствует о неординарности юного автора. На моей памяти из поэтесс в 18 лет так ярко заявила о себе разве что Катя Горбовская в начале 80-х.

Перейдем к более поздним стихам.

Стою

...Стою. На изгибе каемки береговой.
Закат в горизонт обронился румяным тельцем.
В каком поколении птица над головой?
В каком поколении ты у меня под сердцем?
Стою. И смотрю, как линяет кадык горы.
Вгрызается в гору волна, как в сухую булку.
И я перед временем кроткая... до поры:
На груди развалин никто не подымет руку.
Насмешливый бриз как треск хвоста под котлом.
И брызги, как щупальца, тянутся за ногами.
Как белые ночи. Как молодость на потом.
Манит глубина... устилает помягче камни...

По-моему, невооруженным глазом видно, как автор растет в метафорах. А далее возникает философская и любовно-философская лирика.

Гаснет в небе седой хребет.
Фонари в тишине безлуния
Выдыхают свой кислый свет.
Как же все это предсказуемо...
Распыляется шепоток,
Что рассвет мудренее вечера.
Бьется пристальность в потолок
Так наивно и опрометчиво!..
Нерешителен шаг впотьмах...
Непосильность сгибает плечики...
Настороженность. Ревность. Страх.
Как же это... по-человечески!

* * *

Как закупоренное вино,
Внутри удерживаю разливы!
Пророчить юности не дано...
Одно мгновение – вот чем живы...
Обиды множатся, будто сныть:
За око – око, за кожу – кожа!
Несложно сжалиться и простить.
Забить прощенное – вот что сложно...
Растаем дымом единоюшно,
Как искры свет исчезает в дым.
Не запасешься на день нужды.
Любить поистине! Вот что нужно!

Это стихи, что тут скажешь... Пора завершать. Что пожелать поэтессе? Поменьше слушать панегирики поклонников на своей странице и в других местах. Еще я предостерег бы Анну от увлечения мелодекламацией. Посмотрел ее видео и откровенно скажу, что не в восторге. Когда красивая девушка, не лишенная и задатков артистизма, декламирует свои стихи под музыку – это эффектно, конечно, но не для ценителей поэзии, а для праздно шатающихся по этим зрелищам. При таком просмотре не до сути стихов. У Вознесенского в «Вечере в обществе слепых»: «Плевать им на куртку кожаную, на показуху рук...» (спору нет. – В. А.). Но дальше: «...они не прощают кожей наглый и лживый звук». Боюсь, мэтр был здесь не совсем прав. Кое-кто способен и обмануть слушателя. Вспомните С. Юрского в роли итальянца, поэта-импровизатора в «Маленьких трагедиях». Мыслимо ли не поверить – зрячий ты или слепой – хоть единому его слову и звуку?! Так что невредно показать свои стихи и в обществе глухих, если хотите. Если есть музы-

ка у строк, то они услышат ее глазами! Ну, а красота, вестимо, страшная сила, но она еще ни одной поэтессе не помогла стать поэтом. Не помню, кто вывел такую формулу. Составные части творчества: 10 % – талант, 20 % – мастерство, профессионализм, 70 % – труд, рутинная работа. Мне кажется совершенно несомненным, что первой составляющей Анне не занимать. Во второй, как мне видится, она преодолела где-то полпути: еще добавлять и добавлять. С третьей не знаю, отчета она мне не давала, но чую, что до потолка и здесь еще достаточный зазор. А что до званий (не удивился, что при таком раннем старте ее уже приняли в СП Беларуси), каких-то премий, побед на конкурсах (ими тоже не обделена), они, само собой, греют самолюбие. В России сейчас юморят: поэтом можешь ты не быть, но в СПР вступить обязан. Легко вставить сюда любую международную аббревиатуру. Но, как известно, ни Тютчев, ни Блок при царях, ни Ахматова при Советах никаких премий не получали. Хочу только чуть перефразировать Окуджаву: «Не оставляйте стараний, Анюта, не убирайте ладоней с чела...»

В заключение полностью ее стихотворение «Когда зацветет виноград»:

Цвели виноградники. Пряно лоза цвела.
Бордовыми венами прочно плелись побеги.
Плоды созревали, и не было им числа!
Дышали сады ароматом густым и терпким.
Чернявые пухлые ягоды пили свет,
Под тонкой и глянцевою кожицей спела мякоть.
И гости к столу собирались под звуки флейт...
Ждала, наполняя давяльни гостям на радость.
И были корзины всегда до краев полны!
Искала отборные гроздья в ветвистых узах.
С хвалою и в танце топтала садов плоды,
А сладкая кровь винограда пятнала блузу!

И все угощались хмельным молодым вином!
Но вдоволь напитка крепкого не хватало!
Не помня, зачем собрались и за чьим столом,
Из чаш проливая на грудь, порицали: «Мало!»
Пустел виноградник, и стала седой лоза.
В морщинистых приторных ягодах горкли кости.
Кричали: «Еще!» И в истоме. В поту. В слезах.
Мешала кровь раненых стоп с кровью старых гроздей!
В разгуле допили крепленую соль до дна
И в ропоте все разошлись по своим долинам.
Иссякла. Но в скорби посеяла семена...
Еще зацветет виноград на Земле пустынной!

Невольно вспоминаются строчки Манделштама: «Этих стихов виноградное мясо мне освежило случайно язык!» И правда, здорово освежило!

НЕЧТО ВНЕ ЖАНРА

В этой книжке читателю еще будет где улыбнуться. Ниже – улыбки из самых добрых. Пару лет назад я вдруг взял и в один присест накропал шуточные посвящения своим друзьям-товарищам – поэтам, обитающим в Кемеровском Доме литераторов. Именно посвящения с улыбкой, а не пародии и не эпиграммы, хотя, грешен, элементы последних могут и обнаружиться. Полежали они, и понял, что тиснуть их в «Огнях Кузбасса» мне вряд ли скоро удастся по нижепонятным причинам, а фб – самая подходящая площадка. Заодно будет повод сказать живые, необщице слова о своих талантливых адресатах. Надеюсь, моему читателю это будет интересно. Тем более что из представляемой пятерки четверо ни на каких сайтах в Сети не активны.

Начну с нашего председателя. С Борисом Бурмистровым мы рядом по возрасту. Близки и по духу. У меня есть стихи, ему адресованные, написанные вовсе не по случаю, что-то такое: «...запредельный неистовый ветер холодил нам с тобою под дых!» И стартовали в поэзии мы, оба техменеджеры, припоздав – в 30 лет. Только в отличие от меня, проблуждавшего весь век «меж земною и Млечной Стезеею», он в начале перестройки – почти в 40 лет! – круто перестроил свою жизнь, от-важно сменив пост замдиректора оборонного завода на сомнительный кошт в Доме литераторов. Неисповедимы пути Творца. Кто же мог тогда предугадать, что Боря успеет достичь степеней столь значительных – и в поэзии, и около? У него целая обойма сборников, книги в столице, лауреатства на всех уровнях, звания и т. д. и т. п. И при этом... сохранил хорошее чувство юмора. Поэтому не сомневаюсь, что над ка-ламбурным финалом моего посвящения, куда я вмонтировал его миниатюру, он так же по-доброму улыбнется.

Борису Бурмистрову

Библиотечную колонну
Лик мраморный украсил твой.
В Союзе нашем – старшиной
Ты четверть века неуклонно.
Стихов течет по жилам кровь:
Россия, женщины, любовь...
Строка твоя во все пределы
Летит. Перо не заржавело!
Но... лучшее, что ты создал, –
Всего четыре малых строчки,

Я б гениальными назвал
Вот эти, что покруче прочих:
«Я пил вино. Душа вся пела.
Жена белугою ревела.
Я бросил пить. Жена поет.
Душа белугою ревет!»

Сергей Донбай. Старейшина здравствующих поэтов Кузбасса. Вышел из архитекторов. Ему под восемьдесят! Можно сказать, наш аксакал. А речь! На обсуждениях стихов – заслушаешься! Мы знакомы также со времен моего дебюта. Он уже тогда был известным в области стихотворцем. По выражению Гете, «архитектура – это музыка, застывшая в камне». А в стихах Сергея, связанных с родным городом, застыла музыка ушедших реалий. Вообще же лирика его многогранна и не вовсе без улыбки. Уже немало лет Донбай – главред журнала «Огни Кузбасса»... Пожалуй, надо пояснить кое-что из этого посвящения. «Прелесть смысла», что обыграл в строке, – так назывался один из сборников Сергея. Что значит «вкатали в асфальт»? А дело в том, что на аллее перед памятником Пушкину каждое лето, пока плиткой не выложили, можно было почитать строчки наших поэтов – признания в любви городу.

Сергею Донбаю

Стихов твоих – не исчислить,
Главред! Но сперва – пиит.
В строке твоей прелесть смысла
Чистейшая говорит!
Воспел ты красу трамплина
Во кемеровском бору,
На набережной чугунину

В музы́ку облек и ту.
В бессмертие виза это:
Не зря же, Сергей, не зря
У памятника Поэту
Вкатали в асфальт тебя!

Александр Катков. Его альма-матер – Лейпцигский университет. Дока в германской литературе. Служил переводчиком, преподавал немецкий в вузе. Он вообще заслуженно слыл у нас ходячей энциклопедией, и это было особенно ценно в доинтернетную эру. И что несомненно, Катков – мощный лирический поэт. В его живой боли за Россию мне порой кажется, что «и Бог заплакал вместе с ним», как у Николая Зиновьева. Глубоко берут и его строки о малой родине. А сблизили нас, наверное, стихи о дочерях. Оба их боготворим. Любопытно, что Саша не «по-поэтски», а здорово читает свои и чужие стихи. А монолог Бориса Годунова – его громовой голос – это надо слушать! Актер пропал в мужике... Улыбнулся я, конечно, нежно.

Александр Каткову

Изряден, Саша, твой талант.
В придачу – мыслию гигант!
О русской доле, о России
Люблю твой голос – сочный, сильный!
Но, брат, глядел я в оба глаза:
Не улыбнулся ты ни разу,
Нигде, ну сколько ни искал!
Иль, может, слаб я зреньем стал?
Твой сплин порой – прости за это! –
Во мне... улыбки будит где-то.

Дам зуб, что обретишь ты их,
Как доживешь до лет моих!

Дмитрий Мурзин... Вот уж кто, несмотря на относительную молодость – нет и пятидесяти, – не нуждается в особом представлении. Но у меня без одного не получится. Он давний блогер ЖЖ и фб. На моих глазах быстро превратился из юного математика с литуклоном в зрелого поэтического мужа: СП, ПЕН-центр... Хотя, может статься, это мне так показалось, что быстро: у меня ведь теперь десять лет пролетает, как в молодость – год. Через столичный видеопроjekt «Вечерние стихи» Дима недавно – не фунт изюму! – попал в десятку... лучших поэтов страны, что читали свои строки на Красной площади. А еще он взял престижную премию и в слэме. Пашет как вол в «Огнях», тащит студию любителей «Притомье», безотказный фотовидеосъемщик всех наших сходов... Улыбаться в стихах умеет. В общем, не знаю даже, мне-то где улыбнуться?

Дмитрию Мурзину

Ни в чем не гонишь ты пургу:
Матфак, литфак... и взял Москву!
Старпом в журнале и верстальщик,
И шеф «Притомья», и так дальше...
Не вечер. Ведь с такой харизмой
И семинария, и риза
Тебя найдут, быть может, Дима?..
Печалят знания, вестимо:
В стихе себя бичуешь рьяно.
Но не найду в тебе изьяна.

Вот это – с некой точки зренья –
И вызывает подозренье!

Агата Рыжова, окончила КемГУ, филолог. Лет шесть-семь тому в Сети попала на глаза пара ее, безвестной авторницы, стихов, что здорово впечатлили яркой метафоричностью. А два года назад она вдруг появилась в Доме литераторов: устроилась на работу в «Огни», презентовала мне свой сборник. Странно, но, читая все подряд, как раз метафорами я быстро объелся. О чем ей и доложил. Знаете, чем поэтесса отличается от продвинутой дамочки, пишущей даже не вовсе дурные стихи? Поверьте моему опыту: вторая порвет вам пасть – тем более если вы не ее начальник – за любой некомплементарный отзыв о ее строчках или замечание-совет! А поскольку лицо мое осталось невредимым... Недавно увидел ее новую подборку. Общение с поэтами даром не прошло. Выросла. Уже и в СП очленили. А это послание ей мне дорого как память.

Агате Рыжовой

В твоих творениях, Агата,
Цветут метафоры богато.
Боюсь, что в той садовой гамме
Я недостоин быть и камнем.
И это правда, а не лесть.
Но извиняй: два бутерброда
С густым метафоричным медом,
А больше – смертному не съесть!

О СРЕДСТВАХ ВЫРАЖЕНИЯ

Уж сколько перьев сломано на эту тему. Одни за рафинадную чистоту нашего литературного языка, другие – за то, чтобы использовать весь словарь подворотни, так, мол, народ говорит, чего стесняться. Прямо скажу, что не поддерживаю ни тех ни других. Кстати, уважающий себя простой народ порой умнее и тоньше писателей: у него в запасниках пригоршни эвфемизмов – остроумных заменителей грязных сочетаний. Ищущий да обрящет. Тем более если речь о поэзии... Несколько лет назад мне довелось не без удовольствия собирать из рукописных тетрадок и набирать на компьютере первый и, боюсь, последний сборник стихов не слишком образованной и весьма немолодой жительницы нашего сибирского края, но подлинно народного самородка. Зовут ее Галина Суббота. Впрочем, как и подобает поэтессе, она оказалась женщиной тонкой душевной организации, пишущей даже философскую лирику. Но сейчас хочу привести совсем другие ее строчки.

Спросят, как живу. Отменно!
Но могла бы лучшей.
Бедность девкой непотребной –
Разве выгонишь взашей?
На дворе лихие ветры
Эпохальных передраг.
А манда, лахудра эта,
Из барака ни на шаг.
Так и маемся в обнимку.
Но порой как закричу:
«Сдохла б, курва, ты! Поминки
Краше свадьбы закачу!»

Грешен, одно из смачных, соленых словечек я как редактор даже присоветовал здесь поэтессе, и она приняла. Кто бы сомневался, что автор и не так может. Но, заметьте, в свободе выражений ей хватает интуиции балансировать на грани упомянутых народных соленостей и отвязной уличной непотребщины, не переходя эту грань! И ее горькую улыбку над собой органично передает эта лексика. Разве не так?

«ХОЧУ ПОНЯТЬ ТЕБЯ НА ВКУС...»

В последние годы зрю за собою «недостаток злой» (и не я один грешен) – несколько снисходительно относиться к собственно женской поэзии. Стало комплиментом называть поэтессу поэтом, если она пишет сильные стихи. Но правильно ли это? Наверное, не всегда. Сегодня о моей землячке, ныне москвичке, Наталье Рей, о ее первом сборнике стихов «Территория любви». Не слишком уже уникальное название? Может быть. Но, убежден, вполне здесь уместное. Несколько лет назад она мне доверила общую редакцию рукописи, но увидел я книгу только сейчас. Свою роль редактора в основном полагал в том, чтобы убедить поэтессу не включать в сборник вещи и строки, которые ей были «дороги как память», но благоухали известными красотами, почти всегда свойственными первым пробам пера. И надеюсь, мне это удалось. Ибо перед нами автор не вовсе начинающий, а даже совсем продолжающий писать. У нее есть внушительный цикл стихов об осени. Кто-то может заметить, что после Пушкина опасно восхищаться осенью – это как в китайской поговорке: читать свою книгу о сыновней почтительности у дверей Конфуция... Ну так, друзья мои, можно сказать, что вообще опасно писать после Блока, Есенина, Ахматовой, Цветаевой. И дорогого стоит,

что Наталья сомневается в том, что ей удастся запечатлеть и сохранить роскошь красок осени.

Осень в стиле ретро
Или в ритме блюз.
Чувств лихие ветры...
Нет, не надивлюсь.
Пишет «сюры» осень
Иль рисует «ню».
Красок этих роскошь,
Может, сохраню?

А вот наступленье весны. Какая женщина не найдет в этом поэзию?

Пора отдохнуть нам от стужи:
От Овна до Рыб минул год.
Сугроб превращается в лужу,
Солирует мартовский кот.
Синеет неистово небо,
Там живность морская – не счесть!
И грезится всякая небыль,
А быль... уж такая как есть.

Ну, а эта простая, неприязательная вещь, по-моему, чудесна:

Если б я была домашней кошкой,
То бы прыгнула тебе на колени
И уткнулась носом в ладошку,
Замурлыкав, по обыкновенью.
Если б я была просто кошкой,
Повинуясь природы капризу,

Я ловила б над тобой мошек
И ходила гулять по карнизу.
Если б я была твоей кошкой,
Под ладонь подставила б спинку
Да гляделась в тебя и в окошко,
Обалдев от луны половинки.

Если хотите, это и есть женская поэзия в самом чудесном смысле сих слов.

Но уже из первого стиха было видно, что наша героиня далеко не проста. Совсем недурно у нее получаются и философские миниатюры.

* * *

Не без чудных прорех
На Голубой планете:
Порой так легок грех,
Так тяжка добродетель.

* * *

Законы жизни неизменны.
За странности не поручусь:
И верность может быть от лени,
Измены – от избытка чувств.

И завершить хочу эту, пожалуй, микроэссешку снова фрагментом любовной интимной лирики поэтессы. Ведь мы сегодня о женской поэзии, о строчках, про эти А. Твардовский, возможно, сказал бы: «Вот стихи, и все понятно, все на русском языке».

Хочу понять тебя на вкус,
На тонкий привкус ожидания,
На взгляд, на вдох, на осязание,
Услышать учащенный пульс...
Между собой не напускать
Заумно-глупых размышлений,
Не прятать страсти ощущений
И как рассвет тебя встречать!

Это и есть территория любви поэтессы, где, по выражению поэта, она чувствует себя «кусочком солнца». И дай ей Бог! А ведь никто не будет отрицать, что лучшая половина человечества вообще чувствует глубже остальной половины...

Наталья Рей. Родилась в Кузбассе, г. Киселевск. Окончила Московский педагогический госуниверситет. Работала в Кемеровском областном драмтеатре. Была арт-менеджером международного литературного интернет-проекта «Новая волна». Пишет стихи, а под другим именем – рассказы, современные сказки. Публиковалась и в коллективных печатных изданиях. Ныне живет в Москве.

«В СЕРДЦЕ ВЗРАСТАЮТ ПОДСНЕЖНИКИ НЕЖНОСТИ...»

Не торопился с этим материалом вослед ушедшему. Потому что это не некролог. Хотелось что-то осмыслить... Под Новый год оборвался земной путь томского поэта и барда Николая Хоничева. Лесной инженер, двухметровый гигант, который и мухи не обидит. Слишком рано ушел – в пятьдесят пять. Но инсульт (а у него – второй) нынче не спрашивает,

сколько тебе лет. Его знали и любили кемеровские литераторы. Когда у нас пустили по кругу шапку-карту помощи, многие отозвались. Он раньше приезжал к нам часто. Написал даже «Кемеровское танго». Лет несколько назад сын свозил меня в Томске к врачам. Созвонился с Колей, встретились. Как водится, обменялись своими книжками, дисками. На обратном пути поставил подаренный диск. И молодой кое-что заценил. О чем-то это говорит... Коля, конечно, не обладал сценически поставленным вокалом. Но его сильный голос с мощным лирическим и, если хотите, драматическим посылом никого не оставлял равнодушным. Конечно, такие песни под гитару были его коньком. Но, увы, на ютубе не нашел сколько-нибудь качественного видео с этими песнями. А «испанский» клип, который выставил в фб, технически неплох, но отражает лишь малую грань его песенного творчества. Есть в Сети хорошая запись песни «Подснежники нежности»: в ней на слова Коли мелодия и исполнение другого автора. И без музыки видно, что песня эта – шедевр.

В сердце возрастают подснежники нежности,
Свежие самые, самые свежие.
Пестую песню простую в автобусе –
Маленькой-маленькой точке на глобусе.
Я отворяюсь – а значит, творю.
Я превращаюсь в улыбку твою.
Дарим друг другу мы руки с тобой.
Вот и от нежности я чуть живой.
Как мы похожи, а как ты талантлива!
Встреча вздох Аладдиновой лампой
Праздник непраздничный дарит нам царственно.
Лишь бы вернуться спокойно и засветло!

В тридцать пять Николая приняли в СПР. Был наставником в студиях молодых авторов. Он пел и становился лауреатом на различных фестивалях в Германии, Франции, Италии. И его слушали, многие – ни слова не понимая. Ну, это как шли на Высоцкого в Париже и Нью-Йорке: его посыл к душам людским брал за живое и без перевода.

А вот это просто стихотворение:

И увидит он ее и полюбит,
Неожиданно, на улице старой.
И как будто заторопятся люди
По дороге мостовой по усталой.

И, губами с губ снежинки снимая,
Захлебнется он восторженным бредом.
И с ума сойдет тогда мостовая,
Мостовая, занесенная снегом.

Будет все – объятья, ласки, и бури,
И на солнце различные пятна.
А потом седая прядь в шевелюре
Вдруг возьмет и потемнеет обратно.

И это просто и замечательно:

Ягода

Меженика кислоющая
Меж тобою и мной.
И молвина колючая
Вся сочится молвой.
Просто чувству не выжилось.

Вышло наоборот.
Густо выросла лжимолость.
Злюквы невпроворот.
Обманика разбросана.
Оглупихи полно.
И грубина, да гроздьями,
Польхает давно.
И тропой непроверенной
Снова выход ищу.
Примирики отведать бы.
Обнимики хочу.

Закончу вот этим, еще проще. Вроде бы шуточное, а слеза
наворачивается.

Две женщины пили. Я бегал за водкой.
Из двух этих женщин одну я любил.
Отрадно, однако, что путь был короткий,
Но с каждым стаканом терял я свой пыл.

Да, путь был короткий, но таяли силы
В сплошных перекрестьях любви и дорог.
Я бегал за водкой. Две женщины пили.
Я нюхать уже эту гадость не мог.

Я счастлив. В глазах твоих столько проталин!
Я счастлив, пускай и здоровье на слом.
Две женщины пили и тихо болтали,
Когда я под утро лежал под столом.

Николай Хоничев, ты не будешь забыт!

СВОБОДЕН ОТ СВОБОДЫ

У нас ним оказалось почти 900 общих друзей в фб. Меня впечатлило. Но такого или похожего индивида среди героев поэтических разборов – моих или чьих-либо (во всяком случае, в Сети) – еще не было. Интервью с ним не в счет. Хотел даже начать со справки о нем. Но нет, буду писать о поэте, остальное в конце... Почему начинаю со зрелых строк немолодого стихотворца, тоже станет ясно позднее. Да и его ранних стихов мне найти не удалось.

Воспоминание о юности

...Как птицы на взлете, галдели,
Глотали отечества дым,
И песни задорные пели,
И звали свой век золотым.

А кто-то из далей далеких
С прищуром отеческих глаз
В раздумьях своих одиноких
Смотрел терпеливо на нас,

Веселых, беспечных, безбожных,
С огнем большевистским в груди,
И знать ему было тревожно,
Что будет у нас впереди.

А эту трогательную беседу с котом нельзя не отнести к философской лирике.

Ты прости меня, кот, твои годы быстрее моих,
Ты мой возраст догнал и уходишь старательно дальше.
Я по гулкой земле на своих громыхаю двоих,
На своих четырех ты на землю ступаешь тишайше.
Не жалея меня, кот, мы быльем поросли – не старьем,
Мы еще молодцы – ни хвосты, ни усы не обвисли.
Мы еще помячим с тобой, мы еще поживем
И половим мышей – ты в прямом,
я в сомнительном смысле.

А когда остановишься, чтобы меня подождать,
И прокатится ток от ушей по спине и по лапам,
Ты природу свою пересиль – не сбегай умирать,
А усни на руках и на память меня оцарапай.

Знаменитый советский поэт родом из Кузбасса Василий Федоров как-то обронил: «Хоть у нас и любят величать, русскому поэту в любом возрасте отчество совсем не обязательно, а вот без Отечества он не может ни творить, ни жить. Естественно, без оно́го и нашему автору никак.

Живу, никому не мешая,
Но вдруг позову звонарей,
Чтоб Родина знала большая
О родине малой моей.

Пусть мощные воды в усердьё
Несутся по руслу реки,
Но их глубину и бессмертьё
Питают мои родники...

И ставлю я, пусть запоздало,
Две свечки, душа за душой,

Во здравие родины малой,
В величье и силу большой.

А вот так не без юмора можно выразить тоску по родному краю:

За мороз, за дождь неуголимый,
За войну, за «быть или не быть»
Дай всем русским, Боженька родимый,
Хоть чуть-чуть в Швейцарии пожить.

Дней по пять, а больше их не мучай,
Затоскует каждый, заскулит
От лесов зеленых – не дремучих,
От озер прозрачных – не кипучих,
От дорог, затоптанных в гранит.

Всех часов биение наручных,
Всех органов мощное созвучье
Колокольчик в поле однозвучный
Переплачет, переголосит.

О чем ниже? А это важно? Последние две строчки так подкупают, что вопросов не остается.

Вот и кончилось время прощаний,
Обустроен последний приют,
Мы уходим туда не с вещами,
Вещи дольше обычно живут...

Чтобы утром в тягучем тумане
Слышал я сквозь столетний гранит,

Как у прадеда в чайном стакане
Колокольчиком ложка звенит.

Может быть, не хватило источников, но мне несколько не-
достало у автора любовной лирики. Именно количественно,
а не качественно. А таковая у поэта очень сдержанна. Он не
идет на обнажение души в каких-то интимных переживаниях.
Но почему он обязан это делать? Под сдержанностью тоже
можно находить глубину чувств.

Юг цветущий не сравнивай с Севером,
Не кори переметной сумой,
Посмотри на меня по-осеннему
И порадуйся жизни со мной.
Осень яркая вышла и ярая,
В предвкушении крепкой зимы
Все деревья гуляют боярами,
Погуляем с тобою и мы.
Чтоб потом под сугробами сонными
Выпал сон нам один на двоих,
Где ладони твои невесомые
Замирали в ладонях моих.

Даже не берусь определить, что является коньком поэта –
гражданская или философская лирика? А нужно ли это опре-
делять? Главное, что он пишет стихи, которые трогают.

Дорогие фотоснимки
Как огонь в моих руках,
Проживаю вместе с ними
День за днем, за шагом шаг...

Вот еще совсем ребенок,
Я щекою к маме жмусь,
И в глазах моих спросонок
Удивление и грусть.

Я свободен от свободы!
Память – бабочкой на свет!
Вдруг проваливаюсь в годы,
Где меня в помине нет.

Только краешек случайно
Зацеплю и вижу тьму.
Сотворенья мира тайна
Не доступна никому.

Надо добавить, что на ютубе можно найти песни о войне на его стихи, вызывающие теплые отзывы. Хотелось бы привести еще немало строк поэта, но рамки фб все же обязывают заканчивать. И вот теперь только пришло время познакомить читателя с моим героем поближе. Не хотел сразу раскрывать.

Воротнин Юрий Иванович, 1956 г. р. Окончил Тульский политехнический институт. Заслуженный строитель России, генеральный директор ОАО «Проектно-строительное объединение № 13». Автор стихотворных книг «Стихотворения 1973–2005» (2006), «На вечной дороге» (2010), «Небесный щит» (2013) и других. Кавалер золотой Есенинской медали, лауреат премий им. Р. Рождественского, им. Я. Смелякова. Член Союза писателей России. Живет в городе Дедовске Московской области.

Как видите, если убрать про книги и пр., останется более чем внушительная характеристика техменеджера высшего звена и предпринимателя. А тут еще и яркий талант. Боюсь,

некоторые творцы – бизнесмены и министры, по коим, грешен, не без улыбки проходилась, нервно курят в сторонке на фоне творчества Юрия. Вестимо: «стишок писнуть, пожалуй, каждый может». Но тут истинного поэта в нем никуда не денешь.

Так случилось, что первый сборник вышел у него лишь в 50 лет, в 2006 г. Но это оказалось не юбилейным подарком себе, а стихами зрелого поэта. А то, что туда были включены произведения 1973 года (жаль, не нашел их в Сети), говорит о том, что уже в семнадцать он писал настоящие стихи. Как он признавался в одном интервью, мечтал о Литинституте. Но все же не увидел в себе достаточного дара для этого и выбрал стезю технаря-строителя, как и ваш покорный слуга. Только, в отличие от него, я ни в семнадцать, ни в двадцать не писал еще ничего и перед таким выбором не стоял... А в итоге, пока я скорее жив, чем нет, щедро подаренный мне острословом титул «самого выдающегося поэта России среди директоров по строительству» спешу передать Юрию. И не как старший младшему. И даже без надежд на словесные дивиденды от него. Он вовсе меня не просил об этой мини-эссешке и еще не знает о ней. Более того, ранее между нами не случилось никакого диалога, если не считать пары комментариев на отвлеченную тему. Но не могу не писать о тех, кто вызывает во мне такой порыв. А титул – он, конечно, шуточный, но в каждой шутке... Однажды присвоил звание «самого выдающегося среди рабочих и крестьян» поэту-земляку Вите Коврижных. Тот поблагодарил, но сказал, что «маловато будет». Если и Юра скажет подобное, улыбнусь.

МИР – ЭТО ПЕСНЯ БОГА!

Александр Мирзаян отмечает семьдесят пять... Русский бард милостью Божьей, композитор, поэт, философ, теоретик авторской песни, участник бардовского ансамбля «Песни нашего века», вице-президент Ассоциации бардов России. Боюсь, что-то упустил. Да простится мне, ибо это не здравица, а ощущения от пересечения с близким по духу человеком.

Александр Завенович родился в Баку. В его детстве семья переехала в Москву. Окончил МВТУ им. Баумана. В студентах на сцену выходил, но только с песнями известных бардов. Свои, наверное, вызревали. Так вышло, «патент» на первую собственную песню получил вместе с дипломом инженера-физика в 69-м. Вот строки из первого его песенного пласта:

Гордятся мертвым светом фонари.
Танцуют в лужах глянцевые тени.
И наши мысли бродят до зари,
укрыв плащом дрожащие колени...

Я тоже не ведал, на чем свернусь,
пока не уперся башкой барана,
что нашим умом не осилить Русь,
а только аршином в штанах тирана...

По-моему, сильно... А на рубеже нового века он горестно замечает, что дареная свобода нас «не встретила радостно», оказавшись в зверином облике:

Мы вправду не знали, что будет так страшно,
когда загремит Вавилонская башня,

но пала темница, и ровно у входа
нас встретили зубы дареной свободы.

Двадцать лет Мирзаян отпахал в Институте теоретической и экспериментальной физики в Москве. А что, нормальный физик, сочинявший песни, «облокотившись на синхροфазотрон». Последний, однако, в конце концов окончательно уступил место гитаре, которой бард владеет блестяще, и авторской песне. Он многократный лауреат всевозможных фестивалей и конкурсов.

Мне выпала удача лично познакомиться и общаться с Александром – лет пятнадцать назад на фестивале бардовской песни «Бабье лето» в нашей кузбасской Юрге, где оба «жюрили». Ночевали в одной палатке, выяснилось, что мы ровесники (он старше аж на четыре месяца), что оба пришли в творчество из технарей. Не мог не вручить ему свежую книжку своих стихов и малой прозы. И первое, что притянуло его взгляд, было мини-эссе о великом и могучем. Вскоре я понял, почему он так жаден до подобных вещей. Такого же, как он, глубоко образовавшего себя русского человека – по языку, культуре, философии – поискать и среди весьма незаурядных носителей куда более русских фамилий. Столь же фундаментально бард впитал и европейскую культуру, и, само собой, кавказскую – своих предков. Но ему нельзя было не поверить, когда он позже уронил: «Я вызван русским языком...» Спасибо, Саша, благодаря тебе, я понял, что и мой запоздало проявившийся талантишко, так или иначе, тоже был вызван русским языком, который боготворю, как и ты.

Немало песен у барда и на стихи других поэтов: Бродского, Хармса, Пастернака, Цветаевой, Сосноры, Чухонцева. За пропаганду первых двух имен Мирзаян попадал в черные списки исполнителей, не допущенных на большие сцены... Изда-

но несколько его альбомов, книга стихов, публицистика. Не ведаю, сколько у него песен, но только на одном бардовском портале насчитал около двухсот. На ютубе у читателя большой выбор его произведений. Хочу целиком привести здесь один его текст – «Декадентский романс».

Я встретил Вас. Вы встретили меня.
Моя душа исполнена желаний,
Но чистота полупрозрачных лиц
Пугает нас бесплодностью мечтаний.
Вот в золотом сиянии петлиц,
С букетом фраз спешил я на свиданье
И приходил, чтобы сказать: «Прости»,
Одетый в плащ опасных обещаний.
Был только жар полураскрытых губ,
И пыл туман несбывшихся объятий.
Но Вы ушли, а в пустоте ночей
Меня тревожат формы Ваших платий.
Я говорил – Вы слушали меня
И улетали вспугнутою птицей.
Я Вас просил... К чему теперь слова?..
Но Вы ушли, а жизнь не повторится.
И сладких слов соленую судьбу,
И гулкий крик разбуженной глуши,
Мечты и первую любовь свою
Скрываю я в монастырях души.

Все просто, но в каждой строфе – метафора, а то и не одна. А поразила строка: «Меня тревожат формы Ваших платий». Очаровывает и старинное написание – «платий». Но главное, оказалось, что это удивительно по сути близко адресованному женщине пронзительному откровению, первую по-

ловину коего я вычитал в молодости у зарубежного фантаста, а вторую дописал сам: «Субстанция, которую облегают Ваши одежды, имеет потрясающе совершенные очертания». Какая неожиданная ассоциация!

Мирзаян воздвиг бардовскую песню в иерархии наших духовных ценностей на невиданную ранее высоту! До национальной идеи! В то же время он говорит, что ни поэзия, ни какая-то иная составляющая авторской песни вовсе не обязательно лучший образец. Даже зачастую это не так. Но феномен этой песни в том, что целое нередко оказывается гораздо крупнее, значительней элементарной суммы компонентов. Бедная математика! И никакой зауми: понятно и семикласснику... В одном из недавних интервью Александр признался, что не пишет больше песен, а занимается песноведением, выступает с лекциями, пишет статьи, эссе. Заметив, что не он это открыл, напоминает: весь мир – это песня Творца, т. е. Бог создал мир с помощью песни. Ведь и вся дописьменная культура была песенной. Каждая нация ведет свое начало от фольклорного предка: греки – от Гомера, русские – от Бояна и т. д. Можно сказать, что в трактовке Мирзаяна первая строка Евангелия от Иоанна звучит так: «В начале была песня, и песня была Бог!»

После того юргинского фестиваля мы еще немного контактировали по телефону, в инете он тогда был не дока, и... потерялись. А в фб нашлись – всего, наверное, лет пять тому. Из контактов с ним, и не только из них, я убедился, что Александр – скромный человек. На его странице – ни малейшего зазыва публики, никаких ссылок на википедию, сайты, ютубы, а в хронике почти ничего от «я» – в основном репосты об интересных людях-творцах. Сдержан как в интонациях песен, так и в Сети. Он не рассыпается в комментариях, но меня греют и его молчаливые лайки под моими опусами.

Саша, ты вступаешь в четвертое 25-летие своей жизни. Желаю тебе самочувствия возраста, адекватного последней цифре, благоденствия в семье! Дай тебе Господь и сто лет встретить с гитарой в руках, с той же роскошной моторикой пальцев, на какую сейчас смотрю с белой завистью. И еще одно пожелание. Иногда все-таки стоит снимать схиму песноведа и выходить из нынешнего «монастыря своей души». А вдруг, к примеру, напишется нечто о совершенстве вышеозначенной субстанции, созданной по нотам Всевышнего? Может статья, и Бог заплачет над этой песней!

ОТ ГРАФОМАНА ДО ГЕНИЯ?

«От графомана до гения – расстояние меньше мгновения». Это строчка моего земляка – поэта Александра Ибрагимова еще пригодится. До сегодняшнего дня мои заметки о стихотворцах носили либо положительный характер, либо отрицательный. Но ведь талант, так же как и жизнь человека, далеко не всегда можно отобразить одной краской, даже из всего спектра. Речь пойдет о стихах кемеровчанина Андрея Логутенко. Он не столь уж давний выпускник детдома г. Юрги. Того самого, с питомцами которого я был дружен где-то в 1995–2005 годах. И более всего с участниками известной на всю Россию литстудии этого приюта под названием «Свеча», где наставником была Тамара Рубцова, даровитая поэтесса, мой добрый друг, светлая ей память. К слову, несколько ее воспитанников стали членами СП России. Правда, Андрей в те годы был слишком мал или юн, и мы не были знакомы. А познакомились лет десять тому, на вечере памяти Рубцовой. Иногда перезванивались. Он не без законной гордости рассказывал о своих победах в конкурсах юных стихотворцев.

Вскоре у него вышла первая книжка. Естественно, сначала преобладали стихи, навеянные детским домом. Тамара открыто называла его самым талантливым среди ее студийцев. Похвал Андрей получил в избытке и от наших маститых. Боюсь, все это сыграло ему не лучшую службу. Может статься, уверовал, что он «самый-самый», как львенок из мультика. Не заставил долго ждать второй сборник. Кое-что он начал присылать для оценки мне. Когда-то я тиснул в «Огнях Кузбасса» эссежку, где признался, что зрю за собою недостаток – в чужих твореньях находить «паленку». Речь о стихах, конечно. И я не был слишком расположен к воспитаннику детдома как к творцу. Если что-то из писаний юного друга казалось мне детским лепетом – так и называл. Если многозначительным, но по сути беспомощным набором слов – другого определения не подбирал. А иногда и вовсе мог беспощадно уронить: «Этот стих вообще выброси!» Как он терпел, не знаю. И вот сейчас, в 28 лет, он сподобился на третью книжку, попросив меня стать ее редактором. Подумалось, что это хороший знак. Ибо нынче ведь любой автор может безнаказанно издать свою книгу под редакцией себя любимого... И вот рукопись передо мной. Не помню, кому принадлежит такое определение составляющих творчества поэта, оно мне нравится: 10 % – талант, 20 % – мастерство, 70 % – труд. Не первый раз применяю эту градацию, но ведь она верна! Так вот. Сдается мне, означенную толику таланта моему подопечному Бог выделил. Мастерство? Ох, навыки, выучку еще приобретать и приобретать. Боюсь, и с третьей составляющей пока у него не блеск. Ощущение, что мой молодой друг придерживается принципа: то, что выпало из груди, не правлю. Увы, распространенное заблуждение многих не вовсе бесталантных авторов. И еще. Я очень сочувствую столь трудной судьбе Андрея. Она и теперь

нелегка. Отслужил армию, окончил педколледж, а работает на стройке: надо семью кормить. Но, пожалуй, наступило время отойти от тем детского дома. Ведь он уже не мальчик, а муж во всех смыслах, отец семейства. Поэтому советовал ему уже не включать такие стихи в третью книгу. Но понимаю, они ему дороги, и он не обязан меня слушаться. Споров было немало. Порой он держался за неудачные или банальные строчки, чем-то ценные для него (остатки детских болезней), отказывался переделывать «версификации» – то, что было лишено как смысловой составляющей, так и метафоричности. А ведь как раз метафоры, образы рождаются не только из озарений, но порой не слабее – и из мастерства, из поиска. Особенно меня не устраивало не раз сквозившее в его строчках недоверие к читателю, если не его уничижение, этакий налет поэтического снобизма, что предложил ему выжигать каленым железом. Ну, например, вот в таком виде он намеревался зачитать в книжку следующее восьмистишие:

Куда лечу?! Не знаю, может, к звездам...
А вы поймете вряд ли. Я устал.
На высоте до крика тесен воздух,
Так угнетает эта высота.

Мечтал летать – и что же? Мы не птицы.
Мы боги, сколько сердце ни волнуй.
Вон та гора, как ветхая страница,
Подарит мне горячий поцелуй...

Откуда у хлопца «гишпанская» спесь? Уж не от упомянутых ли выше дифирамбов, которыми ласково трепавшие его вихры поэты, возможно, хотели компенсировать отроку горечь жизненных передряг? Если бы только это. Все восемь строк –

«жопа новый год», как называл претенциозную бессмыслицу наш знаменитый язвостов, журналист и поэт Илья Ляхов. «На высоте до крика тесен воздух...» Физику еще никто не отменял: тесен на высоте воздух быть не может, редок – другое дело. А дальше только что названная ж. н. г. в чистом виде, снабженная рифмой. Надеюсь, теперь убедил его, что, прежде чем показывать свои стихи добрым людям, надо отдавать их на суд очень даже злым, вроде его престарелого друга... Что ж, пора процитировать вещи, за какие никак не может быть стыдно. Они есть. Вот несколько фрагментов.

...Когда капель сопрано звонким
Меня разбудит ото сна,
Я напишу сосулькой ломкой:
«УРА! НАХЛЫНУЛА ВЕСНА!»
Когда придет ржаное лето,
В природу кинусь с головой,
В траву пацанчиком раздетым
Нырну, веселый, озорной.

...И снова между нами пустота.
Она похожа на несчастный случай,
В котором погибает красота,
И я шепчу: уйди, меня не мучай.
И хочется заплакать от тоски,
Разбиться на осколки от мучений.
Тупая боль сдавила мне виски...
И умер я на несколько мгновений.

...Глаза полуспящие в ночь разинул,
Смотрю восторженно и с опаской.

Сегодня я многое взял и оттринул,
Сегодня снимаю-сдираю маску.
Я кукла?! Нет, я человек, позвольте –
Я не существо, я живой и вечный.
Вы мне наиграйте на домисольте
Мелодию жизни моей беспечной.

Вот такие качели пока у парня. От графомана до... пока не скажу до кого. Этого никто не знает. Но очевидно: диапазон Андрея растет, и он – вместе с диапазоном.

Порадовал стих «Памяти Георгия Иванова»:

А как Вам в Париже – легко жилось?
Знаю точно – нет... И Россия раной
На душе. Застыла-скопилась злость,
и вся жизнь как поезда, но без стоп-крана...
Пронеслась. Конечная – пустота.
А вернуться можно, хотя бы строчкой.
Только ведь Россия уже не та,
Да и мир не тот. И с небес Вы точно
Видите это. Только все равно...
Было там, вдали,
Нелегко подняться
Вспышкой над уродливостью земли.
И не будете Вы по ней скитальцем...

Самодостаточен он и в свободных стихах:

Проснешься, а лето прошло.
Дождь, проводивший его, вернулся,
Чтобы встретить осень...
И вроде ничего не изменилось.

Все такая же улица с гавкающими дворами.
Все тот же барак, приютивший на стене
Ангела и черта...
Все те же пьяные люди во дворе.
Осень.
Ты знаешь о ней лишь по дате.
А какая она, лишь помнишь
И не знаешь, что будет завтра...

Автору недостает пока и улыбки над собой, что делает поэта ближе к читателю. Но это приходит с годами, а к кому-то... вообще не приходит – то ли от состояния душевного здоровья, то ли от избытка самоуважения. Ходасевич так прямо определял это как некоторую ущербность таланта. Но, так или иначе, теперь уже я должен сказать: кузбассовец Логутенко – без всяких скидок! – несомненно, талантливый стихотворец и вполне адекватно воспринимающий критику автор. А это значит, что почивание на юношеских лаврах закончилось и есть надежда на новые успехи. Свежего ветра в твой парус, Андрей!

«НАД ВЫМЫСЛОМ СЛЕЗАМИ ОБОЛЮСЬ...»

Я же себе тоже друг. Поэтому закончить раздел о друзьях-поэтах решил парой эпизодов из своей копилки создания некоторых стихов. Как сказал бы один известный литературный персонаж, делаю это не ради корысти своей, а токмо волею пославшей мя правды-матки. Возможно, кто-то из поэтов пожурит меня: ну зачем такая обнаженка? Но давно и не мной замечено, что в сюжетном стихе правда может смотреться как вымысел, и наоборот. У меня мало сюжетных стихов, тем более где очевидно, что автор – лирический герой. Этих вообще

раз-два и обчелся. Вот и решил поделиться занятными, как мне кажется, эпизодами. Такие предыстории случаются именно с сюжетными стихами. Потому что все другие непонятно откуда сваливаются и никогда не знаешь, куда строки тебя заведут... Не боязно ли открывать завесу? Ничуть. К тому же, «из какого сора растут стихи», тоже не мной открыто. А потом, я уже в таком возрасте и статус-кве органона, что уже ничего не страшно... Первая вещь, написанная в 1983 г., была сразу принята и поэтами и читателями. Позже ее хвалил Игорь Ляпин, глава СПР, когда меня туда принимали. Знакома она и моему читателю. Напомню первые две строфы.

Музыкальная память

Багрово-черный март, пятьдесят третий...
На общей кухне – чуть не весь народ.
Тарелка на стене то плачи-речи,
То музыку печальную дает.

Мне – первоклашке – бес, видать, подмог
Найти словечко. Звонко и невинно
Я, показав на радио, изрек:
«Да выключите эту говорильню!»

За все время только раз один слушатель сказал: трогает, но как-то с трудом верится, что семилетний пацанчик мог брякнуть такое, да еще в самый «подходящий момент». Но вот парадокс, как раз этот мой кошунственный выпад – единственная правда в стихе. Все остальное – вымысел, над коим сам же слезами и облился. Дело в том, что на самом деле я у кого-то собезьянничал эту небезопасную в те времена фразу, разуме-

ется, произнесенную по другому поводу. Почему она пришла в мою несмышленную головенку именно в тот скорбный день, тайна сия велика есть. Но, к счастью, уронил я ее за закрытой дверью, наедине с отцом и братом. Получил от родителя поджопник и краткое наставление – не говорить так больше никогда... Спустя тридцать лет сохранил весьма смутное воспоминание о том дне и своей глупости. И, конечно, не мог помнить, что за музыку Москва ставила на радио в день проводов вождя. Случайно услышал об этом от одного старичка интеллигента. Усомнился. Это произведение Чайковского мне казалось вполне жизнерадостным. Проиграл пластинку. И вздрогнул: первая пятиминутная часть действительно звучит как реквием. Сразу пришло название стиха. Ну, а дальше уже нетрудно было живо представить, как все произошло бы, случись тот мой возглас при стечении народа. А ведь за бедовым пацаненком не заржавело бы бахнуть эти три словца мимоходом во всеуслышание! Отца, прошедшего войну, мог бы отправить знамо куда. Но вышло, бес попутал, а Бог выручил. Вот такая быть-небыль...

О втором стихе. Здесь и правда и фантазия куда более лирические. Чтобы слишком не растекаться чувством по прошлому, ограничусь одной строфой из «Чудака».

Я пианино в долг купил когда-то,
не зная нот. И Бог лишь ведал, как
через неделю «Лунную сонату»
сыграл тебе. А ты в ответ: «Чудак...»

Да, в долг, а точнее в кредит, я и впрямь взял пианино в 29 лет. Научиться играть? Ну, не совсем так. Это о том, как покорял будущую жену-музыкантшу... Так что же, следующие три строчки – бред, вымысел? И да и нет. Ну, во-первых, если

кто не в курсе, первая часть сонаты небольшая и технически несложная. Там только три-четыре аккорда для обеих рук, на кои вполне хватает по два-три пальца. Несложная для пианиста, конечно. А для ни разу не грамотного? Голь на выдумки хитра. Знакомый парень, не чуждый нотам, с которым я поделился идеей сыграть тупо «на ощупь», помог: вытащил из какого-то старого самоучителя «для чайников» картонный трафарет с клавиатурой, на котором отметил для меня, какие клавиши надо нажимать для нужного звукоизвлечения. Картонку вместо нот водрузил на пюпитр. Вот и весь фокус. Недели мне вполне хватило, чтобы научиться воспроизводить наизусть первую часть сонаты. Ну, может, не совсем как Рихтер, но так же вдохновенно... Я еще некоторое время дурил приятелей сей мистификацией. Если обращали внимание на фоно и спрашивали, жена играет или я, я садился за клавиши и... А играть всерьез так и не научился: мотивации уже не было. Зато без этого опыта впоследствии не написались бы строки, обращенные к жене: «Как взлетали бемоли с диезами за перстами твоими нежными!...» Вот в основном и все, что случилось за кулисами сих давних опусов. Так что, как говаривал незабвенный Федор Иваныч: «Не верьте, граждане, поэтам: соврут – недорого возьмут». Не так у него? Ну, понятно: у него дипломатичнее, но он именно это имел в виду... Может, и еще что-то подобное вспомню. После чаю заходите, сто историй расскажу.

О КВАЗИ- И ЗЕРО-ПОЭЗИИ

БЛЕСК И НИЩЕТА... БУРАЕСКА

С удовольствием пишу и публикую свои эссешки о современниках-поэтах милостью Божьей. Но нет-нет да сталкиваюсь и что-то приходится писать о зеро-поэзии и квазипоэзии, если читатель не против предложенных терминов. Думаю, понятно, что вкладываю в эти определения, а о деталях ниже. Лет десять назад, когда собирал материал для эссе на тему «Как нельзя писать» (потом пришло совсем другое название), одна моя корреспондентка прислала стих, состоящий из таких вот перлов. Даю его только для того, чтобы читатель начал с улыбки.

Доброго утра! Светлого дня!
Пусть нас разбудит птиц щебетня!
Пусть будет вкусным завтрак и чай,
А на душе вечно юность и май!

Напоминает чем-то вирши Кисы Воробьянинова, ко-ими он охмурил Лизоньку в ресторане. И соперничает лишь с бессмертным «служил Гаврила почтальоном» Ляпис-Трубецко-го из тех же «Двенадцати стульев»... Автор просил оценить свои строки, я поблагодарил за послание и уклонился от отзыва, хотя потом использовал анонимно в эссе. Это, как уже ясно, и было как раз типичное зеро, ноль поэзии. Ну невдомек было пишущей даме, почему «так нельзя писать». Вернее, можно так поприветствовать близких, им приятно, но выставлять?.. А наставлять женщину в забальзаковском возрасте, почему так нельзя – бессмысленно, да и слишком обидно для нее. Упомянутое эссе получилось довольно объемным. И чувствую, дополнять его можно бесконечно! Сегодня использую только отдельные послышки из него... Та и вправду очень при-

ятная дама и ее стишки-здравицы – история уже давно минувших дней. Зеро есть зеро, ноль есть ноль. Распространяться и приводить другие подобные примеры нет нужды. А вот с «квази», т. е. внешне «как бы поэзией», со всеми ее атрибутами, о которой пойдет речь дальше, куда сложнее. На истину в последней инстанции здесь и не претендую. И не удивлюсь, если кто-то не согласится с моим восприятием следующего автора.

Итак, о стихах дамы, приятной во всех отношениях, из настоящего времени, бывшей моей френдессы. Почему бывшей, тоже придется с неизбывной скорбью поведать.

Пару лет назад меня нашла и предложила дружбу одна поэтесса, русскоязычная, но проживающая за кордоном. Она написала на странице, что и поэтесса, и певица, и композитор, и кандидат каких-то наук. Короче, мегаталант. У меня нет ни малейшей предвзятости к «свалившим». Среди них есть друзья-поэты как раз из прекрасной половины, о которых писал. И они мне на шею не бросались. Но тут получилось именно так. Куча комплиментов моему творчеству. А затем предложила оценить свои стихи. Что я мог сказать? Отозвался сдержанно. Это, конечно, абсолютно несопоставимый уровень с вышеприведенным. Сравнить и не намерен. Человек умеет работать над строчками и приводит их во вполне съедобный квазипоэтический вид, легко въезжая с ними в расплывшиеся творческие союзы, в т. ч. и международные. Сейчас это не проблема: представьте что-то из своих опусов, не вовсе безграмотное, никто придраться не будет, назовите это стихами или рассказами, заплатите, главное, солидные взносы – и вы полноправный член какого-то Международного, а то и Межпланетного союза писателей. Вернусь к моей френдессе. Так почему же все-таки «квази»? Да потому что, на мой взгляд, это была «как бы поэзия»: от стихов сладко веяло ароматами

парфюмерии сочинительниц Серебряного века. Не то чтобы они были явно вторичны, нет, но слишком описательны. То есть все время «о чем-то», без собственного «чего-то», самобытного «что». По сути, сейчас так тоже «нельзя писать». Вернее, можно, но... вы понимаете. И еще что бросалось в глаза. Она все время вставляла какие-то названия, исторические параллели, словечки, которые порой не по зубам даже начитанному: надо лезть в словари. Ну как же, мол, знайте, как я умна и эрудированна и что пишу «не для средних умов», как шутили в моей юности. Вот стихо о Париже, несколько строф из него:

Дыханье прошлого костра –
Как та «Батавия»...
Кружилось «завтра», а «вчера» –
Мерцало, таяло...

Вы чего-нибудь поняли? Я тоже... А у слова «Батавия» несколько значений. Тут и википедия, боюсь, не поможет разгадать, зачем здесь это звучное словечко. Авторская тайна велика есть. Так же как и в загадочном костре и в «завтра» и «вчера», что мерцали-таяли. Костер – это не о Нотр-Даме, случайно? Читатель обязан додумать сам. Нет, нормальный ход... Но дама ведь публикует свои творения, чтобы их читали и хвалили. Идем дальше.

И стрелок двух – двойная тень –
Застывшей фрескою
Монмартрской церкви.
Длится день,
И дольше века длится день
За занавескою...

Тут вроде бы понятнее. Но начну с пустячка. Из Монмартра сделано неудобоваримое прилагательное: пять согласных букв кряду. Перебор, однако. Может, случайно не углядела. Не беда, легко поправимо. А вот это открытие удручает: «И дольше века длится день». Тут и Пастернак, и название очень известного романа Чингиза Айтматова. Возможно, при всей своей эрудиции поэтесса его не читала (давно не на слуху) и даже названия не слышала. Но, так или иначе, надо ли эксплуатировать классиков, без крайней нужды вставляя в стих их цитаты? А если это не цитата (у нее ведь не закавычено), а откровение авторницы, тогда у меня нет слов...

Еще одна строфа:

Бурлеск-Париж! Не устает –
Что ж делать женщине? –
Душа мечтать... Мы все ее,
Мы все избранники ее,
Земли обещанной.

Поэтесса, вероятно, полагает, что продвинутый читатель фб (а других не держим-с, здесь вам не «одноклассники» какие-то) проглотит это сочетание, не жуя. Но меня, темно-го, хоть я два раза был в Париже и даже в «Мулен Руж», она таки заставляет все время лезть в википедию и словари. Я слышал, конечно, что бурлеск – это вид комической поэзии. Тут явно не о том. А что еще это означает, представлял смутно: то ли особый танец, то ли просто водевиль. Теперь же, благодаря посылам поэтессы за информацией, у меня «ужасно повысилось знанье», точно как в песне незабвенного В. Высоцкого, после того как он «тау-китянку схватил за грудки». Вот только весьма малая часть, пара рыбок от моего улова в Сети касательно бурлеска-танца и не только. Спешу поде-

литься: «Как утверждает руководитель парижского Бурлеск-клуба Валентина дель Перлз, ей удалось наконец организо-вать реальный бордель в театре под названием "Новая Сена", где не только мастерски танцуют стриптиз, но умеют вызвать глубокое эстетическое переживание...» И еще: «...танец, где вы, возможно, снимете верх и будете танцевать остальное в белье или шуршащей маленькой юбке и комбинации. Ваш вы-бор – насколько далеко зайти!» Насколько далеко хочет зай-ти в стихе мой персонаж, я так и не уловил. Вообще, в Париже много чего достойно описания поэтессы. Зато я ликбез среди себя провел...«Квазисиреневый туман» сквозит и в других строчках этой строфы. «Что делать женщине, как не мечтать о бурлеске?» Ну, не знаю, можно еще работать, служить где-то А почему «мы все избранники»? Я вот не ощущаю себя избранником Земли обещанной. Низко летаю, наверное, вы-мирающий птеродактиль... И что же это такое? Показал зна-комому поэту – тот пожал плечами. Вот, блин, читатели по-пались поэтессе: тупой, еще тупее... Ну, еще один фрагментик из другого стихо о Париже:

У меня температура:
Нужен мне Париж как воздух...

А что, зачин мне нравится. Развить бы эти первые две строчки в том же духе... Как с улыбкой говаривал когда-то на-чальник СУ мне, молодому новоиспеченному главному инже-неру: «Будь попроще, и люди к тебе потянутся». Так нет же, дальше у нее опять «знай наших»!

...Где собрат-Бонавентура
Сочиняет ночью звезды...

Зато какая сочная рифма! Читатель, марш в вики! Не стану больше цитировать, достаточно. Вот такие бывают мастеровито сработанные муляжи стихов, как мне мнится. Естественно, в подобных писаниях имен никогда не положу и... прошу не узнавать мою героиню, если кто случайно узнал. Это только типаж и образец квазипоэзии в моем понимании. А она, судя по хватке, персона зубастая. Как яростно-назидательно отбивалась от некоторых комментариев непанегирического свойства!

Вот один из ее ответов оппоненту:

«В том-то и дело, уважаемая, что “большинство”, и Вы в том числе, воспринимает образ совершенно иначе, нежели поэты. Поучать меня не надо, в данном случае – а именно в стихотворении – актуализировано именно изначальное толкование французского эквивалента (см. выше): порядок, предельное расположение. Dixi».

Так вот. Простенько и со вкусом. «Мы – поэты», не то что вы, жалкие любители... Честно скажу, знал, но, к стыду своему, подзабыл, что такое dixi. Справился снова. Это значит «я сказал(а)». Иными словами, дискуссия окончена...

Не так давно пришли от поэтессы новые опусы. Похвалил за пару метафор, но упомянутые духи по-прежнему не радовали мое обоняние. А тут как раз она прочитала несколько моих свежих эссешек о поэтах. Ее они очень впечатлили. Опять получил ба-альшой респект. И вдруг моя френдесса спрашивает: «А не слабо так обо мне написать?» Пряма сама непосредственность, святая наивность. Сказал ей примерно так: «Не слабо. Только по заказам ничего и никогда не пишу в фб. А за его пределами дорого беру – за корпоративные гимны или приватно заказанные песни (тоже случаются)». Никакого ответа. Ни сразу, ни через неделю. А тут пришло уведомление: она опубликовала новый стих. По-

ставил лайк вежливости, но посоветовал заменить одно слово. На другой день заглянул: по-прежнему пара вчерашних респектов, видимо, от друзей-мужчин, а мой коммент исчез. Пишу ей: «Оттого, что комменты удаляются, стихи лучше не становятся...» Дальше точно в «Пиковой даме», где молодая графиня вспыхнула, как трут от огня, получив недвусмысленное предложение: «Ничего я не видела и не убирала, у вас плохо с головой!» Я: «Но мальчик-то был, а теперь его выплеснули». Она: «Прошу больше меня не беспокоить!» И тут же... круги разошлись над моей головой: удалила из друзей. Может, и правда не она стерла тот коммент? Глюки фб? Но хороший был повод, не правда ли, чтобы порвать с не оправдавшим ее надежды? Что он Гекубе теперь? Ну да ладно. Была без радости любовь... А я должен быть благодарен ей за то, что помогла обогатить вышеозначенное мое эссе этой небезынттересной главой.

Въедливый читатель может спросить: «А как ты написал бы о творениях сей поэтессы по заказу, где-нибудь в ином журнале? В других тонах?» Ох, не знаю, не знаю. Пока, кроме песен, по заказам ничего не писал. Может, и сподобился бы: человек небогатый... Когда-то у В. Даля нашел потрясающую поговорку: «Без стыда рожи не износишь». Все-таки краше и вернее простого нашего народа ни один поэт не скажет!

Думаю, уместно закончить гениальным заветом, какой оставил всем пишущим не кто-нибудь, а советский русский поэт Александр Твардовский:

А только б некий луч словесный
узреть, незримый никому,
извлечь его из тьмы безвестной
и удивиться самому.

И вздрогнуть, веря и не веря
внезапной радости своей,
боясь находки, как потери,
что с каждым разом все больней.

Вот так. А без этого... вы понимаете.

«И В КЛЕТКЕ СДОХЛА КАНАРЕЙКА!»

Раз уж читатели мне дали прозвище санитаря поэтического леса в фб и его подразделениях, надо поддерживать сей статус. Хотя с несравненно большим удовольствием пишу о поэтах, одаренных милостью Божьей. Но на самом деле я немножко озверел, примерив шкуру этого санитаря еще десять лет тому, когда тиснул в краевом журнале эссешку страниц на пятнадцать «Доя насущное из мглы», где речь о том, «как нельзя писать стихи». Подытожил там свой очный и заочный опыт общения с молодыми и не очень молодыми начинающими и самоуверенными продолжающими. Не думаю, что был в сем первопроходцем. А «как надо», ведал только Маяковский (есть у него такая статья) и знает Господь, который может наставить индивида, а может и отказать. Но полезно вспомнить: В. В. утверждал, что 90 % стихов, попадающих в печать, – бездарнейший вздор. Боюсь, он был слишком великодушен к пишущим, определяя сей процент. Хотя когда-то, чтобы попасть в печать, все-таки надо было иметь лица необщее выражение. Сейчас в соцсетях, на различных сайтах, в электронных журналах и СМИ, по разным оценкам, выставляют свои произведения до миллиона человек. И что – 100 тыс. из них пишут стихи? Да я вас умоляю, как говорят в Одессе. Из последнего числа надо убирать еще как минимум 90 %. Простите за мате-

матику, но не я счел должным ее применить в этом вопросе. Нет, более чем вероятно, что в России живет 10 тыс. талантливых и небесталанных стихотворцев, и даже гораздо больше. Но, думается, значительная часть из них либо слишком скромна, не показывая дальше семьи свое творчество, либо по тем или иным причинам просто не засвечена в Паутине. Как, например, кузбасский гений Виталий Креков, недавно ушедший, о ком я рассказал в одной из публикаций. А вот из тех, кто выставляется, кто, как говорил Евтушенко, «пусть корявым, но искренним слогом» стремится выразить себя... Впрочем, почему же корявым? Нет, большинство версификаторов могут теперь достаточно гладким ямбом и хореем выражаться. Но от этого их компиляции стихами не становятся. За эти годы немало материала накопилось, чтобы дополнить упомянутое эссе красочными фрагментами. Вообще, надо заметить, неоценимый вклад почти век назад внесли в это «как нельзя» Ильф и Петров в своей диалогии, хотя казалось, просто юморили. Там и Ляпис-Трубецкой со своими балладами о Гавриле, который то почтальоном служил, то страдал от гангрены, то бил врагов – в зависимости от направления журнала, куда Ляпис приносил свою нетленку, там и вирши Кисы Воробьянинова («Это май-баловник, это май-чародей веет свежим своим опахалом»), коими он пытался очаровывать женщин, там и пятистопный ямб Васисуалия Лоханкина («Волчица ты, тебя я презираю, к Птибурдукову ты уходишь от меня»). И, конечно, «Я помню чудное мгновенье», что сочинил О. Бендер бессонной ночью для девушки Зоси, вдруг получивший «удар от классика», вспомнив утром, что это написал до него Пушкин... Очень подозреваю, что герои сей диалогии, которая была в старших классах моей настольной книгой, помогли мне потом, поздновато дебютировавшему, быстро преодолеть неизбежные для стартующего (в каком бы возрасте ни начинал

писать) «детские болезни» в стихах, от коих кое-кто не излечивается и в зрелые годы... Как недавно уже писал и приводил примеры, современные Гаврилы обоих полов, только куда более искушенные и эрудированные, порой правят бал на вышперечисленных площадях интернета.

Сегодня моя героиня – поэтесса, назовем ее NN, которая публикуется в весьма серьезных литературных группах фб. Привожу ее стихо «Осеннее панно» полностью – три строфы, в какие автор для экономии места соединила шесть, что похвально. Первая строфа:

Меня уносит в дали кристальный петрикор,
Плыву, как на рояле, не гаснет и задор!
Дышу дождем, как розами. Сижу на берегу.
А воздух пахнет грозами, его я берегу!

«Петрикор – запах после дождя, слово образовано от греческого petra ("камень") + ichor ("сукровица", жидкость, которая течет в жилах богов греческой мифологии) для обозначения аромата, остающегося в воздухе после того, как пройдет дождь».

Все это автор и поясняет под своим стихом.

Ну, во-первых, поясняющие сноски под стихом – это чаще всего очень и очень плохо. Разве что одно слово пояснить одним другим. Потому что стихи пишутся не для преподнесения ликбеза читателю. А тут надо же было выудить греческое словечко, для перевода и пояснения которого непосвященным авторнице потребовался целый абзац! Ну что ж, будем считать, что по-греческому у нее было пять и темного читателя художбно просветила. Теперь попробуем перевести с высокого поэтического языка авторницы на более доступный общечеловеческий. Ее лирическую героиню уносит в дальние дали

означенный аромат (трудно представить как, но допустим). Странно, что при этом вместе с петрикором она не вкушает амброзию (пищу греческих богов – в сноску). Потом она плывет на явившемся из кустов рояле, а почему-то не играет на нем, скажем, 2-ю венгерскую рапсодию Листа (в сноске тоже можно было сие пояснить), и задор (а этот откуда взялся?) у нее не гаснет. А затем петрикор вдруг она заменяет на запах роз. Естественно, на нем летать и плыть уже нельзя, и героиня пересаживается на берег и бережет воздух после дождя. Для чего или от кого и как она бережет сей целительный озон, абсолютно непонятно, но, наверное, узнаем во второй строфе.

Как сочен воздух осени! Как рядится сентябрь!
Как манит ломтик просины! А клен уже озяб!
Вдали курлычет птицами небесное руно,
Вяжу я вечер спицами, осеннее панно.

Нет, ничего не узнали. Такое ощущение, что это уже совсем другое стихо. С петрикора и явно весеннего настроения авторица внезапно переключается на воздух осени, на сентябрь. Ну так зря, что ли, название стиха? Тут кстати и метафоры из секунд-хенда: озябший клен, небесное руно, вяжу осеннее панно. Курлычет птицами? Весьма сомнительный оборот. Но не будем слишком придирчивы: до смысла дотянемся... Третья и последняя строфа:

Мозаика из листьев слагается по стежкам,
Панно мое пятнисто, как зарослей одежда.
Пою я блюз осенний, качаясь на ветру,
Танцуют рядом тени, дувая мишуру!

Чувствуется, бедняжка просто мучается, не зная, чем закончить свою компиляцию, – выжимает из себя мозаику из листьев, то же панно. Но тут ее осеняет – я ведь вся такая внезапная, вся такая загадочная! – запекает осенний блюз. Да еще привлекает станцевать под этот блюз чьи-то тени, которые, видимо, призваны сдуть всю мишуру ее стиха. Но тщетно: тени ничего сдуть не могут! Зевать хочется. Уж можно было придумать на финал что-нибудь поударней. Ну, поскольку все равно героиня качается на ветру, то хотя бы так:

Танцую блюз осенний, нагая, при луне,
Танцуют рядом тени, вновь петрикорно мне!

Не настаиваю, конечно. Боюсь, никакой редактор не поможет. Прекрасная Дама Поэзия здесь бездыханна.

Второе стихо. Заголовок: «**Никогда ни о чем не жалейте...**» Эпиграф:

*«Никогда ни о чем не жалейте вдогонку,
если то, что случилось, нельзя изменить».*

А. Дементьев

Судя по эпиграфу и названию, у поэтессы тоже будет что-то в том же духе. Но кто знает, может, нам что-то новое открывает?

Никогда ни о чем не жалейте, не надо!
Ваша жалость о прошлом – капкан для души.
Хоть для слабых помин как для сердца улада,
Только свежие астры в руках хороши!
Если вы совершили ошибок немало,
То ошибки исправить не удастся совсем!

Как огромно количество в жизни обмана!
Как ничтожно в пути у нас карт или схем!
Ни о чем не жалеете, ваша жалость опасна!
Горечь ваших обид разъедает все дни!
Только в жизни любовь неизменна, прекрасна!
Так давайте любовью оживим горя пни!

Что тут скажешь... Затертые, не раз использованные метафоры: «капкан для души», «улада сердца». А при чем тут свежие астры, кто бы знал? Более чем сомнительные, если не смешные, открытия: «огромно количество в жизни обмана» (кстати, интересно, в каких единицах измеряет авторица обман?), «любовь неизменна, прекрасна». Вообще, почти каждая строчка – изобретение велосипедов. Ничтожна по сути вся строка «как ничтожно в пути у нас карт или схем». Что к чему? Как гласит украинская поговорка, иллюстрирующая нагромождение бессмыслиц, «в огороде бузина, а в Киеве дядька». А слова «количество», «схема» вообще противопоставлены любому стиху, кроме пародийного. Так же как, например, «тема», «проблема». Почему, в двух словах не объяснить. Поэт должен чувствовать нутром такие несъедобные в стихе слова и отметить их. А уж заключительная строчка стиха «так давайте любовью оживим горя пни» – это какой-то запредельный по своей беспомощности спотыкач и парад абсурда в сочетании слов. Попробуйте представить осуществление этого пожелания авторницы – ужас! Мне так слышится почему-то: любовью распни! Больше ничего. Вообще, к чему это стихо? Наверное, из лучших побуждений замышлялось, что-то поэтесса сказать нам хотела. Но такими негодными средствами, таким умопомрачительным лепетом разве можно что-то донести? Не сомневаюсь, незабвенный Сергей Лександрыч об этих квазистихах, попади они к нему, выразился

бы однозначно: «...я их вслух вчера прочел – и в клетке сдохла канарейка!»

Все на сегодня. Уверяю, мой выбор как санитаря леса этой поэтессы случаен. Как и в предыдущем подобном обзоре, у меня нет никакого намерения потрепать чье-то имя. Речь лишь о разочаровывающем читателя уровне многих стихов в литгруппах фб и других сетей.

СТРАДАЛ РОК-ИДОЛОМ ГАВРИЛА

Вестимо: как надо писать стихи, может наставить человека только Бог и, боюсь, научить этому нельзя. А вот как нельзя писать или, если хотите, как надо писать, чтобы читателя стошнило, – таких пособий тиснуто уже немало. Впрочем, достаточной прививкой от вируса версификации для душевно здорового человека, способного улыбнуться, давно стали некоторые места из бессмертных «Двенадцати стульев». Особенно та глава, где «страдал Гаврила от гангрены, Гаврила от гангрены слег». Но уж диплом Литинститута, сдается мне, должен быть страховым полисом от подобных перлов. Как бы не так! Один мой френд, теперь уже бывший, который пишет о себе, что учился в означенном заведении, поставил пост. Он сетовал, что ему уже под шестьдесят, а единственную книгу издал за свой счет четверть века назад. Пишет, что устал ходить по издательствам, но мечтает, чтобы нашелся некто, который бы его «оценил до смерти и любовно издал». Честно говоря, такие откровения умудренного жизнью автора вызывают улыбку, но особенно это: «Имел должность в столице – так все норовили меня опубликовать, а когда остался при голом таланте без синекуры, никому я стал не нужен!» Я все же решил подбодрить френда: мол, не оставляйте стараний, маэ-

стро. Но потом зашел на его страницу и меня сразу же ужаснул его стих о Цое. Даю аж три строфы из пяти.

Уж двадцать лет, как умер Виктор Цой,
попав под Ригой в автокатастрофу, –
прославленный рок-идол и герой:
ему я посвящаю эти строфы...

Покинув кочегарку навсегда,
он вышел к нам сложившимся поэтом,
которому не стоило труда
свободным быть, как песню спеть об этом.

Быть вечно популярным и крутым
он заслужил особенное право
уже и тем, что умер молодым
на пике жизни, творчества и славы.

Добавлю, что в середине стиха герой еще «бросал перчатку мальчикам-мажорам, швыряя в топку черный уголек», и «всем нам он задавал довольно неудобные вопросы». Дабы не задевать публично (и сейчас нет нужды фамилию теревить), написал автору в личку: «Простите, дружище, но назвать сие больше, чем зарифмованным газетным текстом, никак нельзя. Может статься, в этом и есть корень ваших проблем?» Ответ пришел молниеносный и агрессивный, «сам-дурака» опускаю: «Наш диалог становится невозможным». И тут же я был исключен из друзей. Понимаю, автору обидно. Но как иначе, если, по сути, это не что иное, как «Страдал рок-идолом Гаврила»? Мне скажут: ну и что? Строки такого же или близкого уровня демонстрируют 499 тысяч из полумиллиона стихослагателей, зарегистрированных на «Стихи.ру».

Все так. Но хочу и никак не могу представить выражение лиц мэтров Литинститута, внимающих подобным строфам, будь они хоть лично им посвящены.

ПИСЬМО ОДНОМУ СТИХОТВОРЦУ О ПОЛЕЗНОСТИ ЕГО ПУШКИНООБРАЗНЫХ СКАЗОК

Денис, на Ваш пост-призыв обсудить этот вопрос хотел ответить комментарием, но понял, что в него не вмещаюсь. И решил тоже ответить постом. Кстати, может быть, сослужу Вам добрую службу и привлеку к Вашей странице новых читателей. Буду не очень многословен. Вас справедливо обидело, что Ляля Черткова обратилась к Вам слишком по-менторски, да еще глаголами в повелительном наклонении. И пусть я Вам гожусь в деды, это тоже не дает мне права на подобный тон... К делу. Лет 45 тому, когда я показал свои первые строки одному маститому поэту, он сказал мне: «Молодой человек, Вам дано писать стихи, но этого слишком мало, чтобы стать поэтом!» Если чуть перефразировать эту посылку, то можно сказать: Денис, Вам дан изящный слог, но этого слишком мало, чтобы назвать поэзией то, что Вы пишете... Приличным слогом владеет еще множество авторов, которые сейчас бродят по русскоязычному интернету. Как вы верно в недавнем стихе заметили, народ наш всегда относился к умеющим ладно слагать если не с благоговением, то с почтением... Гейне когда-то уронил слова, убийственные для многих стихотворцев: «Человек, впервые сравнивший женщину с цветком, был гениальный поэт! Тот же, кто это повторил, полагая, что пишет стихи, – чурбан!» Понятно, что речь здесь не только о цветах нашей жизни. Если что, все претензии к Генриху Самсонычу. А

Ваши сказки и пушкинообразный их слог, Ваши «волшебные поэмы», как Вы их называете, они милые, их можно писать и печатать. А можно и не печатать, как заметил бы мой наставник. Но если этот процесс доставляет Вам удовольствие, а результат находит почитателей, то кто же будет против такого хобби? Успеха!

РУКОПИСЬ ДУШИ НЕ ПРАВИТСЯ?

Прислала запрос на дружбу молодая поэтесса приятной наружности. Отрекомендовалась членом Союза писателей одной нашей автономной республики, хоть и с единственной пока книжкой. Видать, очень талантлива. Автоматом принял. Она тут же пригласила в свою поэтическую группу, а там положено нажать на «нравится». Выполнил, поставил несколько лайков и на ее странице, которые всегда (ну, хотя бы один) делаю из уважения к новому другу, даже если не в восторге от его постов. И далеко не всегда достаиваюсь ответного визита вежливости, как и в этом случае. Боже упаси, это для меня вовсе не повод раздружиться. Но чем-то симптоматично для френда, не правда ли? Стихи учредителя группы... Добротная женская поэзия. Читать приятно. Вот только в первом же опусе резанула глаз припасенная на ударный финал квазиметафора: «арестанты любви». Редко в чем-то упрекну публично поэта и никогда – поэтессу. Раньше мог пошутить, но сейчас и этого не допускаю. Разве что в личке. И в этих заметках не имею и малой мыслишки задеть-зацепить кого-то. Поэтому не привожу никаких имен, никаких указаний на регион. Прочтет – ладно, но зазывать, на что есть функция в фб, не стану. Женщина есть женщина! Даже весьма недурно пишущая. Мой опыт показывает: она и один на один нередко расцени-

вает замечания как сомнения в совершенстве ее души. Наверное, это естественно. Исключение она вынуждена делать только для своего наставника в Литинституте, ежели в оном пребывала или пребывает. Но там он вроде доктора: может и прощупать пациентку, и пожуричь, и дать советы. Об этом я писал в своем эссе «Доя насущное из мглы», которое еще лет десять тому тиснул в наших «Огнях»... Иное дело, если женщина – поэтка, как Юнна Мориц, которой, обнаглевши в доску, я однажды кое-что выговорил в личке. Так она не только не послала меня, а терпеливо, даже нежно убедила, что ошибаюсь. В итоге у меня появились стихи, ей посвященные, ставил в фб... Так вот. Написал новой френдессе: мол, сто раз прошу прощения за это предложение, но ваших «арестантов» надо бы «расконвоировать». Не верите, так наберите в поисковике и сразу увидите, сколько уже этих бедолаг – «узников любви» томится в застенках стихов и попсовых песен...

Ответ был таков: «Да ладно! Сама мастер-классы по поэзии даю, так что рыбак рыбака... (обнадеживающее начало. – В. Л.) А еще, как говорит тот, кому посвящена данная книга, любая мысль имеет право на жизнь. По факту мы с этим человеком и правда были арестантами любви, поскольку я была замужем за очень злым человеком на тот момент. Это даже ничуть не эпитет, а чистая правда».

Ну, коль сама – мастер-классы... и сама «арестантка»... По Тютчеву: «спаси тогда нас, добрый гений, от малодушных укоризн... другие вызваны вперед», молодые. И это нормально. Не стал говорить, что чистая правда далеко не всегда трогает в стихе, чаще – «над вымыслом слезами обольюсь». На прощание выразил сожаление, что любезный с виду дедок-поэт предстал кем-то вроде «Демьяна Бедного, мужика вредного». И все же... неугомно рекомендовал ометафорить означенную строчку чем-то посвежей.

Ответ: «И не подумаю! Во-первых, это не просто книга, а подстрочник сердца, рукопись души. Мне вера моя родная говорит, что жить я должна умом своим...»

Замечательно, но вот беда: подстрочник сердца поэтессы в указанном месте дословно совпадает с набившими оскоми-ну, весьма банальными подстрочниками неких других сердец. Бывает, конечно. Но что любопытно: если совпадет со строкой Пушкина и иных великих, то печатать это, все понимают, моветон. И никому, кроме О. Бендера, не приходит в голову «Я помню чудное мгновенье» принять за рукопись своей души. Ну, а если у тебя совпадение с сотней Ивановых-Сидоровых, то это их проблемы?

Справедливости ради замечу: совсем не настаиваю на гендерной подоплеке этого малого казуса. Сегодня так вышло. Нечто подобное я слышал не раз и от стихотворцев-мужчин, не начинающих, небесталанных, гордо заявлявших: «То, что вышло из груди, не правлю!» Боюсь, сие убеждение – ба-а-альшее заблуждение! Это главное, о чем мне и хотелось сказать, а не о даме-поэтессе, приятной во всех отношениях.

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

«ОБНИМУ ТЕБЯ ИСЧО РАЗ...»

Нужно было просто внушить себе, что это всего лишь предновогодняя хандра. Уже знакомый страх разочарования в чуде, которое никогда не случается. Светка сидела дома над курсовым, но ее одолевали слезы...

Она выросла без отца. Жутко завидовала тем одноклассникам, которые на праздники или по воскресеньям куда-нибудь отпраплялись с папами или просто гуляли, пряча свои ладошки в отцовских дланях. Отец у нее, конечно, был, но непутевый, как объяснила мать. Потому-то она его и выгнала, запретив даже приближаться к дочери. Да, похоже, и тот не горел желанием ее видеть. Но Светка тайком, опасаясь, что ее услышит мать, разговаривала с его карточкой под одеялом. «Папочка! Милый! Любименький мой!» – целовала она фотку. Давно это было...

– Никаких почтовых ящиков, поняла? – отчеканила себе Светка, глядя в зеркало. – И никаких чудес. Его нет. Виктора просто нет. Ты придумала его, как продолжение сказки о Золушке. Только она была не о тебе написана.

Любимая ее сказка, что и говорить. Потому, наверное, и теперь, когда – в который раз! – показывали по их ящику американскую «Красотку», она не могла оторваться от экрана. Ну да, тоже про Золушку и Принца. А ведь люди верят или хотят верить в эту сладкую выдумку и нет-нет да слезьми умываются. Но чего тут удивляться? Кто-то же сказал: «Над вымыслом слезами обольюсь».

Ей захотелось завесить зеркало, обманывавшее чужим отражением. Разве это у нее такие глубокие глаза «по чашке», да еще с дымкой? Разве это ее губы – влажные, чуть припухлые, приоткрытые? Но Светке привычнее было считать себя серенькой мышкой, если не уродцем, потому что именно это

она слышала от матери: «Чё глазопыри-то выпучила? Чё губищи расщиперила?!» И это тоже походило на сказку, только другую – о Гадком утенке...

Светка присела перед Семкой. «Он меня любит! – От этой мысли почему-то захотелось плакать. – Я для того его родила, чтоб кто-то любил... И не подумала, каково будет ему. Разве ему хватит одной моей любви? А больше у меня ничего нет...»

В душе ее родительницы никогда не было тепла. А женщиной мать была видной, в компаниях – веселой и разговорчивой. Только уж случается: в гостях – Ананья, а дома – каналья.

Отчим в их доме появился весьма кстати. Не бог весть что за мужичончишка, но крепкий, жилистый, гвоздь мог забить, а главное, кой-какие деньги в дом приносил, хотя занимался непонятно чем. Однажды они оказались дома вдвоем, и Светка до сих пор не могла очистить память от омерзительных ощущений, его тяжести, измерявшейся не килограммами, а глубиной отвращения. И откуда-то взялись силы, каких в ней отродясь не бывало...

Свалившись на пол, отчим несколько минут глядел на нее пустыми, все еще страшными глазами, потирая укушенную шею, потом прохрипел:

– Только попробуй матери вякнуть!

Но и без его предупреждения это ей и в голову не пришло бы. Она наперед знала, что мать, кроме как «сучка не захочет, кобель не вскочит», другого не ответит.

«Ну почему, ну почему так? – все думала Светка. – Ну почему простой мужик-солдат мог сказать девке, лежа с ней под телегой: "Это ж только тогда сладко, когда девка сама обнимет"?» Этот эпизодик из засаленной книжки про Петра Первого почему-то запомнился ей куда больше всяких там битв и интриг. Да и то – почему. Эта девка-то оказалась потом в царицах... Опять про Золушку!

К черному слову «вдова» Светка так и не привыкла. Как до этого не успела понять, что такое жена. Сосед по подъезду взял ее измором: приходил каждый вечер, угощался чаем и сидел почти беззвучно. Непонятно, чем он приглянулся матери, но та начала теребить дочь, пугать ее будущим старой девы. Через несколько бесцветных месяцев этот муж замерз спяну в такой же канун Нового года...

Он появился в ее жизни, когда Светка уже и не мечтала, что в этой безысходности что-нибудь изменится. Случайно заглянул к ним на работу. Нужны были какие-то данные из архива. Светка едва не онемела. Она думала, такие мужчины бывают только в «Унесенных ветром», «Красотке» или наших «Семнадцати мгновениях». Высокий, мужественный, голубоглазый, с благородной проседью в черных, как воронье крыло, волосах, с лицом античного героя и победоносным именем – Виктор. И затрепетало в груди. Странно, что, глядя на него, ей еще как-то удалось собраться и записать ему номер телефона, с тем чтобы он позвонил: она все найдет.

На следующий день она все глядела на телефон, с ужасом думая о том, что Виктор, наверное, обошелся без той информации.

– Сто лет я ему нужна! – заглушала она всхлипывающее внутри отчаяние.

Он позвонил. Спросит, не спросит? Он спросил. У нее перехватило дыхание. Как она смотрит на то, чтобы завтра куда-нибудь сходить вдвоем?.. Интересно, он допускал мысль, что она может отказаться?

Дожить до завтра оказалось еще труднее, чем дожидаться звонка. У нее пылало лицо, когда она подходила к театру, где они договорились встретиться. От страха у нее вдруг ослабли ноги. Как к нему подойти? Такой красивый, интеллигентный. Она уже остановилась, готовая броситься бежать, но тут Вик-

тор наконец заметил ее и пошел навстречу. Три розы светились у него в руках.

– Это мне? – по-детски спросила Светка, и он почему-то обрадовался этому вопросу.

– Вам, ясноглазая пани. Кому ж еще?

Они попали на «Пигмалиона», да еще на столичных гастролеров! Самого Пигмалиона, или как там его, играл актер, чем-то похожий на ее спутника. Только все равно артисту этому до Виктора было как до Луны. Светка помнила, чем закончится действие: видела как-то в старом кино по телику. Но ее захватил спектакль, и она нечаянно ощутила себя на месте этой неотесанной дурнушки, на глазах превратившейся в леди. С ума сойти, сколько же на свете историй про Золушек!

...Три розы так и стояли в стеклянной вазочке. Давно высохшие, утратившие свежесть цвета, но не переставшие волновать. Светка душила это ненужное волнение как будто напрокат взятым цинизмом: «Да чё было-то? В театр сводил. Потом на квартиру. Банальная история. Мильон таких было. Вся разница, что не из ресторана».

Она даже не спросила, женат ли он. Хотела, но не спросила. Пусть будет как будет. Конечно же, Виктор не мог быть просто геологом. Он оказался художником. Светка улыбалась ему и замирала перед каждой его работой. Ну, само собой: он умеет все, он знает все, он читал все. То и дело она ловила его пристальный, чуть удивленный взгляд.

– Знаешь, тебя мог бы написать Рафаэль или Веласкес. Даже нет! Как же я сразу не догадался...

Твои глаза как два тумана,
Полуулыбка, полуплач,
Твои глаза как два дурмана,
Покрытых мглою неудач...

Слезы вдруг брызнули из глаз Светки, как бутафорные – у коверного клоуна в цирке, и она не могла их остановить.

– Ну чего ты, маленькая, перестань, – прижав к плечу, гладил он ее по волосам.

Наконец она улыбнулась сквозь не высохшую еще влагу:

– Это ты сочинил?!

– Почти. Это сотворили два большущих русских художника – живописец Рокотов и поэт Заболоцкий... и прикнувшийся к ним с двумя словечками я, – засмеялся Виктор.

Он тут же нашел в книге этот портрет и начал подробно – как будто сам жил в те времена – рассказывать об истории картины, про героиню которой он тоже знал все. Оказалось, что не было в ее жизни и намека на безнадегу, какую увидел в ее глазах поэт, а жила она богатенько во дворянстве в счастливом многодетном браке... А потом отыскал загадочный портрет какой-то дамы, запечатленной в ложе театра, и стал увлеченно объяснять, почему ему кажется, что под кистью знаменитого француза-импрессиониста эта женщина действительно несчастна со своим кавалером. Светка слушала как замороженная.

– Успокоилась? Ну и ладушки. А давай-ка теперь послушаем... Хотя это не твоего поколения музыка, – улыбнулся он, когда зазвучал романс.

– Разве это не на все времена? – распахнула она свои «чашки».

Виктор с удивлением посмотрел на нее:

– Тебе правда нравится?

– Мне все в тебе нравится.

Светка сама испугалась этих слов, но они уже полетели, влившись в наивный трогательный мотив старинной песенки и хриловато-обворожительное косноязычие певца:

Дай мне ручку, каждый пальчик я тебе перецелую!
Обниму тебя исчо раз, обниму тебя исчо раз
И уйду, и затоскую, и уйду, и затоскую...

– Витя, Витечка, я же знала, что ты есть... Ты не знаешь, как я буду тебя любить!

А в его шепоте слышалось недоверие:

– Откуда в тебе в двадцать-то с хвостиком столько нежности?

Она отшутилась:

– Вот именно, с хвостом... Это врожденно-невостребованное.

Но он не мог сразу понять, что это шутка. Для этого ему нужно было узнать о ней так много: о ее сумеречном детстве, о холодном равнодушии замужества, о раздирающей душу вине перед сыном.

Ничего этого Виктор не должен был узнать о ней. Ну, не в первый же вечер... Но – узнал. Ей нужно было договорить. Перелить в единственную потянувшуюся к ней душу все, что было в ней, и ощутить незнакомую легкость... Разве соблазнитель слушают так, как он? Разве могут у них увлажняться глаза? Или они только так и слушают, иначе почему на следующий день в телефонной трубке раздалось:

– Девочка, ты только не расстраивайся, моя хорошая. Прости, но не мог я вчера сказать. Мне придется уехать на какое-то время.

Ну да, конечно. Он же не картинками кормится. На какое время уезжает, он не сказал, а она не спросила. Сразу поняла, что навсегда. Все в ней оцепенело...

А беды все доставали Светку. Замдекана доверительно посоветовал:

– Если хочешь учиться без проблем, надо еще сверху. –

Он нарисовал цифирьку на клочке бумаги. – Ничего личного. Сама должна понимать: на дворе инфляция-девальвация, а я тут не один. – И, сально улыбаясь, добавил: – Есть и другие варианты допинвестиций...

Светка сидела над курсовым, а нехорошие мысли ее не отпускали. Видно, почуяв, что маме плохо, пацанчик прижался к ней. Она взяла его на руки и подошла к окну. Внизу, ошалев от неожиданной оттепели, сновали в праздничной суете люди. Скоро Новый год...

Что же делать? Еще каких-то два-три года, и Семка начнет понимать, что у него нет своей комнатенки, своего компьютера, своего велосипеда... А ведь можно сейчас одним движением все оборвать. Только жалко вот этот теплый комочек, доверчиво прижавшийся к ней. Но, может быть, там и ему будет лучше? А Виктор... Что Виктор? Так, видно, ей суждено, чтобы напоследок, на миг ярко осветилась ее жизнь. «Возлюбившая Бога еще не должна рассчитывать на взаимность», – вспомнилось случайно услышанное когда-то. Страшно. Но через минуту все будет кончено и страх навсегда исчезнет...

На стеклопакеты они всё никак не могли найти денег. Светка взялась за шпингалет. Крепко подогнанный на зиму, тот не поддавался... Внезапно раздался звонок. «Открывать? Поди, соседка – чем-нибудь одолжиться?» Светка открыла. Между дверью и косяком была вставлена открытка. На ней написано печатными буквами: «Выходи в шесть».

«Наверное, путаница. Да и писал, скорее всего, школьник. Может, однокласснику разыграть хотел?» Но черные мысли куда-то отступили. Назначенное время все же застряло в голове, и они вышли с Семкой без пяти шесть. Она поняла, что бежит от страшного окна. Снова – за чудом? Просто идиотизм какой-то...

– Ой! – пропищал малец. – Хочу!

От лестничных перил к чердачной лестнице тянулась нитка, к которой были привязаны за макушки серебристых фантиков шоколадные конфеты. А в середине висело красное яблоко, ухваченное за черенок.

– Это не наше! – вскрикнула она почти с ужасом и отдернула сынишку, уже потянувшегося к покачивающимся серебрянкам.

Выйдя на улицу, Семка протянул:

– Цыточки!

– Розы, да? – горько усмехнулась Светка. – Розы цвета утренней зари... Таких больше нет, малыш.

Семка опять дернул ее за руку.

– Дядя, – обронил он и замер.

– Этот дядя – гад заморский, паразит вообще-то, но он просит его помиловать, – вдруг услышала Светка голос, который она никогда и ни с каким не спутала бы.

Она подняла голову, и слезы мигом занавесили ее глаза причудливыми линзами, сквозь которые, точно на картине импрессиониста, она поначалу не видела ничего, кроме розовых мазков восхода. Восхода, в который не верила, но ждала.

ДАЧИ, ЗАТЕРЯННЫЕ В ДЕБРЯХ ПРОШЛОГО ВЕКА

Ванька Лопатин уныло ковырялся в остывающей гречневой каше-размазне. «Что? Не кушается?» – улыбнулась Лилия Ивановна, подошедшая к нему с тарелкой, на которой возвышались кубики сливочного масла. Размешав пару кубиков, она скормила Ване несколько ложек повкусневшего меса. Лилия Ивановна была молодой воспитательницей, но с ранней проседью в каштановых волосах и какими-то бархат-

ными, карими глазами. Она нравилась ему, и, похоже, не без взаимности. Руки у нее были такие же добрые и мягкие, как у мамы, когда она пыталась пригладить его непокорный чуб.

В столовой Ваня сидел обычно с черноволосой, острой на язычок Ленкой Серегинной, сероглазой хохотушкой Светкой Зелинской и светлокудрым пупсиком Людой Крошень. По Люде, кажется, тайно сохло едва ли не все мальчишеское население детсада.

Детсад был не вовсе простой: наверное, почти все его обитатели имели какое-то отношение к загадочному серому дому, замыкавшему главную площадь города, где стояли обком и облисполком, которые были на слуху. Ленка, как подслушал Ваня, родилась от... надзора разведчицы-лейтенантши за сосланным в войну из Москвы дирижером симфонического оркестра. Светкина мама работала врачом в санчасти, где лечились родители этих малышей. А Люда Крошень... Папа Люды работал самым главным генералом того серого дома. На детские дачи она всегда ездила не вместе со всеми на автобусе, а на новенькой, сверкающей эмалью цвета морской волны и глаз Люды «Победе». Ваня тоже гордился своей мамой (отец без вести пропал на фронте) – медсестрой в той же санчасти. К самому главному генералу, когда тому требовались уколы, подпускали только ее, потому что до нее никогда бы не смог дотянуться враг с коварным заданием нанести ущерб генералу и... потому что только у нее были та-а-акие руки...

В то утро подавали еще творог со сметаной. Ваня сделал замечание Ленке: «Творог вилок не едят!» Та немедленно фыркнула: «Указчикам – по морде ящиком!» Все засмеялись, а Ванька покраснел как рак. Такое с ним всегда происходило, если чьи-то слова заставляли его врасплох. У него совсем пропал аппетит... Он, как его называли мамины подруги, был subtilьным мальчиком. Переболел, наверное, чуть не всеми детскими

болезнями, которые упоминались в их учебниках. Плюс к тому даже умудрился где-то подхватить год назад какую-то разновидность тифа, звучное название которого – паратиф «А» – он с непонятным для себя удовольствием повторял воспитательницам. Вспоминал, что температура у него была 41 градус с хвостиком, бредил. И старенький профессор иногда подходил к его кровати вместе с другими врачами и, обменявшись с ними непонятными терминами, произносил: «Будем надеяться...» И Ванька выкарабкался. Зато какой волчий аппетит в нем проснулся, когда пошел на поправку, – сметал все подряд. Мама не могла нарадоваться. Такого аппетита у него ни до, ни после больше никогда не было... А вот сосед по палате, мальчуган еще младше него, надежд профессора не оправдал. Ваня впервые увидел смерть так близко. Было страшно. Когда выносили посиневшее тельце, он заплакал в голос...

После завтрака мальчишки стали играть в футбол. Ванька стоял на воротах, сооруженных из старых кроватей, а Борька Буянов бил ему слабо надутым мячом с развалившейся шнуровкой и полуторчащим хоботком камеры. Когда локти были сбиты в кровь, Иван предложил: «Айда пожарную саранчу ловить!» «Пожарными» они называли красно-черных красавцев, что нечасто попадались среди зеленого племени кузнечиков и другой попрыгуче-летучей живности. Еще реже попадались бронзовые жуки с невероятно завидным блестящим панцирем. Такого «пожарника» или жука можно было выгодно обменять на конфеты или печенье, которые у кого-то оставались после родительского дня на даче. Ваня залег в траву, высматривая добычу и погружаясь в стрекот, жужжание, гудение и запахи разнотравья. Как назло, на этот раз не попадались ни «пожарники», ни «бронзовики». Борька достал выпирающее из кармана подарочное яблоко, сочное, белого налива. На «дай куснуть» он откусил и милостиво вывалил

изо рта кусочек Ивану. Потом толкнул его в бок: «Смотри! Людка Крошень со Светкой в домике играют. Пошли трусы у них снимаем!» Иван покраснел. Предложение застало его врасплох. Ни о чем подобном он не помышлял. Но, похоже, отказываться было нельзя, не по-мужски. Чтобы окончательно рассеять колебания друга, Борька добавил: «Жаловаться то некому. Катерина Васильвна – я сам видел – пошла с сумкой на автобус...»

Екатерина Васильевна, старший воспитатель, была грозой всего детского сада и особенно его мальчиковой половины. Пацаны приходили в трепет, если девчушка, усмотрев обиду, начинала громко звать: «Катерина Василь-на-а-а!» Женщина неопределенного возраста – ей могло быть и 35, и 50 – она даже в самое пекло носила платья под горло. Ее голос напоминал скрип деревьев на ветру. Русые волосы всегда туго стягивались пучком на затылке. Стальные глаза были посажены на лицо, не выражающее ничего, кроме ответственности за возложенный на нее надзор за детьми. Сильно провинившийся приговаривался ею к публичному выставлению нагишом посредине большой общей спальни, лицом к девчоночьей половине. Правда, преступнику позволялось испросить прощения у обиженной, а значит, и помилование. Но если следовал жеманный ответ: «Нет, не извиняю», участь его была решена. Когда приговоренный добровольно не раздевался, на помощь надзирательнице приходила здоровенная, с плечами Поддубного, няня Силовна. И жертва, стеной, простаивала по песочным часам ровно пять минут на лобном месте. Ваня просто не мог слышать вопли несчастных и закатывал голову одеялом...

«Пошли!» – решительно потянул его Борька. Сказочный домик был расположен в аккурат к лесу, откуда надвигались злоумышленники, задом, а к корпусу, стоящему в отдалении,

передом. Борька, как истинный стратег, подтолкнул Ваню перекрыть просторное окно, а сам ввалился через фигурный дверной проем: «Кто-кто в тереме живет?» А затем, вытащив из-за пазухи деревянное подобие пистолета, сделал свирепое лицо: «Снимайте трусы!» – «А я все Катерине Васильне скажу!» – жалобно пискнула Светка. «Так она тебе и поверила!» – усмехнулся Борька. Казалось, вполне удовлетворившись таким доводом, Светка как бы нехотя присташила плавочки до середины бедер... Ванька через окно тоже влез в домик. Он чувствовал, что делает нечто совсем нехорошее, но себе-то он не мог не признаться, что его влечет происходящее. «А ты?» Борька наставил дуло на живот златокудрой...

Конечно, Ивану нравилась Люда. Иногда ее кукольная головка витала над ним в каком-то дымчатом овальном ореоле вроде девического портрета его бабушки, что стоял в их комнате на этажерке, рядом с портретом отца. Воображение заводило его столь далеко, что он касался ее губами. И вот сейчас непреодолимая жалость к ней охватила душу Вани. Он уже готов был остановить Борьку...

«Дурак ты и не лечишься!» – презрительно разжала наконец Люда венчик своих губ. И, не шевельнув пальцем, стала бесстрастно смотреть, как Борька деловито стягивал ее голубые в звездочках трусики до пониже тонких коленок. Довольный содеянным, он устало откинулся на скамеечку.

«Та-а-ак! Лопатин и Буянов!» – с ужасом услышал над собой Ваня зловещий скрип, обладательницу которого нельзя было спутать ни с кем. «Что здесь происходит?!» Скрип достиг силы звука ломающегося дерева. Откуда она здесь, ведь уехала же? Так или иначе, но вид ухмыляющейся неподалеку Ленки не оставлял сомнений в том, кто ее привел. «Пока идите обедайте. Разберемся с вами после сончасы...» Дерево перешло на обычный скрип.

Ощущение страшной, неотвратимо надвигающейся беды охватило каждую клеточку хрупкого тела Ванятки. Его бил озноб, на щеках выступил болезненный клочковатый румянец, а тыльные стороны ладоней испещрились какими-то сиреневыми галочками. Нет. Только не это. Он не сможет после этого жить...

«Да как вы только могли до такого додуматься?! – всплескивала руками Екатерина Васильевна, выявляя на лице подобие жизни. – Ну ладно Лопатин... Но ты-то, Буянов! У тебя отец такой достойный человек!» Действительно, Борькин отец был очень достойный человек, полковник. Ваня слышал, как Борька хвастался, что его отец главней отцов других пациентов. Слабая надежда зашевелилась в голове Ванятки. Он и раньше замечал, что в число сурово наказуемых как-то не попадали мальчишки, отцы и матери которых главнее других. Значит, если Борька скажет...

Следствие долго ни к чему не приводило. Зачинщика не было. Ванька верил, что Борька спасет его. Ведь они же не разлей вода и в футбол, и в войнушку. Он вдруг вспомнил еще, как на майском утреннике они, обнявшись с Борькой, голосили полюбившуюся всем песню из только что вышедшего фильма: «Каким ты был, таким ты и остался, орел степной, казак лихой...» Все мамы потихоньку слезы утирали. И так было хорошо... Кряжистый Борька сопел, глядел в пол, иногда всхлипывал, украдкой поглядывая на Екатерину Васильевну. Полупрозрачный Ванятка застыл беломраморным изваянием, глядя в одну точку и твердя себе только одно: нет, он не сможет перед всеми...

«Так кто же все-таки? – решила подвести черту старшая. – Это не ты, Буянов?!» – скорее утвердительно, чем вопросительно обратилась она к Борьке. Тот наконец понял, что от него требуется, и еле заметно покачал головой: «Не...» – «Ну

что, Лопатин, ты будешь продолжать отпираться?» Ужас происходящего как будто уколом заморозил Ванятке язык, как было недавно, когда ему вырезали гланды. «Ну ясно! Молчание – знак согласия. Буянов, ты можешь идти просить прощения. А ты, Лопатин, сегодня никакого прощения не получишь!» – вдруг отрезала Екатерина Васильевна, давая понять, что разговор окончен. Ваня понимал, что она уже не поверит ему: наказанный должен быть! Чтоб другим неповадно было. Только все равно он не встанет.

Люду увезли к вечеру домой, а сероглазка Светка, недолго поискав что-то на небе, пискнула Борьке: «Извиняю...» Иван решил, что не дастся ни за что. Когда Силовна начала было стаскивать с него одежду, он с невесть откуда взявшейся силой вцепился кулачками в резинку черных сатиновых шаровар заодно с рубашонкой, перешитой ему из маминого креп-сатинового платья. Казалось, эти посиневшие кулачки невозможно разомкнуть. Но силы были неравны. «А-а-а! Моя мама вас всех уколами заколет!» – вдруг выпалил Ванька, уже не надеясь на спасение. На удивление, именно эта неосуществимая угроза остановила нападающих. На мертвом лице Екатерины Васильевны отразилось подобие раздумья. Она отозвала Силовну. «Ладно, Лопатин, иди ложись пока. Но имей в виду: это просто так тебе не сойдет!» Ваня не очень представлял в своем виду, как и что ему не сойдет. Понял только, что сегодня его больше не тронут.

Спать он не мог. Его сердечко продолжало бешено колотиться. Ванятка знал, что, если бы это случилось, он перестал бы жить. И вдруг увидел себя неживым и посиневшим, как несчастного соседа в больнице, в красном гробике на табуреточках. Увидел, как плачут мама, ее подруги, Лилия Иванова... И горячая влага наконец хлынула из его глаз, упрятанных в подушку, сделав ее сразу мокрой. Рыдания еще долго не от-

пускали его, пока вдруг он не узнал на своем затылке теплую и родную руку Лилии Ивановны. «Ну не плачь. Все хорошо. Слышишь? Завтра мама придет».

Утром Лилия Ивановна уехала в город. Но к обеду ни она, ни Ваняткина мама не появились. А приехала черная эмка, из которой важно вышел усатый прямой военный с четырьмя звездочками на погонах. Отобедав, военный расположился на веранде и начал по очереди вызывать на беседу воспитательниц, нянечек, Екатерину Васильевну...

До конца сезона ни Лилия Ивановна, ни Екатерина Васильевна на дачах больше не появлялись. А осенью Ваня пошел в школу. Он уже умел читать и даже писать каракулями... А детсадовские беды – да были ли они? Может, приснилось?

ЕСЛИ БЫ Я БЫЛ МОЛОД, ЗДОРОВ И СВОБОДЕН...

Бывает же такое! Две родные сестры, одна кровь, одна плоть, одним молоком вскормлены. Но абсолютно непохожие – ни душой, ни телом. Как будто из-под разных лун и солнц вышли! В соседях Сергея Александровича по дому и проживало это интересное семейство с красивой фамилией Старосветовы. Впрочем, вовсе неинтересных семейств и не бывает. Мать с двумя дочками. Отец их рано умер, успев, однако, поднять дочерей. Интеллигенты: родители – кандидаты или даже доктора каких-то мудреных наук, дети – школьные учительницы, старшая преподает математику, младшая – русский язык и литературу. Эту младшую дочь иногда во дворе называют блаженненькой, но об этом речь впереди.

А Сергей – не вовсе безвестный художник, когда-то, случилось так, сменивший шахтерский отбойный молоток на кисть, уже лет тридцать обитал в этой разновысокой (пять и

шесть этажей) сталинке с лепниной и прочими прибабасами, построенной в начале 50-х. Как и положено сталинке, на ее фасаде бессрочно красовалась огромная мемориальная доска в честь деятеля партии и правительства 30-х годов, поскольку эта улица носит его имя, а дом сей – самый внушительный на ней. Доска куда меньших размеров увековечила архитектора здания. А третья сообщала, что дом является охраняемым памятником архитектуры города и трогать его не могли, а то... Сергей, улыбаясь, говорил жене: «Да, мемориальную доску – "в этом доме жил и творил Сергей Лександрыч" – не просто будет здесь прибить. Придется партбонзу убирать, иначе перебор досок будет». Он в последние годы изрядно поплохел, тяжело и криво опирался на клюку с глубоким локтевым упором, считай костыль. Что поделаешь: восьмой десяток в разгаре и диагнозов хватало, да и когдатошний отбойный молоток теперь, что называется, боком вышел. Из дома выходил нечасто: и тяжело, и стремно. Ведь, как говорится, знал когда-то виды, а ныне... Оставалось подтрунивать над собой, соединив Есенина с Ильфом и Петровым: «Жалко себя немного... которого любили вдовы, домашние хозяйки и даже одна женщина – зубной врач...» Нет, не сдавался. Придумал себе моцион: шесть этажей вниз и обратно по несколько раз. Дом-то так и так безлифтовый. И с гордостью докладывал взирающим на его кроссы соседям: «Сегодня 36 этажей за два выхода одолел с новым рекордом – 41 минута!»

Соседки, конечно, слышали, что он записной художник со званием, член чего-то у нас и за кордоном, где тоже выставлся. Были времена, когда его и в местный телеящик приглашали. Но, пожалуй, зауважали они его только после того, как он выиграл спор об одной тонкости русского языка, неизвестной и достаточно грамотным людям, которая вроде бы нарушает правило, а на самом деле – исключение из него.

К великому и могучему он был равнодушен. Выигранный им тортик съели все вместе. Разговорились. Они, само собой, с большим запасом ему в дочки годились. И он тщетно настаивал, чтобы они его не величали.

Понятно, девочки эти уже в возрасте были. Не сказать чтоб красавицы, но приятные. Старшей Тане – за сорок, была замужем, да не очень долго: вернулась под мамино крыло, своих птенцов не нажив. Рослая, но тоненькая до прозрачности, каким такой комплимент отвешивали в молодости Сергея: девушка, повернитесь в фас, вас в профиль не видно! При этом в семье она командует парадом. Рациональная, продвинутая, пробивная в делах ЖЭКа. Вот с кем надо было Сергею крепче задружить! Эта и губернаторскую прибавку к пенсии пробьет и вожделенную доску на фасад прибьет, если что... Таня давно покинула школу как службу, зато к ней не зарастает тропа с оболтусами обоих полов, на коих родители денег не жалеют. Во всяком случае, кроме последних нескольких лет, она почти каждый год ездила на теплые моря отдыхать-загорать. А чего не ездить – молодая еще женщина. К слову, занято это чисто российское: еще молодая женщина. В этом «еще» в разных случаях может содержаться прибавка к натурально молодой – от десяти до тридцати лет!

Дочь меньшая – Вера. Наверное, ей нынче уже под сорок. Но выглядит гораздо моложе. Невысокая. Зато ладненькая фигурка, все при ней. Первое, что приходит в голову: тургеневская или толстовская девушка. Теплый взгляд с поволокой. Невероятно похожа на непорочную Катю Маслову из «Воскресения», какой та показана в фильме. Потом что-то из блоковской «Незнакомки» волной накрывает... Кажется, нимб над ее головой виден в любую погоду даже тем, кто не знает, что такое нимб. Спутника так и не нашла. Скорее всего, не больно-то и искала. Лишь однажды за все время соседства

Сергей увидел ее оживленно беседующей с парнем. Тот был из строителей, что занимались реконструкцией катастрофично поплывших фундаментов их едва не рухнувшего, раритетного дома... Началось с мощного толчка, разбудившего жильцов ночью, от какого даже кое-где покосились проемы дверей. Думали, землетрясение, а оказалось – фундаментные колонны резко подсели... Так вот, та беседа продолжилась и при ясной луне: Сергей увидел их, взявшихся за руки, гуляющих в сквере возле дома. Парень из гастарбайтеров, похоже таджик, явно моложе ее, симпатичный, не отнять, с приличным русским языком. Возможно, поэтому он не вызывал у Сергея отторжения, несмотря на очевидность не самых благородных намерений красавчика. Все же ему не могло не вспомниться нечто остапобендеровское: мальчик, не жмите девушку, я ревную! Показалось, что Вера так же стихийно поплыла, как и дом: может быть, впервые влюбилась, глаза у нее горели. Сергей Александрович понимал, что не его это дело, но все же решился, улучив момент, отвлечь на пару минут таджика от работы. Для начала леща подбросил ему: «Ты умный парень и на русском хорошо изъясняешься. Видишь нимб над головой Веры? Такую девушку обмануть-обидеть нельзя: ни Богородица, ни Аллах не велят». Тот ответил что-то не слишком внятное. Но вежлив был, чертяка. По-восточному почтителен с тем, кто в деды ему годится. Что там у них было, бог весть. Может, и лучше для нее, если что-то было? Но через два месяца все строители уехали, а Вера вернулась к своей прежней, такой привычной и тихой пристани.

С той поры около десятка лет минуло. И, наверное, ничего и никогда в ее жизни уже не изменится... Почему во дворе за глаза по-доброму называют Веру блаженненькой? Уже который год у нее под опекой и на содержании кошачья орава, что проживает в подвале, где находится тепловой узел и откуда

идет разводка коммуникаций. Что ж, пусть лучше они проживают, чем знамо кто. Достойная пера картиночка, когда перед подъездом в ожидании ее, к часу назначенному собирается очередь котяр. А их меню, наверное, позавидовали бы и хорошо устроенные домашние кошки голубых кровей. Сергей предлагал ей свое долевое участие, но она категорически отвергла: «Не разорюсь». Доброты, по всему видно, в ней с избытком – не на одних кошек. Всякий раз, если Сергей подходит во время трапезы четвероногих, Вера, прерывая процесс поглаживания своих питомцев, мчится с ключом-чипом, опережая его, чтобы открыть и придержать коварную дверь подъезда. Дверь, что жестко преследует входящего с костылем, точно как старушек дома престарелых из «Двенадцати стульев»...

Ну почему такая несправедливость в мире? Ведь она для любого мужчины могла бы стать верной, заботливой женой и матерью прекрасных детей! Иногда Сергей ее останавливал, говорили о необязательных вещах, лишь бы поговорить: о том, что фундаменты еще полвека выдержат, что больше не будет у них «домотрясений». Теперь и о пандемии, о карантине. Вера жаловалась, что порой до пяти утра приходится сидеть над компдистанционкой. Но как-то заговорили и о художниках. Сергей, чего греха таить, рассчитывая на сочувствие, доверительно поделился ощущением, насколько ему сейчас близко изречение Делакруа: «Когда у меня не осталось ни сил, ни зубов, я научился живописи...» Потом он сел на любимого конька, с жаром доказывая, что рисовальщик обязан быть поэтом, иначе его картины в лучшем случае будут только подобием цветных стереофотографий, и что наиболее густа поэзия у импрессионистов. Вера, правда, предпочитала корифеев ренессанса и классицизма. «Ну что ж, поздравляю, у тебя традиционная ориентация», – скаламбурил Сергей напоследок... Однажды, «перекуривая» на подоконнике между

этажами подъезда, он мягко задержал ее руку, потому что понял: надо успеть ей *это* сказать, пока живой, ибо больше никто ей такого уже не скажет. «Вера, ты помнишь короткий монолог Пьера Безухова перед Наташей Ростовой – в конце "Войны и мира"?» Конечно же, она помнила, мог бы и не спрашивать. «Сделай милость, позволь мне его повторить с малой своей добавкой... Вера! Ежели бы я был не я, а красивейший, умнейший и лучший человек в мире и был бы свободен, молод и здоров, я бы сию минуту на коленях просил руки и любви твоей...» Она смущенно улыбнулась: «Спасибо». И, не задерживаясь больше, стала подниматься на свой этаж. Плечи ее подрагивали...

ПРОСТИ МЕНЯ, ПААЛНА!

Помню себя лет с трех, наверное. Может, даже и чуть помладше. Крошечными эпизодами, конечно. Мама потом говорила, что я потерялся в два с половиной. А у меня осталось в памяти, как катался с горки и... сбежал из своего двора, шастал по улицам, заглядывал в окна. Хорошо, друг семьи случайно встретил меня, узнал и привел домой, к буйной радости близких. Или как зашли к кому-то в гости, а я, к дружному смеху окружающих, искренне поинтересовался у хозяев, как они залезают на такие высокие «карати» (кровати). А ничего удивительного. Иногда и более ранние малые островки остаются на волнах памяти... Моя взрослая дочь хорошо помнит, как в полтора года ее приводили ко мне в больничную палату, помнит меня, бескровно-бледного после операции, помнит обшарпанную раковину, облупленные синие панели стен и медсестру, что щедро одарила ее шприцами для игры в больничку... Но что накрепко впечаталось в мое сознание из тех

младенческих лет – так это явление заботливой няни Анны Павловны, по сути, вошедшей в нашу семью...

Первые послевоенные годы в сибирском городе. Родители порой сутками дома не показывались. Отец, боевой офицер, дни и ночи на службе пропадал. Мама, врач, то в больнице дежурила, то по вызовам ходила. А никого из своих бабушек и дедушек я на этом свете, увы, не застал. Поэтому, видно, и поселилась в нашей коммуналке (просторная комната, разделенная фанерными перегородками) Павловна, или, для простоты выговора, Паална. Надо же было кому-то присматривать за двумя бедовыми пацанами.

Как позже мог вычислить, няне тогда уже за пятьдесят перевалило. Смутно вырисовывается ее тогдашний облик какого-то доброго гнома... Меня, кажется, долго не могли отучить от вредной привычки прятаться от всех в укромном месте, после чего иногда приходилось... стирать штанишки. Стирая, Паална потихоньку ворчала, а потом гладила мои белесые вихры и проводила среди меня беседу, уговаривая больше так не делать.

Паална обожала «важнейшее для нас искусство». Мы с братом, что постарше, понятно, не возражали против таких походов в кино втроем. Правда, из фильмов тех только и вспоминается картинка из трофейного черно-белого «Тарзана»: огромный и страшноватый волосатик, прыгающий по деревьям и бьющий себя в грудь, как в барабан. И не одну серию он так прыгал. Было жалко, что он никак не находил себе пристанища. Но я тихо и добросовестно плялился на экран, посаывая леденец. Много позже прочитал, что Тарзана там играл олимпийский чемпион по плаванию, вполне даже цивильный, благообразный мужчина...

В нашем доме Паална прожила где-то до моих четырех-пяти лет. Нет, до Арины Родионовны она явно не до-

тягивала. Сказок, по-моему, вообще не знала. Малограмотная, она, однако, читала нам те немногочисленные детские книжки, что появлялись в доме. Едва ли не по складам разбирала строчки сквозь выпуклые стекла круглых очков. Как-то Паална читала стишки про оленей, спасающихся то ли от пожара, то ли от наводнения. И меня очень уж тронули слезы олененка, обращенные к подгонявшей его матери-оленихе:

Ну, мама, ты должна понять,
Что вы-то взрослые олени,
А мне всего четыре дня
И у меня болят колени.

Я заставлял няню повторять этот отрывок снова и снова. Боялся, что олененок не спасется. Но как будто все там окончилось благополучно. А эти вот немудреные строчки так почему-то и остались во мне на всю жизнь. Уже отроком, когда чего-то не хотелось делать, что поручали, в шутку повторял их маме: мол, вам-то хорошо, вы взрослые олени...

Пролетели годы. Брат со своим семейством давно отделился, проживал в совсем уж дальнем холодном краю. А родители переехали на родину отца, к теплому морю – счастливо продлевать свою старость. Уговаривали и меня. Но безуспешно. Я уже прочно прикипел к Сибири. Как инженер шагал вверх и, хотя еще не был женат, уезжать совсем не собирался... Вышло так, что они Паалну не забывали – иногда она появлялась у нас в доме. А я, получилось, перенял эту связь после их отъезда. Она мыкалась по белу свету. Где-то на Кавказе здравствовал уже пожилой ее сын. Но, судя по всему, она ему не нужна была вовсе. Силы кой-какие, несмотря на восемьдесят с лишком, у нее еще оставались. И теперь

Паална наезжала ко мне – погостить ненадолго, умудрившись поселиться в доме престарелых в соседней области, всего-то километров за семьсот. По сибирским меркам это ведь, считай, рукой подать. Посылала письма, открытки, испещренные запредельной клинописью, какую только я один и мог разобрать. И я отправлял ей поздравления, фотки, а то и переводы – пару-тройку крепких советских десятков. «На эти деньги все больше лотерейные билеты покупаю. Все, что выиграю, тебе достанется, сынок», – корябала она. Но в лотереях ей, похоже, не слишком-то везло – во всяком случае, явно не больше, чем в личной жизни.

Однажды Паална приехала опять и попросилась у меня пожить. «Я тебе не помешаю, милоч, и убраться понемногу еще смогу», – проговорила она, жалобно глядя сквозь толстые линзы. Моя сталинская двушка вроде позволяла потесниться. Но аккуратно готовился к свадьбе, и просьба застала врасплох. Моя юная невеста уже видела Паалну у меня. Подивившись нашему общению через столько лет, очень душевно отнеслась тогда к ее появлению. Но тут другой случай. Обрадуется ли она такому хозяйству втроем? Не отказал, но, видимо, в моем голосе няня не услышала прежнего радушия. Все поняла и утром засобиравалась в дорогу, а я, наверное, не слишком настойчиво ее отговаривал. А вскоре получил от нее письмо с моими фотокарточками. Не сразу понял, но вдруг догадался, что Паална не хочет, чтобы они пропали, – готовится к уходу. Засуетился было к ней съездить, да куда там: дел хватало по горло. Подумал, что успею еще. Запоздало вспомнил о своем благом намерении через много месяцев. Никаких вестей от нее, конечно, больше не приходило. Нетрудно было понять, что ее уже нет на этом свете...

И еще немало лет проплыло. У моих детей, слава богу, оказался полный комплект бабушек-дедушек. Правда, жили они

в других городах. Но по мере сил принимали – и с радостью! – участие во внуках. Однако не уверен теперь, что няня – именно такая, добрая и самоотреченная, как Паална, – детям вовсе была не нужна. Когда, случалось, срывал свои неудачи, свое дурное настроение на них, виноватых лишь в том, что за недосугом моим, может быть, недополучили любви и чего-то еще такого, что мог бы им дать, но не сумел. Когда сын-первоклассник болтался на улице с ключом от квартиры на шее. Хотя какие уж няни в этом возрасте! Скорее хорошая гувернантка не помешала бы, но это было тогда не для нас, добропорядочных советских, а из двух других времен – давнего-предавнего прошлого дворянского и купеческого сословий, что описано в романах наших классиков, и, как оказалось, совсем недалекого будущего некоторой части россиян...

А я как будто не так уж и виноват перед своей няней. Но почему же опять подступает горечь к горлу?.. Да ведь она просто любила меня, как никого другого! А я не знаю даже, где ее могилка, никому, конечно, не нужная... Прости меня, Паална!

Только вновь застилает глаза влажный туман, когда моя младшенькая вдруг с улыбкой оживляет наивное четверостишие:

Ну, мама, ты должна понять,
Что вы-то взрослые олени,
А мне всего четыре дня
И у меня болят колени...

БОГАЧ В БАРАКЕ, НЕДОПИОНЕР И ВОЛЧИЙ БИЛЕТ ВОВЧИКА КОЧЕРГИНА

Вся барачная коммуналка стояла на ушах. Из комнаты Кудяровых раздавался дикий рев Стаськи. Отец бил его тяжелым солдатским ремнем: «Я те покажу больничку!» Вовчику было семь лет, а соседскому Стаське на три года больше. Их застукали, когда старший пытался обучить младшего рукоблудию... Наконец Стаська вырвался и, высунувшись в коридор, звонко выдохнул: «Богачии!» Это больно ранило сердце Вовчика Кочергина, потому что относилось явно к его семейству. Отец у него служил замполитом в областной пожарной охране, а мать – бухгалтером на большом заводе. Их квартира в бараке и правда выделялась среди прочих. У всех было по одной обшарпанной комнате, а у них две, из коих отец сделал три: выгородил детскую и даже кухоньку. За окном зимой у них всегда висели в сетках запасы масла и мяса. А в комнате уже ожидало мастера нераспакованное новенькое чудо техники – холодильник ЗИС. Мама Вовчика ходила во всем каракулевым. Правда, придя домой, она мигом скидывала свой каракуль, надевала телогрейку и пахала весь вечер как лошадь до прихода отца. Малой тоже ходил за водой и углем. Или его отправляли на ближайший рынок за колесами замороженного молока, которые хозяйки вываливали из мисок. Там же стоял водочный ларек, где мужики соображали на троих или двоих. Когда кто-то из них надежно приземлялся, пацаны шутовали: машиной стукнуло! А номер не запомнил? Как же не запомнить, номер простой – 21-20 (столько бутылка водки стоила).

Стаська все подвывал, и Вовчик уже простил ему «богачей». Он думал, как это несправедливо, что он живет в богатой семье, а соседу не повезло с родителями: и бедные, и пьют, и дерутся. С этим Стаськой он уже попадал в жуткую

историю. Тот подбил его поискать у отца пистолет, и Вовчик нашел какой-то трофейный. Тут же они расчертили на уличной уборной мишень, и Стаська сделал пробный выстрел. Все бы ничего, но из уборной с диким криком выскочила соседская бабка, держа в руках свои причиндалы. Обоим тогда досталось, мало не показалось... Стаська больше не выл. А Вовчик решил, что летом обязательно даст ему покататься на новеньком велике, купленном Вовчику в рост...

Впервые Вовчик попал в пионерлагерь, когда во второй класс только перешел. Понятно, что входил в отряд таких же недопионеров. Запомнилось: там считалось не то чтобы нормальным, но небольшим грешком – подворовывать помалу конфеты из тумбочек соотрядников. А вожатый, студент-первокурсник и добрейший парень, «политбеседы» с мальшней на эту тему проводил: мол, делиться надо, не ко всем же приезжают родители и привозят сладости. Но однажды экстренно собрали вселагерную линейку. На повестке дня – воровство одной девочки, по виду пятиклассницы. Старшая пионервожатая произнесла короткую обличающую речь: девочка стащила часы, вроде бы поносить, покрасоваться. Однако пощады ей не было – исключение из пионеров. Несчастливая покорно стояла, пока на ней под сотнями взглядов развязывали галстук; глаза ее были вызывающе сухи, но в них занозой застряла безысходность. Рядом стоял невероятно грозный начальник лагеря, не вмешиваясь, но готовый пресечь попытку сопротивления. В тот момент Вовчику казалось, что с человеком, тем более подростком, просто не может произойти ничего страшнее...

Второй класс. Ура-а-а! Сплошь мужское население школы Вовчика только что смешали с девчонками. В его 12-ю высадился девчачий десант из соседней 24-й женской школы. А туда, видимо, наоборот. Сразу стало куда веселей. Тут и совместные дежурства по классу, когда можно было, отбирая

тряпку, нечаянно потискать девочку, прижаться к ней. Здесь и первые детские влюбленности. К тому же в первом классе все пацаны были обязаны стричься под нуль, а тут послабление вышло: стало можно и чубчик. Девочки принесли и новые слова, иногда смешные. Например, оказалось, надо проситься выйти культурно – в туалет, а не в уборную. Резвились на переменах от души. Но всякое случалось.

Соседкой Вовчика по парте стала одна очень симпатичная девчушка Нина, но... ябеда. Чуть чего: «Анна Климентьна-а! А Кочергин обзывается! А они из резинки стреляют!» Они – это трое друзей: Женька Екимов, прям «гуттаперчевый мальчик» – чемпион класса по подтягиванию на турнике (12 раз! Даже Шурка Собакарь, хоккеист, позднее ставший другом Вовчика, подтянулся только 9 раз), Женька Иванов, очкарик, бесконфликтный пацаненок, и Вовчик, получается, инициатор нехорошего дела. А репутация у него была двойственная. В первом классе мог вообще дурака валять: пришел в школу, умея свободно читать, писать каракулями и считать хоть до скольких. Проблемка была разве что с чистописанием. Вот и валял – примерным поведением не отличался. Мог по оному и четверку за четверть схлопотать, что считалось равноценным неуду. А меньше четырех – это уже отъявленный хулиган, кандидат на выгон из школы. Мог и подрасться. А однажды (еще будучи первоклассником) замком своих сцепленных кистей на поясище соперника завалил на лопатки одного худосочного пятиклашку. Этим, конечно, заслужил уважение тогда еще мальчицкого класса и даже Женьки Екимова, хоть и подтягивался вдвое меньше него. И вообще пацанчиком Вовчик уже был самостоятельным. Первого сентября в первый класс пошел один пешком, километра полтора. Была школа и гораздо ближе, но родители сочли ее слишком бандитской. А этот маршрут правда ему был хорошо знаком: в этой же школе учился и брат, что на 9 лет старше.

Еще дошкольником Вовчик как-то пожаловался брату, что его обидели на улице. Тот пошел разбираться. Разобрался и дал ему поджоппик: дескать, сам виноват, нарывался. С тех пор Вовчик решал свои заморочки сам. Да и скоро старшему стало уже не до младшего: он в хоккее играл в юниорском составе главной команды области. А жили они не то чтобы в бандитском, но не очень благополучном квартале, где почти каждый месяц кого-то изрядно побивали, а то и подрезывали. Хотя он располагался за Каменкой в этих самых всего-то полутора тыщах метров от начала серокаменной цивилизации. За Каменкой – это значит за мостом через необъятный Каменский лог, которому не уставал дивиться Вовчик: на дне и по склонам лога было густо наклеплено жилье, как резервация индейцев... Вот такое первое сентября вышло. Отец тоже был занят, а мама сумела уйти с работы и добраться до школы только к концу перекички. Он и тому был рад... А летом, между первым и вторым классом, вот что отчебучил. На дневной школьной площадке большие пацаны предложили бесплатно билет в цирк на вечернее представление. И Вовчик, недолго думая, поехал с ними. Так сказать, принял самостоятельное решение. А представление оказалось незабываемым, длилось 4 часа, и половину из них на арене отрывался знаменитый клоун Карандаш. Родители, само собой, волновались. Но, выяснив, где ребенок, не ринулись звонить в милицию или искать – с большой вероятностью разминутся. Они терпеливо возле дома ждали появления сына. И он не замедлил прибыть (ехал на двух трамваях и пешком) в подвенадцатого при подсветке луны. А кого бояться? Его тут все знали, и он всех знал, да еще брат – квартальная знаменитость. Обошлось подзатыльником от отца и поцелуями матушки... Так вот, Вовчик и предложил провести среди Нинки воспитательно-разъяснительную работу. На выходе из школы все та же тройца по очереди без фанатизма хлопнула ее порт-

фелями по горбушке. Учитывая то, что она была в шубке, вряд ли это доставило ей физические страдания. Главное, чтоб она поняла, за что ей попало. Однако на следующий день что тут началось! Мама «жертвы» – она оказалась женой какого-то начальника – звонит директору и не моргнув глазом говорит, что ее дочь избили и якобы ночью она вызывала скорую помощь! Директор, быстро установив поименно членов «банды» и главаря, разделять ответственность не стал. Сказал, что сегодня же подготовит приказ об исключении всех троих из школы с волчьим билетом! Почти целый день провинившиеся сидели у него в кабинете, выслушивая гневные филиппики в свой адрес. Им доходчиво объяснили, что такое волчий билет. Шло расследование не на шутку, перекрестные допросы, вызовы свидетелей. Никакие «больше так никогда не будем» и слезы тут не прокатывали. Они были преступники, какие должны получить по заслугам. Вовчик с ужасом думал: а куда же его денут? Не дома же на печке держать. Наверное, сдадут в какой-то интернат для малолетних преступников... Его отец, вызванный в школу, гулко мерил коридор своими офицерскими сапогами, и лицо его было мрачнее цвета сапог... Приказ был готов. Его зачитали перед классом. Но тут на помощь пришла учительница, добрейшая Анна Климентьевна. Она предложила классу взять прощтрафившихся на поруки. И после недолгого колебания класс, поняв, что ему сие поручительство ничем не угрожает, конечно, согласился. Ну и, само собой, все трое получили тройки за четверть по поведению, чтобы чувствовали, что наказание действует, только условным стало. Вот так: вышло помилование, когда приговоренные стояли с накинутыми на шею петлями!.. Сошло Вовчику с рук это и дома. Отцу было не до того: мама лежала в больнице... Но ему навсегда врезался в память этот неподписанный директором жуткий волчий билет.

ПОД РЕНТГЕНОМ ВЗГЛЯДА

Долго ношу это в себе. Настала пора рассказать... Пожалуй, уже полвека, «о женщина, твой вид и взгляд меня ничуть в тупик не ставят». Во всяком случае, так мне, как ранее и Борису Леонидычу, представлялось. И, видимо, надо было разменять восьмой десяток, чтобы откуда ни возьмись появилась вдруг особа, что изрядно поколебала эту уверенность... Мы случайно познакомились в Сети, начали часто и подолгу общаться прилично. Она оказалась моложе меня на поколение, более чем недурна собой, при этом чертовски умна и талантлива – перебор для женщины. Чем я ее привлек, если речь даже зашла о встрече? Наверное, языком, чем еще-то, не мордой же скукоженного лица? Только мнится мне тут и вовсе некая фантазмагория. В моей юности продвинутые тинейджерши, глядя «в угол, на нос, на предмет», чиркали в записочках вот этот прикольный каламбур, меняя в нем мужской род на женский: «Мне нужен труп, выбрала вас. До встречи, ваша Фантомас!» Чем-то подобным повяло и сейчас, только уже без улыбки. Порой и правда возникало искушение проверить: нет ли под столь приятным ликом еще какого-то... Но все-таки зачем я ей понадобился, не пойму! Так или иначе, но даже под ее виртуальным взглядом у меня каждый раз возникало смутное беспокойство. Ощущение: она черт знает что обо мне ведает. Прямо как Мона Лиза или дама из «Ложи» Ренуара. Но те все ж рисованные и почили в давние времена, это успокаивает. А тут, по сути, живьем! Казалось бы, чего мне переживать? Я никого не убивал, ничего не крал, друзей не предавал. Если иногда обижал кого, то разве что как Катя Маслова: виновен, но без умысла причинить... Ну, а кто ж износит лицо без самого древнего греха? Однако – Господь свидетель! – обещал жениться только одной-единственной и не обманул. Но то дела минувших дней... А тут – другое.

Что за наваждение! И почему же так тянет к этой всевидящей дьяволице во благообразной плоти? Какая-то невероятная ипостась шведского синдрома! Не знаю, не уверен насчет красавицы демона, но особь, сжигающая остатки опущенной мне шагреновой кожи, налицо!.. Нет, уже совсем немислимо, что мы с этой загадочной дамой когда-нибудь встретимся. Да и зачем мне это? И ей на что стремительно стареющий провинциальный поэт? Она продолжает цвести поздним цветом, уже в Мадриде, и видные мэны не скупятся на комплименты ее обаянию и талантам... Внезапно я догадался, кто она! Это материализовалась, не иначе ожила, повзрослевшая героиня моей поэмы-трагифарса «Испанское лето», написанной 20 лет назад. Ведь сегодняшняя моя (хоть и не моя) *bella donna* на 20 лет старше той русской испанки, которую до умопомрачения любил герой поэмы.

Быть красивой – это Божья кара!
Этот крест повсюду носишь ты:
Мачо – от Москвы до Гибралгара –
На тебя глядят, открывши рты!

Теперь понимаю, что будь я и помоложе-глаже, то все равно, несмотря на эту тягу, вряд ли рванулсЯ бы на встречу со смуглой леди, нового Шекспира на нее нет! Куда уж мне со своим скромным даром... Как-то не очень завидую мужчинам, которые были в ее жизни. И вовсе не завидую ее импозантному и тоже весьма одаренному супругу: ему-то, уж точно, на рентген можно не ходить... И все же дай ей Бог! Когда бы не было этой странной миссис в моей жизни, пусть и виртуальной, я бы ее придумал. Как у Дассена: «*Et si tu n'existais pas...*»

ЛЕЧИТЬ МУЖСКОЕ СЕРДЦЕ

Зимой наша группа политеха отметила 50 лет со дня выпуска (увы, 12 человек осталось из 25). Свезло и мне пребывать в сем апостольском числе. Но это к слову. Я об одном знакомстве, связанном с этой встречей, что прошла в кафе на первом этаже моего дома. Естественно, пару раз предварительно туда заходил, обсуждали меню с менеджером, ровесницей моей дочери. Оставил визитку для связи. Так она возьми да зайди на мой сайт и дальше. И вышло, что к моменту нашего мероприятия уже стала поклонницей моей нетленки, сборник попросила. С той поры вижу ее нередко, в одном доме ведь квартируем. А я выхожу погулять в сквер, что под моими окнами. У меня теперь мера длины – 1 сквер (это около 100 м). Прихожу домой и докладываю: сегодня 4 сквера одолел (8 – это предел). А соседка нет-нет да зовет в кафешку зайти, кофе попить, но мне, колченогому с клюкой, стремно, да еще и в корсете после слома шеи. Нет, не ропщу и на судьбу не жалуясь, ведь очевидно, что скорее жив, чем нет. И, как говаривал О. Хайям, «не печалься, что меньше других веселился, будь доволен, что меньше других пострадал». А с этой девушкой – десяток слов, обнимемся по-чеченски (одной рукой, в другой-то клюка), и ковыляю дальше. Но на днях она мне вдруг говорит: «Вижу, вам трудно ходить (зрелище порой и правда: Квазимодо отдыхает. – В. Л.). Может, в коляску пересядете, я бы покатала вас по набережной, пообщались бы, а кофейку с собой захватила б». Я не мог не рассмеяться, насколько можно было на это сподобиться фрагментами своей, как и фигура, кривой рожки лица: «Спасибо за такую добрую волю, душа моя. Это как Хазанов в "Маленьком гиганте...". Помнишь, его тоже там дамы катали? Как и он, я тоже ушел из большого секса. Раньше у меня шутка была: ох, будь я помоложе и посвободней! Теперь

первое слово заменил на "поздоровей". Рассказал жене. Ей – можно. Поклонницы, не скажу, что много, были и раньше. А до появления соцсетей и самого инета, на до-машний телефон, случалось, звонили, и она нормально к этому относилась, никого не отшивала. И тут улыбнулась: «А что, если совсем неохота ноги передвигать, и правда есть смысл приобрести коляску, раз есть желающие покатать. Только кто ее таскать с пятого этажа и обратно будет? Каждый раз сына с зятем будешь вызывать?» Я тут же нашелся: а ее можно на первый этаж на постой в кафе и определить...

Ладно, хватит юморить. Я вообще-то хотел о серьезном. Само собой, глубоко тронуло меня это предложение. Почему-то ведь это милое создание, эта раба Божия будто пришилась ко мне кожею, к чудищу убогому! И душой потянулась. Прямо «Аленький цветочек» XXI века. Только вот расколдовать меня, боюсь, несравненно проблемней будет, чем чудище болотное в той сказке. Но, вестимо, сказка – ложь, да в ней намек... А может, она и чем-то сокровенным поделиться хочет, совета попросить? Надо встретиться – в коляске или без... О чем подумалось. Все-таки насколько наша лучшая половина выше «остальной»! И не сделаю, наверное, большого открытия: главные зоны притяжения у мужчины женщины (понятно, что за некоторыми исключениями) находят не в его мышцах, включая и «главную», не в тех или иных степенях смазливости и малопоношенности его фасада. И не в его бумажнике, как стали говорить в новые времена. Нужно ли указывать, где находятся эти зоны? Главный женоненавистник среди поэтов Шарль Бодлер произнес когда-то: «Съесть по сердцу в день – таков девиз твой гнусный!» (Это еще самая безобидная строка из его филиппики прекрасному полу.) Хлестко, конечно. Но, по сути, всего лишь звучный эпатаж матерого язвосола, тем и запомнился. На самом деле девиз, а вернее, потребность женщины – лечить мужское сердце ежедневно!

КТО СВЕТЕЛ, ТОТ И СВЯТ

ЕСТЬ ЛИ БОГ?

В фб стали диспуты разгораться между атеистами и православными. Не встречал. Но я, собственно, не столько об этом. Понимаю, что эти противоречивые и совсем не злободневные заметки не вызовут паломничества фейсбучан. Разве что глубоко чтимый мной филолог-эрудит и душка Ольга Черноричская, ставшая в последнее время возмутителем спокойствия в фб, зайдет и скажет: «Милейший физик-лирик! У вас в голове – филологический сумбур вместо музыки!» И будет права. Хотя сумбур, как известно, тоже иногда оказывается музыкой. А кто-то попросту улыбнется: «Старче, с каких небес ты спустился? Есть вещи куда поважнее для обсуждения». Спору нет. Но все же, уверен, и «это кому-нибудь нужно».

Веруем мы или нет, но куда нам без Бога в душе и кто мы вообще без Священного Писания в голове? Что до меня, так Библия – это еще и бесценный памятник мировой литературы, где, как и у Пушкина с Толстым, сказано все и обо всем. И сим сказанным она тоже «чувства добрые пробуждает» и о чем-то предупреждает. В свое время не мог не сделать некоторые выписки оттуда. Вот токмо малая нарезка из Евангелия от Матфея: «Фарисеи... любят предвозлежания на пиршествах... и приветствия в народных собраниях, чтобы люди звали их: учитель, учитель!.. Горе вам, фарисеи, что очищаете внешность чаши и блюда, между тем как внутри они полны хищения и неправды... Так и вы: по наружности кажетесь людям праведными, а внутри исполнены лицемерия и беззакония». Зело свежо звучит, не правда ли? Нет, не стану плясать на костях тех власть имущих (впрочем, уже не имущих ее), каких нынче повязали за коррупцию. Не сетовать же – смешно! – на то, что в свое время в наших школах на стенах были развешаны цитаты из Маркса и Ленина, а не эти откровения из Писания...

А вот если бы будущие государственные мужи, которые сегодня еще в гимназии ходят, в продвинутые стрелялки играют и в соцсетях приколами юзят, писали сочинения не только по известной, набившей оскомину тематике! Нет, вовсе не призываю напрямую к библейским главам. Просто хочу, чтобы то, о чем пишет юная поросль, как-то освещало сияние Библии. Но для меня и она не догма. Почему и не конкурировать с ней? Вот такой странный я верующий. Еретик малость, инквизиции на меня нет. Но разве не может, например, стать событием сочинение – «В моей душе лежит сокровище, и ключ поручен только мне»? У Блока ведь сказано сие ничуть не слабее, чем что-либо в Писании, но разве мог бы создать эти строки безбожник?! Как и строчку А. Волохонского, вынесенную в заголовок раздела. Или Пушкин: «Истина сильнее царя!» Эти слова он дерзко бросил в лицо императору, добавив: «Так – в Библии». – «Таких слов нет в Писании!» – парировал просвещенный государь. «Нет – так должны быть!» – воскликнул поэт... А как вам вот это: «Я думаю о том и убеждаюсь в том, что Бог – любой из нас, из сыновей Адама!» Это обжигающее открытие принадлежит перу великого ирано-азербайджанского поэта И. Насими (1369–1417). Боюсь, 99 из 100 (если не 999 из 1000) нынешних школяров не слышали это имя. А за эти строки с поэта живьем содрали кожу. Сдирание оной, к счастью, мне не угрожает, хотя совсем не уверен, что наша церковь одобрит и сейчас это, считаю, великое откровение. Но я же не в угоду РПЦ все это пишу. Или такая тема: «Я буду жить с Богом в душе, веруя или не веруя». Думаю, и такой парадокс возможен...

Лет 30 назад меня потрясли эти строки: «...течет по жилам – боль моя и благо... все эр и эль святого языка». Но и это озарение поэта как тема никому не приходит в голову в нашей школе! Да и как придет? До сих пор – справился у соседки-учител-

ки – в программе нет ни Арсения Тарковского, ни этого великого его стихотворения «Словарь», которому уже 55 лет! Зато бесконечно долбят для ЕГЭ «Войну и мир», «Онегина» и «Горе от ума»... И последнее: «Бог есть свет!» Сдается мне, трудно возразить против такой интерпретации Божественного. А если привит свет душе человека, то «кто светел, тот и свят».

«Я ЖИВУ СЕРДЦЕМ»

Этой переписке, что нечаянно попала на глаза, уже десять лет. Завязалась она, еще когда я квартировал в «Моем мире», случайно и продолжалась недолго. Елена Ш. – самостоятельный художник, простая русская женщина и глубоко верующий человек. Настолько верующий и самоотреченный, что даже несколько напугала меня. Вернее, мы напугали друг друга. Мне даже показалось, что и в интернет она попала в какой-то машине времени – из прошлых веков («мои друзья не знают слова "флешка"»). Но выношу сию переписку на суд читателя. Чем-то этот диспут любопытен. Надеюсь, мне удалось сохранить паритет и не слишком рьяно настаивать на своей позиции... А началось с того, что она по фотографии вдруг написала мой портрет. Мне понравился. Конечно, от души поблагодарил ее и послал свою эссежку «Граничающая с Богом» – о художниках. Но неожиданно получил краткий ответ.

Е. Ш.: Прочла, но меня это совсем не тронуло, тем более там про поэтов.

В. А.: Да уж, Елена! Удивили. Надо было очень постараться, чтобы не разглядеть там живописцев. Наверное, прочитали только первый абзац. Там ведь все о художниках! А если упоминаю поэта Заболоцкого в тесной связи с живописью, то

неужели это называется «про поэтов»? Больше ничего не рекомендую. Мое почтение.

Е. Ш.: Простите, я действительно глянула только начало. Дело в том, что само название «Граничащая с Богом»... это как-то... страшно звучит для меня... Я боюсь это читать, т. к. боюсь возгордиться. Бог... его величие слишком огромно, я козявка по сравнению с ним. Я верю, что эссе очень хорошее. Но граничить с Богом... я точно не достойна. Не все художники от Бога. Иногда нашим пером враг руководит. Со мной так было. Не обижайтесь, пожалуйста, мне правда страшно читать этот материал... Вам, наверно, будет это трудно понять, у меня в последнее время поэтов мало друзей, люди просто не понимают меня... а я их.

В. А.: Вам не за что извиняться. Но Ваш запредельный страх и самоуничижение мне тоже трудно понять. Граничить с Богом – это для меня вовсе не означает даже на йоту зайти на его территорию. Кстати, это заглавие эссе я позаимствовал, чуть видоизменив, из строки своего земляка – поэта Виталия Крекова: «Наша бедность граничила с Богом...» Так Вас больше устроит? «Страшно читать...» Но если бы Вам удалось хотя бы приуменьшить это самоуничижение, может быть, легче было бы жить и легче с окружающими людьми? А то Ваши слова отдаленно напоминают мне старинный японский этикет, примерно так его выражают: «Примите этот ничтожный дар от ничтожнейшей из смертных, недостойной быть и камнем в вашем саду». Это Вам надо было написать на моем портрете вашей кисти. Нечто подобное я услышал от Вас в прошлом письме, но как-то по-детски, мне показалось. Боже упаси Вас обидеть. Доброго здоровья и приятных снов!

Е. Ш.: Мы, простые люди, не можем подойти близко к Богу... поймите меня правильно... Сказала, что читала, – простите, слукавила... Считайте меня японкой! Каждый худож-

ник и человек видит себя по-своему в этом мире. Кто-то о себе огромного мнения, кто-то – не очень, кто-то – японцы – ничтожного, и считают за честь об этом объявить. Поймите, истинное христианство подобно японскому мировоззрению, может, вам покажется это странным. Но я так считаю, и те немногие – и слава богу, много и не надо! – мои друзья во Христе такого же мнения. Ведь поймите меня правильно, прочитав ваше эссе, я могу подумать о себе, что чего-то стою... Но даже если это и так, то думать так – большой грех... что у меня якобы талант... Я просто делаю то, что мне нравится, и считаю свою маму талантливее себя: она так шикарно готовит картошку... а я простого не могу... Какой же я талант, да еще граничащий с Богом? И то, что я говорю как ребенок – спасибо, ибо Иисус сказал: «Обратитесь, будьте как дети, иначе не войдете в Царствие Божие...» Храни вас Господь! Я уверена, вы талантливый писатель... дай вам Бог, чтоб именно вы граничили с Богом. Но для этого надо много молиться, поститься... Я пока с ним не граничу... даже близко нет... Может, я пишу как ребенок, ну вот такая я, и слава богу, что вы увидели мой детский взгляд... Я не хочу быть взрослой и писать не умею... я пишу коряво, как думаю... Толстой же тоже был писателем мировых масштабов, но мы, христиане, его совсем не почитаем, а ведь талант!! Талант бывает разный: и темный, и светлый, и серый... Важно не забывать Бога, а кто к нему близко или нет, пусть Он решает... Сладких снов! Ангела-хранителя и Покров Божьей Матери...

В. Л.: Повторюсь, Вам не в чем извиняться. Вы такая, какая есть, и я не могу не уважать Ваше мировоззрение... Однако я тоже считаю себя христианином, но мне все же очень трудно воспринять Ваше. «Боюсь это прочесть, потому что могу подумать о себе нечто...» Вы давно сложившийся и талантливый человек. Честное слово, это не комплимент, это, несомненно,

так... И не мне Вас поучать. Считайте это просто наблюдением. Чего Вам, как мне кажется, не хватает? Улыбки, особенно улыбки над собой. Но Вы, кроме Божеской плетки над собой, ничего не признаете. Так мне видится... Неужели Вы пришли в этот мир только для того, чтобы повторять: «Ах как низка я и ничтожна»? Кстати, с чего Вы решили, что японцы о себе ничтожного мнения? То, о чем я поведал, всего лишь их этикет, форма вежливости, уважения к другому человеку. Это искусство, если хотите. И чем искуснее, изощренней японец себя уничижит перед другим человеком, тем он считается умнее и культурнее... А о самоиронии я не случайно сказал. Она ведь чем-то сродни самосечению. Только это, согласитесь, куда более жизнеутверждающе и веселей.

Е. Ш.: У всех людей разные точки зрения на мир, моя с вашей не совпадает... Было бы неинтересно жить, если бы все мыслили одинаково и были одинаковыми... Я не стремлюсь к тому, чтоб все меня любили и понимали, мне не нужны все. Есть люди, которые меня любят искренне, и мне этого вполне хватает... Между мной и вами есть различие. Вы читаете светскую литературу, новости, вращаетесь среди светских людей, так? Обсуждаете картины в эссе, которые я в глаза не видела... О чем мы можем говорить?! Я читаю Евангелие и малоизвестных авторов, слушаю наставления старцев – людей, не смотрящих телевизор, не читающих газет... Стараюсь молиться побольше, правда, не всегда получается. Мои друзья не знают слова «флешка», не читают романов, все, что они делают, – ездят по монастырям и молятся, я тоже скоро собираюсь в монастырь. А теперь вспомните ваших друзей. О чем мы спорим?! Мы с вами как две параллельные линии... Пусть будет так: в нынешнем безумном мире я выгляжу закомплексованной. Я вам скажу больше (по секрету): я все делаю не как все, и все, чего ждет от меня мир, я делаю наоборот. Я работаю

бесплатно, делаю для людей бесплатные вещи, живу очень скромно и стремлюсь к простоте. Для меня нет авторитетов, кроме Библии, и особенно Нового Завета... Я живу сердцем, понимаете?! Иногда даже сама себе не могу объяснить, почему я поступаю так или иначе... Просто знаю, что так надо. Благодарю в любом случае, что нашли время для ничтожнейшего из людей))) Спаси, Господи!!

В. Л.: Елена, клочки самоиронии (последняя фраза) и раньше («я японка») все же из Вас вытащил, и это радует. И где-то Вы сказали, что *пока* точно не граничите с Богом. Значит, подсознательно этого не исключаете... Елена, Вы сами надели на себя схиму ничтожной, я-то как раз так не считаю. А в чем-то я Вам завидую. Как Вы хорошо сказали: «Я живу сердцем». И Вы умны сердцем, сударыня! И Вы заронили во мне сомнение: если даже художник – милостью Божьей, то справедливо ли, не кощунственно ли говорить, что его творчество граничит с Богом?.. Кто нас рассудит? Не знаю. Но есть банальная древняя истина, утверждающая, что... истина лежит посередине. Осталось сказать, что я тоже глубоко благодарен Вам за эту переписку, за то, что вы нашли время для изуродованного цивилизацией индивида. 1:1? Еще раз спасибо. И спаси Вас Бог!

ПИСЬМО В ДНЕПР МАТЕРОМУ ПОЭТУ

Начну со стихотворения, подвигнувшего на это письмо.

Александр Твердохлеб

Бог умер давно, а земля еще крутится-вертится.
Кто вертит ее: царь, герой или это – вранье?
Мы изолгались, и самим себе просто не верится,
что так испоганили запросто время свое.
Такие мы боги на этой земле скоротечные,
то некогда нам, а то некуда время девать.
И хочется сеять «разумное, доброе, вечное», –
Да вот неохота копать и полоть, поливать.
И не развернуться, и нечего нам разворачивать,
мы все облажались, заелись, как свиньи, в грязи,
одни обожрались, кого-то уже выворачивает,
что там еще снова придумают в этой связи?
Такие мы твари на этой земле человеческие,
способные мыслить и зло на любимых срывать,
готовы, как вихри и встречные ветры беспечные,
других надувать и из искры пожар раздувать.
Морочили головы нам обезьянами Дарвина,
мозги забивали Минковским – Эйнштейном и Ко,
а в школьных программах всё формулы
нету Штайнмайера,
и это, ребята, нам всем пережить нелегко.
И все б ничего – ну, подумаешь, деток обидели
братки и марухи, народные, блин, паханы,
но где-то в степи затерялись и спят как убитые
убитые ими, зеленые спят пацаны.
Соври, дорогой, как история просит и требует,

ей сверху виднее, яснее и слышно зело...

А может, действительно, мальчики, в жизни нас не было,
і дійсно, можливо, що, мабуть, таких не було?

Саша, ты, на мой взгляд, один из самых талантливых русскоязычных поэтов на Украине. Если не самый. Об этом я уже имел удовольствие писать в одной из мини-эссешек, посвященных друзьям-поэтам. Естественно, ты получил только солидарные лайки и отклики на стих, который я привел. (Впрочем, стихи в фб обычно оценивают либо восторженно, либо никак.) Сильно и хлестко, конечно, как и все у тебя. Мастер, одно слово. Вообще, если есть поток и впечатление, это порой застит любые шероховатости, переборы и изъяны. Но... Если глянуть пристальней, то, сдается мне, изрядно ты там всего намешал. Тут и безбожие, и самобичевание, и похвала собственным добрым помыслам, и вскрытие пороков инших, и народные паханы, и пацаны, ими убиенные, и марухи, и философская концовка. Уф, боюсь, что-то еще упустил. На большую эпическую поэму хватило бы, щедрый ты наш! А к чему наряду с полезными какие-то сомнительно-необязательные имена затащил в строку? Впору сноски делать, а это занижает стих. Короче, в буквальном и переносном смысле стих получился какой-то расхристанный, на мой взгляд. Ничего страшного. Ну, захотел поэт до предела наполнить свой вирш волнующими его фактами, событиями и персонажами, имеет право. И на письмо я сподобился совсем не из-за этой задачи, попутно зацепилась...

А упор-то хочу сделать как раз на расхристанности твоего стиха в буквальном смысле. Крут ты, дружище, в развенчивании Всеvyšнего. Наверное, знаешь, что за это тебе ничего не будет.

На самом деле никто не знает, есть Бог или нет. А иногда просто говорят: какие-то высшие силы над нами существу-

ют... Дело даже не в том, верит человек, что душа его возлетит, или нет. Ты убежден, что нет. Так или иначе, строчно, междустрочно ли даешь понять это не в первый раз. И здесь начал с того, что Бога, неважно какого, похоронил. И в одном из своих ответных комментов это подчеркнул, даже не без некоторой бравады: «Для меня нет такой проблемы!» Знай наших. Но если верить только в то, что человек всего лишь некий кибер (кстати, кто-то же его создал!), начиненный костями, ливером, снабженный «пламенным мотором» и суперкомпьютером, не слишком надежно защищенными скелетом и черепной коробкой, то могу только соболезновать этой уверенности. Никогда не пойму: а зачем киберу искусство, которое порой заставляет его самого слезами облиться и трогает других людей? Этот ущербный млеко-мясо-травопитающий(-ся) агрегат из плоти и крови прекрасно может существовать и коптить небо долгий век, только удовлетворяя естественные потребности. В то же время уничтожить его или самоуничтожиться легче легкого. Разве не так? А скажи, на хрен ты кропаешь всю жизнь стихи, удовлетворившись в миру скромным учительством? На кой черт я надел эту схиму в 30 лет, после более чем успешного карьерного рывка, когда впереди, может быть, маячил «с таким умом – пост председателя в волисполкоме». Малюсенькая самоцитата: «И в этом раздвоенье личности век умудряюсь доживать...» А вот этот яркий сгусток всего-то восьми слов врезался мне в память смолоду: «Субстанция, которую облегает Ваше платье, имеет потрясающие очертания!» Не правда ли, весьма неординарен и чувственен сей комплимент для любой особи, киберницы, если хочешь, прекрасного полу? (За то, что прекрасен и мой неологизм, не ручаюсь.) Вычитал эту фразу когда-то у одного импортного фантаста, чуть подправив малую деталь. Но я о другом... Кто-то же придумал и создал эту совершенную и

так легко ранимую субстанцию, и интеллект, и эмоции, с помощью коих мы способны восхищаться ею и «мыслить и зло на любимых срывать», как ты справедливо заметил. Не Создатель?...Заканчиваю. Надеюсь, утомить не успел. Наверное, не сказал ничего уникального, но тут важен колорит... Дорогой Саша! Верю, что у тебя впереди еще многая творческая лета. А плодovitость твоя в поэзии просто поражает. Поистине: ни дня без строчки. О таланте говорил. И потому умоляю тебя: не стоит так свысока, если не вальяжно, относиться даже и к гипотетическому Творцу. Не забывай о тех, для кого Бог есть. Честное слово, у меня и мысли не было «лечить» тебя, седовласого матерого поэта. Но думаю, ты понимаешь, почему я имею право на это послание и спешу его довести до тебя. Да и никто иной тебе этого, боюсь, не скажет: для одних ты слишком матер, а другим просто «некогда заниматься этих глупостей»... Все, что наговорил, – это любя! Здоровья тебе! И новых стихов, в коих бы не иссякал *поток* и *впечатление*! А напоследок – улыбка из старой советской оперетты: «Все зависит полностью от Бога, несмотря на то что Бога нет!»

ЕСЛИ БОГ ВСЕМОГУЩ...

Странно: читать и писать каракулями научился очень рано, но в островках воспоминаний из нежного детства почему-то не сохранилось ни единого эпизода, где меня учили бы алфавиту, чтению. Сразу вижу себя выводящим на открытке пляшущими буквами какое-то поздравление маме. Не знаю, может, в утробе нечаянно обучился? А если серьезно, то, конечно, ничего в этом нет особо удивительного: на полочках памяти очень мало проявляется из происходившего до того, как ты начал-таки себя крепко помнить. Какие-то яркие

моменты с сильными эмоциями близких... Но вот хорошо уже помню, что в пять лет вдруг начал донимать свою матушку дурацким вопросом: а сколько лет я проживу? Она, конечно, не знала, что ответить, отнекивалась. Но я не отставал. Наконец, неосторожно уронила: ну, не знаю, лет восемьдесят... Так случилось, что мои бабушки-дедушки прожили несравненно меньше – я никого из них не застал на этом свете. И, наверное, мама – ей, прошедшей войну, было под сорок – решила, что эта цифра меня вполне устроит. А я разве что не заплакал: почему ж так мало? Тем более что брат – он на девять лет старше – как раз сообщил мне сногшибательную новость: окружающее нас пространство бесконечно, как и количество миров, в нем летящих! Лучше бы он этого не говорил. Как же так? Вселенная и жизнь в ней вечны, а я – нет?! Стал донимать брата: а вот если улететь дальше звезд на небе, что там? Пустота, отвечал он. А за ней? Скорее всего, другие звезды. А за ними?.. Но хотя если представить, что есть конец всех россыпей звезд, то что-то же должно быть и за тем концом! Возможно ли это постичь?.. Наверное, не случайно потом среди первых моих стихов оказались вот эти строки (фрагмент из «На катке»):

...Вплавленность всего земного в этот
Ниоткуда в никуда полет...
И тогда внезапно стихнет ветер,
А дорожка под коньком – замрет...
И становится безумно грустно –
Зябко ощущать, как никогда,
Найденность мерцающего чувства
В Хаосе Нетающего Льда.

Безутешен я до сих пор. И не из-за приближения возраста, названного мамой, который мне совсем уже не кажется не-

достаточным. Но по-прежнему верю и не верю в означенную бесконечность. Видимо, потому, что мозг ограничен черепной коробкой и, какое бы в нем ни было великое множество клеток, он безнадежно конечен. И как же конечное может примириться с беспредельностью? Средневековые схоласты задавались вопросом: если Бог всемогущ, то может ли Он создать такой камень, какой сам не сможет поднять? А здесь... Неужели Бог создал нечто такое, чего сам не может охватить? Или Вселенная – это и есть Бог? Всемогущий, посылающий нам малые толики своего необъятного мыслящего чувства!

ГАЙД-ПАРКОВАЯ
МОЗАИКА

СВОБОДУ ВИКТОРУ ПЕЛЕНЯГРЭ!

Некоторое время назад названного автора текста песни «Как упоительны в России вечера!» обвинили в криминале: якобы он украл строчку и настроение из стиха Юрия Влодова, ныне почившего. В свою очередь, последнего тоже упрекали в несамостоятельности каких-то строк. Но я убежден: нет на них никакой вины. Потому что оба – по гонимой памяти – следовали размеру, ритмике, ностальгическому настрою и лексическим рядам... Александра Сергеевича! Поэтому предлагаю полностью реабилитировать жизнерадостного Виктора Пеленягрэ и оставить в вечном покое Влодова. Ибо нельзя, невозможно украсть, позаимствовать у Пушкина все вышеперечисленные атрибуты стиха! Русские стихотворцы следуют им, стоя на плечах великих. А стихотворение Поэта, которое ставит все точки над *i*, названия не имеет. Оно начинается со строчки: «Зима. Что делать нам в деревне? Я встречаю...» В Сети его найдете с первого клика. Приведу навскидку только восемь строк оттуда:

Как жизнь, о боже мой, становится полна!
Сначала косвенно-внимательные взоры,
Потом слов несколько, потом и разговоры,
А там и дружный смех, и песни вечерком,
И вальсы резвые, и шепот за столом,
И взоры томные, и ветреные речи,
На узкой лестнице замедленные встречи;
И дева в сумерки выходит на крыльцо...

А теперь спойте это на мотив «Как упоительны...». Музыка – Александра Андреевича Добронравова. Уверяю, у вас без

труда получится, даже если медведь на ухо наступил. Слова совсем другие, но насколько все близко!

ДИАЛОГ С ТИТУЛОВАННЫМ ПИСАТЕЛЕМ, ШИРОКО ИЗВЕСТНЫМ В УЗКИХ КРУГАХ

Колебался – прежде чем обнародовать этот живописный мини-диспут с моим случайным оппонентом-литератором. Больно уж безнадежным ничтожеством я представлен в этом диспуте. А ведь, вестимо, «жалко себя немного, жалко бездомных собак». Но все же решил, что сам как-нибудь перетопчусь, зато моих читателей означенный диспут может позабавить. А сей писатель поспешил забанить (заблокировать наглухо) меня сразу после отправки своей «уничтожилки» № 1, на коей еще остановлюсь. Но вскоре я понял, что своим скоропостижным баном он оказал мне неоценимую услугу, ибо, боюсь, я мог бы не удержаться и ответить его же низкопробной монетой. Итак, по порядку... Когда-то попросился ко мне во френды один столичный писатель, журналист и художник – так он себя рекомендовал. Владимир Крымский. Не знаю, как насчет известности и таланта ничего об этом творце не слышал, и интернет не помог: необъятна Первопрестольная и круг писателей в оной. Но мой герой указывает о себе, что состоит едва ли не во всех московских и российских писательских союзах, служит секретарем правления одного из них и попутно – главным редактором (непонятно только чего. – В. Л.) в Союзе писателей России! Да еще член Литературной палаты РФ, о существовании которой я, грешным делом, и не подозревал. Ну как было не принять такого профи в друзья! Какой-то чудовищный прокол, парадокс интернета, что не дает ни единой ссылки на столь остепененного

столичного писателя, а на такого посредственного провинциального литератора, как ваш покорный слуга, сразу выдает несколько тысяч ссылок. За несколько лет т. н. френдшипа в фб мы почти не общались, если не считать пары случайных лайков или мини-комментов. Но вот этот его пост мне показался интересным.

В. Крымский:

Сейчас долго читал ленту новостей, и меня то распирало от гордости за друзей, их столько умных, талантливых и красивых во всех смыслах, будто перечитывал классическую литературу мира, в которой лучшими являются мои друзья, думал, лопну от гордости за вас, то проникался огромной жалостью к себе, видя себя перед вами маленьким, неуверенным, но спасибо, что вы есть...

(Ну, пусть не 500 одобрений, как у некоторых медийных персон – любимцев публики фб, но совсем без внимания сей пост не остался, пару десятков лайков собрал. Я тоже оценил этот душевный порыв и высокий слог обращения к друзьям – самым что ни на есть положительным лайком. Однако ж одновременно меня немножко «улыбнула» вторая часть поста – «беспощадное самоуничужение» писателя, увенчанного вышеперечисленными титулами, перед теми же друзьями-почитателями. И я на правах не вовсе бессловесного друга прокомментировал это шуткой вполне, виделось мне, дружественной.)

В. Лопушной:

Этикет самоуничужения придумали японцы. Примерно в таком духе: «Примите этот ничтожный дар от никчемнейшего из смертных, недостойного быть и камнем в Вашем саду...» Вы, Владимир, подобный этикет тоже неплохо соблюдаете...

(Кто-то успел лайкнуть этот мой коммент. И остается только гадать: что же так взорвало автора поста? Но он, не глядя на мой лайк к посту и смайлик к комменту (впрочем, и без смайлика это, сдается мне, невозможно было принять всерьез), вдруг отвечает, мягко говоря, неадекватно. Боюсь, он вообще не понял, что моя реплика-шутка ничем его авторитету не угрожает. И самое страшное, чего заслуживает, это ответной шутки. Но куда там! Даже не попытавшись въехать, он на всяк случай сразу нажал на клаксоны.)

В. Крымский:

А Вы тупица и ничтожество, Вячеслав, но фамилия не соответствует, больше идиоту подходит, при этом называете себя писателем почему-то и пролезли как-то ко мне в друзья. В бан...

(Такая деталь: в друзья я «пролез» как раз по приглашению визави... Как ни странно, желающих лайкнуть эту тираду, названную мною «уничтожилкой» № 1, не оказалось. Уж сколько раз твердили миру: «Юпитер, ты сердисься? Значит, ты не прав!» Зато как обворожительно и аристократично заглавное «Вы» и вежливая форма глаголов смотрятся тут на фоне остального... джентльменского набора лексики! Помоему, Гашек со своим «вы скотина, Швейк!» здесь просто отдыхает. Но тут же я, как уже сказал, был заблокирован по всем параметрам. И все-таки позже нашел способ зайти как бесстрастный наблюдатель и прочитать любопытное продолжение этой занимательной дискуссии, что шла в одни ворота. Поскольку я был уже достаточно остывший, зашел вовсе не для того, чтобы провести среди оппонента ликбез о сомнительности и ущербности фамилии Крымский или ответить: «Сам ты...» – из того же красочного ряда, что он обрушил на меня. Да и не имел я, забаненный-безголосый, уже возможности

сказать что-либо от своего имени! Не подставлять же друга, любезно уступившего мне на полчаса свой аккаунт. К тому же, видит бог, подобные выпады вообще не в моих правилах. Просто почувствовал, что богемный автор пока не исчерпал своей «души прекрасные порывы» и увижу еще что-то занятное. Ожидания меня не обманули. Благородный писатель не успокоился, а продолжил фонтанировать такими же тонкими филиппиками в мой адрес. Ему помогала и утешала как могла (правда, гораздо более сдержанно) парочка наиболее преданных почитателей. Нет нужды загружать читателя их именами. А их пространственные комменты даю в сокращении. Ответы витии привожу полностью.)

Почитатель:

...Не помню, чтобы кто-то так мастерски читал стихи в полный голос... Мало кто так тонко чувствует литературу и понимает, как ты... Племя романтиков редет... Относись ко всему философски, как дворянин после победы быдла.

В. Крымский:

Спасибо, дорогой, этим «лопушным» из холуйского племени не понять светлого порыва, они выросли в канализации, они все шапки меряют по своей пустой голове.

(Вот таковой оказалась «уничтожилка» № 2. Уже я разжалован в строчные буквы в уничижительном множественном числе. Поразительно, как много сей индивид знает про меня! В каком – самом низком! – племени состою, в каких канавах вырос и насколько торричеллиевопустотна моя голова! Вероятно, он очень внимательно читал все это в википедии...

Но вот наш страдалец дождался заключительного – женского – комплимента, ради которого, может быть, и замышлялся означенный пост.)

Почитательница:

Да ладно вам скромничать, я, например, очень рада общению с таким продвинутым человеком, как вы!

В. Крымский (видимо, зардевшись. – В. Л.):

Спасибо, это длинная тема, но все равно я благодарен Вам.

Что сказать в заключение? Конечно, нельзя не отдать должное изысканному, несомненно дворянскому, воспитанию моего героя, богатому словарю продвинутого автора со столь внушительными регалиями. А на каком завидном уровне ума и сердца дискутирует этот инженер человеческих душ! Можно только порадоваться, что среди «умных, талантливых и красивых во всех смыслах» друзей этого секретаря правления писательского союза и главреда не знаю чего нашелся всего один – дурную траву с поля вон! – жалкий, ничтожный и ни разу не продвинутый, перед которым он может не проникаться «огромной жалостью к себе, видя себя маленьким, неуверенным», а совсем даже наоборот – мгновенно преобразившись, ощущать себя гигантом мысли и таланта...

Мне остается только пожелать сему гиганту здоровья и успеха в столь многогранной деятельности. Впрочем, не уверен в легитимности тут последнего слова. Вспоминаю чей-то занятный каламбур: в столичном Литинституте учатся и даже заканчивают его – явления, личности, деятели и мастодонты. К какой категории отнести моего бывшего френда, пусть решает читатель.

ПОЛИТПРОСВЕТ ОТ БЫВШЕГО МЭТРА СОВЕТСКОЙ ПОЭЗИИ

У меня немало постов было в фб, связанных с политическими событиями. Но книжка сия все же вещь художественная. Поэтому включил сюда только этот единственный сюжет с политической окраской. Показалось, что не вредны здесь будут и комменты двух российских поэтесс, оппонента, а также другого русскоязычного писателя, давно перебравшегося за кордон. Так сказать, политпросвет с литературным уклоном.

Есть у меня во френдах небезызвестные литераторы из бывшей союзной республики, пишущие на русском, но проживающие ныне за океаном. Когда они публикуют в фб свои произведения, чаще всего искренне ставлю лайки. Но если постят что-нибудь о современной политике – мрак... Одни рьяно защищают нынешнюю украинскую власть и Запад, не видя там никаких изъянов и преступлений, находя то и другое только в действиях моей страны и вещании ее СМИ. Другие не сомневаются с первого дня катастрофы, что пассажирский боинг над Донбассом сбила Россия. И плевать, что концы с концами не сходятся, что даже не обнародована запись переговоров с боингом украинского диспетчера, а сам он загадочно исчез. Конечно, это устроил Путин, его варварский режим. Кто больше-то? Я простодушно спросил у одного несомневающегося: откуда у него столько ненависти к России? Он ответил, что посвятил почти всю жизнь русской литературе и потому мои «подозрения» несостоятельны, он просто не приемлет, не выносит режим Путина. Что ж, имеет право... Ну, меня, у кого отец был коренным украинцем, тоже глупо подозревать в ненависти к Украине. Что касается Запада, особенно США, то поймал себя на мыслях и чувствах, чем-то схожих с мыслями своего собеседника. Ценю американскую музыкальную куль-

туру, люблю Синатру, Пресли, Армстронга, имена мог бы еще перечислять. К простым американцам также отношусь весьма дружелюбно, встречался с ними. Но вот беда. Глубоко не приемлю имперское ханжество, обамовскую-обмановскую политику, как мои визави – путинскую. Иногда хочется в сердцах обуглить их: продались, мол, приютившей вас американщине, злобные космополиты! Но стоит ли до этого опускаться, тем более что они вовсе не такие уж и злобные? Так кто же из нас прав? Скорее всего, истина, как всегда, где-то посередине. Что же мешает нам это признать? Мне, наверное, патриотические чувства. Естественно, мне они кажутся праведными, хотя вопросы к своим властям есть. Не берусь судить, что мешает моему коллективному оппоненту. Однако никаких вопросов к властям Украины или США у него нет. Полный одобрямс. Но если со слухом, глазами и памятью у него нет патологических проблем, то, как умный человек, он тоже должен понимать ущербность или односторонность некоторых своих посылок. И если мы сапиенсы, то надо как-то двигаться навстречу. А то, гляжу, в фб все превратились в строителей Вавилонской башни, в упор не понимающих язык друг друга. Как и страны...

Э. Аكوпова:

А чем он им не угодил, режим-то этот самый, не пойму? Что в нем такого режимного, хочется задать вопрос либероидам...

Чего им недостает? Что именно так поперек души? Им кто-то жить мешает или ущемляет в чем? Что конкретно он им плохого сделал? Их уволили, убили, посадили, денег не дали, выслали, отобрали что-нибудь? Чем именно недовольны? Прошу изложить.

Глупые, жалкие твари. Не жили они при режимах. А жаль. Я никому плохого не желаю. Но одного хотелось бы – дать им пожить при «режиме». Вот бы запели!

А ведь провидение, как говорил Дефо, всякий раз может совершить обмен, чтобы показать, как мы были счастливы до сих пор... И аминь, господа.

В. Лопушной:

А это, Нора, все же, наверное, патология: не знают за что, но никогда не простят...

С. Крылова:

Вячеслав... словно не Вы писали этот пост, а я сама. Чувствую то же самое.

Б. Кенжеев:

Действительно, не понимаем мы друг друга, дорогой Вячеслав. И хотя мне не хотелось бы отзываться на запись, где меня с лету именуют «небезызвестным» «из бывшей советской республики», да к тому же «перебравшимся за океан», но ради справедливости отмечу, что об Америке и ейной политике (в которой мне многое не по душе) я не писал в фб ни разу. Ну просто ни разу. И о Западе тоже. (За исключением замечаний ликбезовского характера, то бишь про быт и нравы.)

С. Крылова:

Уважаемый Бахыт, а я вот о вас в этом посте не услышала... О своем подумала. У меня тоже есть заокеанский друг, который стал неузнаваем. Вдруг. Словно подменили человека. Вавилон налицо, в этом Вячеслав прав. И если мы еще умеем слышать, то должны понять друг друга.

Б. Кенжеев:

Всякое бывает, Светлана, увы.

В. Лопушной:

Дорогой Бахыт, если бы я хоть чуточку желал кого-то «заклеймить», то назвал бы имя. Но, видит бог, ни сном, ни духом. Оппонент мой здесь – умный, талантливый, из бывшей союзной, перебравшийся или нет, но несколько переродившийся и видящий-слышащий очень однобоко – образ собира-

тельный. И при всем уважении к Вашему таланту Вы у меня не вовсе один такой френд. Но если Вы пожелали узнать именно себя и настаиваете на своем «праве первой ночи», то примите мои заверения в совершеннейшем к Вам почтении. Однако суть-то моего поста как раз в том, что заметила и заострила Светлана и что Вы не очень захотели услышать, парируя ту часть деталей, в которых «Вы вовсе не Вы». Здоровья Вам и новых творческих высот!

С. Крылова:

Бахыт, как настоящий поэт, сразу принимает огонь на себя!

Твержу себе: нельзя, невыносимо
Воспринимать так остро и ранимо...
Все стрелы, даже пущенные мимо. (с)

М. Spivak:

Вячеслав, клеймят американцы своего Обаму на чем свет стоит. Не меньше, чем россияне – пу-тинскую власть. Никакого полного одобрямса нет. А срабатывает, думаю, такой же эффект, как некогда был в Союзе. Когда очередное африканское племя объявляло о взятом курсе на постройку социализма, то уж СССР им и братскую помощь начинал оказывать, и плотину строить, и карательную систему отлаживать. Я не сравниваю Украину с африканскими племенами, но хочу сказать, что сегодня в мире достаточно кому угодно – хоть сирийским бандформированиям – произнести заклинание «демократические выборы»... и тут же на них манна небесная из-за океана сыплется. Как США демонируются российскими СМИ, так и Россия демонируется в обратную сторону. Кажется, из школьного курса физики $F = -F$ ... А реальность, действительно, где-то между этими крайними точками неприятия.

В. Лопушной:

Это понятно, Михаил, что клеймят. Однако ж лидеры Запада и их СМИ тоже понятно, чей заказ отрабатывают. А правда, конечно, не одна-единственная, и вменяемые люди это понимают. Одна она только для наших либералов, и известно, где лежит. И больше ничего они слышать не хотят. Потому и стал фб Вавилонской башней. Было бы смешно, когда бы...

БЫЛОЕ.
НЕСКОЛЬКО МЕМУАРНОЕ

«И ЛИШЬ ЛЮБОВЬ ПРЕКРАСНЕЙ ДОБРОТЫ»

Долго не решался на эти откровенные заметки... Как-то упоминал, что в последней пятилетке прошлого века и первой – нынешнего очень сдружился с питомцами детдома г. Юрги. Этим я обязан дружбе с Тамарой Рубцовой, светлая память, чью строчку вынес в заголовок, – замечательной кузбасской поэтессой, учителем детского дома Юрги и наставницей тамошней литстудии «Свеча», прославившейся своими юными талантами на всю Россию. У нее самой было сильное перо, неотрывное от православия, глубокой веры, что, конечно же, заслуживает отдельного разговора. Здесь приведу пару фрагментов.

Можжевельник, сизый от росы,
На ладони нежностью исходит.
В небе справедливости Весы
Равновесье медленно находят.
Стынут звезды ясные Стожар.
Может быть, они меня научат,
Как пройти по лезвию ножа,
Ближнего и дальнего не муча.
Как подняться выше всех обид,
Вечность жизни ощутив счастливо.
Боже, научи меня любить
Радостно, светло и справедливо.

Пробьюсь сквозь оболочку суеты
В мир, где нет ни злобы, ни коварства,
Где доброта лишь вечное лекарство,
И лишь любовь прекрасней доброты...

А надоумил меня туда съездить в первый раз мой крестный отец в поэзии Валентин Махалов. Съезди, говорит, не пожалеешь. И, может, чем-то юным стихотворцам поможешь... Забегая вперед, скажу, что моей душе и творчеству эти встречи дали наверняка больше, чем мое участие – детям. Я как раз тогда стал новоиспеченным членом СПР. Не могу не сделать тут отступление... Кое-кто посчитал это неким авансом мне. Подумаешь, два сборничка. Но, так или иначе, писательский аванс, если он был, я отработал с лихвой в десятилетку от своих пятидесяти до шестидесяти... Дело прошлое, ни на кого обид не держу. Но из песни слова не выкинешь. Пара-тройка наших аксакалов вообще считали, что «биз-не-смэн», мать его, да еще уронивший первые строки в 27 лет, априори не может написать что-то путное. Один из них (не буду называть известного у нас поэта и тревожить его вечный сон) даже прочел мне нечто вроде публичной лекции о вреде денег для творца. Ревновал меня и к детдому: ну зачем он мне, если не для пиара, верно? Недоумевал: как со мной мог близко подружиться (бывал у меня дома) знаменитый кузбасский, а затем видный российский писатель, переехавший в столицу, Гарий Немченко? А просто познакомились в самолете Москва – Кемерово и проговорили 4 часа, не сомкнув глаз. Однажды я буквально украл Гария у этого маститого и увез писателя в Юргу на встречу с питомцами литсудии... Кстати, не очень-то корректно было называть меня бизнесменом в эти лихие девяностые. Да, я ушел с уважаемой, но переставшей достойно кормить должности главного инженера проектов. Рискнул и удачно проработал несколько лет на «богатенького дядю». А затем, уже близко к своей первородной профессии, служил до самого пенсионера гораздо надежнее – исполнительным директором акционерного общества – заказчика строительства крупного объекта. Упоминаю об этом еще и потому, что имен-

но эта работа позволила мне часто приезжать на своем джипе в Юргу к юным друзьям и чем-то помогать им, где-то манкируя, грешен, своими директорскими обязанностями, а где-то используя их. Но уж такой грех мне точно простится. Короче, как и написал в одном стихе, мне «и в ненастные годы шла масть, чтобы вкусное в клювики детские класть» И не только в клювики своих деток... Пора вернуться к детдому. Как-то раз привез апельсины на предновогодний обед в детдом – столько, чтобы хватило каждому. Это был порыв: неудержимо захотелось чем-то полакомить детей убогого тогда приюта. Но надеюсь, чем-то другим запомнился ребятам. Вспоминаю несколько своеобразных уроков литературы, которые позволила мне дать Тамара в детдоме по моему собственному разумению. Прежде всего мне хотелось познакомить детей с богатством самых разнообразных словарей русского. Начал с абсолютно гениального, на мой взгляд, стихотворения Арсения Тарковского «Словарь», так и не вошедшего (до сих пор!) в школьные хрестоматии: «...бессмертен я, пока течет по жилам – боль моя и благо... все эр и эль святого языка». Счастливо и навсегда захлебнулся этим стихом еще в 80-х. А когда впервые попал на занятие литстудии, попросил ребят впредь не только читать свои стихи, но и снабжать ими (переписанными или отпечатанными) остальных. Мне так кажется, что чтец может и обмануть иногда слушателя. Вспомните, разве можно было не поверить хоть единому слову стихотворца-импровизатора из пушкинских «Маленьких трагедий»?! Но когда стихи и перед глазами, впечатление полное. А однажды случилось вот что. Тамара мне говорит, что в меня, разменявшего шестой десяток, вдребезги влюбилась ее совсем уж юная студийка. Ей-бо, не думаю, что этому послужили какие-то особые мои достоинства. Просто я стал для этой юной поросли все же не дяденькой с подарками, а другом-поэтом.

А влюбленность... Что ж, случилось, и не раз, такое с девочками в возрасте нимфеток. Что я мог сделать? Написал стихи, вот фрагмент:

...Может, ненастья сдую,
Душу твою любя?
В маковку я целую
Зябнущую тебя.
Бог подарил мне слово,
Что и тебе сродни.
Свечку затеплю снова:
Боже, тебя храни!
Этой молитвы лучик
Будет с тобой и впредь...
Можно писать и круче.
Лучше – сильнее греть!

В общем, совместными с Тамарой усилиями девочку мы успокоили. Вскоре я зашел в наш КДЛ. Встретил Махалова. Сыграли в шахматы, он проиграл, расстроился. Валентин вообще не любил проигрывать (а кто любит?). А у него когда-то был первый разряд не только по шахматам, но и по лыжам и гиревому спорту. Он был старше меня почти на 13 лет, но я уже давно стал на «ты» с крестным. Он так пожелал, кичливым никогда не был. И тут Валя вдруг спрашивает: «Славка, а правда, будто ты сказал, что я свой талант поэта пропил?» Я ему: «Какой гад это придумал, да еще "переносить горазд"? Нам всем до тебя как до Луны! А вот в шахматы ты, точно, подзевывать стал. Раньше я у тебя только по большим праздникам выигрывал... Лучше прочти свежий мой стих». Он начал читать вслух. И вдруг всхлипнул – над «маковкой»! Дорогого стоило от мэтра...

Вот так, говоря стихом Рубцовой, я пробивался «сквозь оболочку суеты в мир, где нет ни злобы, ни коварства». И низкий ей поклон. Думаю, она меня слышит... А напоследок о том, что меня неразрывно сроднило с этим детским домом. Как-то Тамара мне рассказывает: «Ты бы видел, как ребятишки кормят бродячих собак. Эти псины точно в питомнике приходят на обед». И прочитала пару строк, что-то наподобие: «детдомовские детки несут свои котлетки...» Пока, мол, не складывается стих. А я вдруг почувствовал что-то неладное в груди. Тамарочка, говорю, уступи мне, будь ласка, эти две строчки и этот сюжет. О чем разговор, тут же согласилась она, ведь ни сюжета, ни стиха еще нет. Пиши, конечно... По дороге домой я несколько раз останавливал машину, чтобы записать пришедшие строчки. А через несколько дней редактор «Комсомольца Кузбасса» Женя Богданов уже поставил их в номер.

Тамаре Рубцовой

Вокруг двора детдома,
Как возле всех жилищ,
Собаки с лаем злобным
Большим гуртом вились.
Оголодали псины,
Как все, несли урон.
А нищая Россия
Глядела из окон.
Но вот в тумане мгlistом
Ватага из дверей –
Вихрастых, голосистых
Детдомовских детей.
Псы вдруг на них – стрелою!
Порвут... Но встали в ряд,

Как лист перед травой,
И ну лизать ребят!
Всей шкурою косматой
Дворняжке естество
Узрело в сорванятах
Какое-то родство.
И от худых котлетин
Гурьбою отдают
Что могут наши дети,
Убогий наш приют.
Разделены опять мы
На хижины, дворцы?
О Русь, тебя не вспять ли
Вновь тянут под уздцы?
В дуге орел двуглавый,
И триколор из лент,
И бубенцы державы,
Которой больше нет.
Но гимны и мессии,
Нет, не помогут нам.
А поднимать Россию –
Вот этим пацанам!

Последний раз был в Юрге около десяти лет назад на вечере памяти Тамары. Увы, я теперь совсем невыездной. Но с моими знакомыми юргинцами всегда очень тепло встречаемся. А некоторые из студийцев приняты в СПР... Напоследок хочу вернуться к заключительной строчке ее строфы, что вынес в заголовок. Здесь мне слышится переключка с пушкинскими строками. Если доброта ее – это светлая музыка души, то уступает она только высшей музыке – любви. В нашем случае – спасающей любви Тамары к этим детям.

И СЛУХ О НЕЙ ПРОЙДЕТ ПО ВСЕЙ ЗЕМЛЕ ВЕЛИКОЙ

(предисловие к повести Т. Черемновой)

Прочтя ее книгу, сразу понял: и у самого сурового мужчины зашиплет в глазах от этой горькой и... жизнеутверждающей повести. Убежден, она в любой стране будет иметь успех: на английском, итальянском, китайском ли, ибо найдет отклик в душах людей, которые везде ведь чувствуют одинаково... Российская писательница Тамара Черемнова живет, как сказал бы Поэт, «во глубине сибирских руд» – в Кузбассе. Мы земляки и в дружбе, коей горжусь. Она родилась в 1955 г., инвалид детства, страдает тяжелейшей формой ДЦП. Автор семи книг, член Союза писателей России. Пишет в основном для детей – рассказы и сказки. В 2011 г. она стала лауреатом в номинации «Малая проза» Международного фестиваля литературы и искусства в Германии «Русский Stil». Я участвовал в том фестивале очно. И попросил организаторов доверить ее награды мне, как соседу по области, хотя ничего тогда о Тамаре не знал. Мне, естественно, не отказали, тем более что рассылкой призов оргкомитет не занимался... В родных пенатах устроили ей праздник. Вручил награды. Передал, как высоко отозвалась известная писательница Мария Арбатова, член жюри, о ее произведениях, а в одном из крупнейших магазинов Москвы успешно продается ее автобиографическая повесть «Трава, пробившая асфальт», что сейчас перед читателем. Сказал, что преклоняюсь перед стойкостью, жизненным и гражданским подвигом этой, казалось бы, беспомощной женщины, какой Господь дал неизбывную мощь характера, самобытный интеллект и, как говаривали в старину, тонкую душевную организацию... Замечу: большую часть

жизни она – всей своей великой немощью – боролась с «ветряными мельницами» нашей медицины за отмену клейма, поставленного ей больше полувека назад: «олигофрения в стадии дебильности». По сути, это был смертный приговор человеку как личности, который никто не желал отменить, даже когда у Тамары вышли из печати книги... И она победила! Ведь немало и хороших людей встретилось, разглядевших в ней талант, и просто отзывчивых человеков. Вообще, это поразительно. Даже в электронной почте она пишет на идеальном русском языке. Уж не говорю о том, каких физических усилий и ухищрений стоят ей эти писания, работа с компьютером. И это человек, не имеющий за плечами ни одного формального класса начальной школы, образовавший себя сам – в психоневрологических интернатах и инвалидных наших «санаториях». Теперь понимаю, почему она закончила свое потрясающее повествование словами: «Жизнь удалась!» Статья о Т. Черемновой есть в англоязычной версии всемирной википедии. Надеюсь, и русскоязычная скоро удостоит. В 2018 г. ВВС включило ее имя в список 100 самых выдающихся женщин мира... Мне кажется уместным здесь чуть перефразировать великого Пушкина. И это тот случай, когда дух Поэта не обидится за такой парафраз.

И слух о ней пройдет по всей земле великой,
И назовет ее всяк сущий в ней язык!

P. S. Кажется, мое предсказание в последних строках предисловия начинает сбываться. Я загорелся идеей перевести повесть Черемновой на английский язык и издать ее за рубежом. Все очень непросто, конечно. Когда я обратился в несколько маститых фирм, которые занимаются переводами художественной литературы, они выкатили цены от 0,5 до

1 млн руб. Но свет не без добрых и отзывчивых людей. Мою подругу, поэтессу из Нью-Йорка Альбину фон Кликс (героиню одной из эссешек этой книги) потрясла эта повесть, и она взялась за перевод безвозмездно. И ей так же бескорыстно помогают носители языка – муж Жак фон Кликс и подруга Шерри Вольф. А надо заметить, что Альбина родом из простой крымской семьи, но уже 40 лет живет в англоязычной среде, филолог. Так что ни с какой стороны проблем с переводом у нее не будет. Очень надеюсь на помощь и других друзей. И тогда в следующем году (в 2021-м) у книги большие шансы на издание в США и в Лондоне. А далее... Нутром чую: книгу ждет международный Букер, если не Нобелевка. Слава Богу, Он слышит нас.

МОЯ ВСТРЕЧА С ПАПОЙ РИМСКИМ

Между прочим, римскому папству почти столько же лет, сколько прошло от Рождества Христова! Читатели мои знают, что с Александром Блоком я разговаривал по телефону, встречался и беседовал с Сергеем Есениным и Игорем Северяниным. Об этом отчитывался в фб и не только. И вот теперь Папа Франциск, знаковая фигура совсем из другого ряда. К чему бы это? Причем сначала я позвонил ему и сообщил, что невъездной по здоровью и не смогу приехать в Ватикан. Он ответил, что приедет ко мне сам. И вот... Большое стечение народа. Мы сидим с ним по-светски на сцене за столом, а я перевожу ему вопросы, которые задают собравшиеся в зале. Честно сказать, очень волновался и не опишу все детали. Но помню, что речь сначала шла о политике, почему-то об импичментах Трампа и Путина. Я заметил, что со вторым просто не может такого быть, потому что не может быть никогда! Еще

Папа сказал, что будь его воля, то, положи руку на сердце, дай бы автономию и Венеции, и Каталонии, и Донбассу. О последнем он добавил, что нельзя, невозможно силой загнать сепаратистов в единое государство или оставить в оном, если сие государство их никоим образом не устраивает. Еще он говорил о том, как важно молодежи учиться, а не прожигать свои дни в пьянстве и наркозависимости. Он не побоялся признаться, что в молодости работал даже вышибалой в ночном клубе, чтобы заработать на учебу. Вот так в жизни бывает: от вышибалы до святого явления дистанция меньше мгновения! Объяснил Папа и почему недавно внес изменение в текст молитвы «Отче наш». Там было: «...и не введи нас в искушение...» Это могло создать предположение, что Всевышний может кого-то подтолкнуть к искушению. Никоим образом! Теперь этот фрагмент звучит так: «...и не дай нам поддасться искушению...» А говоря о хлебе насущном, он с горечью посоветовал, что гораздо больше половины населения Земли, по сути, бедствует. И был бы счастлив, если б удалось накормить всех голодных. Вспомнил и библейское: «Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай деньги нищим; и будешь иметь сокровище на небесах...» Ну, это ему по сану положены такие проповеди. Что-то оживления это не вызвало у собравшихся. Честно сказать, у меня никогда этот призыв не вызывал энтузиазма. Совершенным быть – да, хоть это и недостижимо, а продать и раздать – не-а... А теперь и продавать-то нечего – не квартиру же, в которой доживаем век с женой. Абрамовичи, Дерипаски, Сечины и иже с ними тоже не раздадут и вряд ли сподобятся. Кстати, я тут прикинул: если 8 трлн суммарного богатства супертолстосумов поделить между жителями планеты, то выйдет чуть больше тыщи на каждого. И тут бесперспективно «отнять и поделить»... Гораздо больше пришла по душе народу неожиданно при-

веденная Папой восточная мусульманская мудрость: «Чтобы дотянуться до хлеба, можно наступить и на Коран. Но нельзя наступать на хлеб, для того чтобы достать Коран!» А вот это как неожиданно: «В рай попадет атеист, живущий по совести, а двуличный католик – никогда!» И вот это я не мог не записать: «Отриньте необходимость производить впечатление; это бессмысленно, ибо ценность жизни определяется не успехом и не одобрением других, а тем, что находится внутри нас». Батюшки мои! Надо срочно дать Папе стихи Б. Пастернака: «Позорно, ничего не знача, быть притчей на устах у всех». Это ведь о том же! А кому-то сейчас прикольно – быть такой притчей...

В общем, ничего мужик оказался: не заносчивый, доступный. Хотя скучноват, когда вольно или невольно свои садовые обязанности начинает исполнять. Блок и Северянин были, конечно, интереснее для меня. На прощание я просто посчитал себя обязанным поцеловать руку понтифика... Но тут воспоминание мое обрывается. Жаль, что-то он ведь хотел еще мне сказать. Простите за некоторый сумбур. Но так все и было.

Я ПЕЛ ДУЭТОМ С САМОЙ РАДОЙ ВОЛШАНИНОВОЙ!

Наяву... Дочь Рады Калинка Волшанинова показала ей мой пост о ней как о выдающейся цыганке. Одна из самых знаменитых цыганок Советского Союза была необыкновенно тронута этим постом, горячими откликами, тем, что ее поныне помнят и любят в России. Очень ее впечатлил и наш с М. Царегородцевой романс. И вот на днях Рада позвонила мне из Майами, где живет с дочерью. Тепло поблагодарила за

пост и сказала, что хочет записать мой роман: она и теперь выходит на сцену с ансамблем VIA Roman. А я поведал ей, как мы с женой когда-то затерли до дыр и перепели под мою семиструнку почти всю пластинку «Рада и Николай Волшаниновы». Одуревши в доску, предложил Раде спеть со мной, хоть куплетик из романа. И мы запели в виртуале мой любимый – старинный цыганский.

Луны волшебной полосы
Нам льются с высоты.
Давай споем в два голоса
Ту песню, что любишь ты.
Сядь поближе, гитару настрой.
Будут плакать волшебные струны.
Мы одни в этой тьме голубой,
И мы сердцем так радостно юны...

Мне осталось только спеть дуэтом с Монсеррат Кабалье!

ЗАКОН НЬЮТОНА – ЛОПУШНОГО

С физикой у меня всегда были теплые отношения. Когда-то в своей эссешке, надеюсь, доказал, что основные положения теории относительности открыл и первым обнаружил вовсе не Эйнштейн, а Александр Блок – в стихе, конечно. Кому любопытно, тот найдет эту эссешку – «Ночью я позвонил Александру Блоку» – на моем сайте... А сейчас хочу замахнуться на Исаака, сами понимаете, Ньютона. В далекой юности внутри его 1-го закона я открыл свой закон. Боже упаси, не собирался спорить с Исаак Исаакычем и отбирать у него приоритет. Только взаимодействие физических тел рас-

пространил на живые души. Очеловечил. Мой одушевленный закон зазвучал так:

«Каждая душа пребывает в состоянии относительного покоя или безмятежного прямолинейного движения, пока другая душа не побудит ее изменить это состояние».

Престарелую физичку не очень впечатлило мое прозрение. А русачке вообще показывать не стал. Что она могла мне сказать, кроме: «Ты лучше правила назубок учи и к сочинению готовься – "Онегин – умная ненужность"». Не любил то и другое. Разумеется, мне в то время и в голову не приходило запатентовать закон. Ну, какой там? 9-й класс, 61-й год. И лишь в 90-х у меня случились вот эти строчки, непостижимо связанные с моим открытием:

И, сединою убеленному,
Нести мне до последних дней
Нечаянно приобретенную
Тревогу на душе моей!

Нет, не случайно пришел сей образ. Это звучало как напоминание... Что ж, думаю, и теперь еще не поздно предъявить свои авторские права! Начну с фейсбука, поскольку о защите таковых всего, что публикую на своей странице, объявлял здесь ранее.

Итак, настоящим заявляю, что вместе Исааком Ньютоном являюсь соавтором закона Ньютона – Лопушного. Формулировка приведена выше. С подлинным верно!

ПОЧТИ ВСЮ ЖИЗНЬ Я... НЕ РАБОТАЛ

«Вы хотите виршей? Их есть у меня, но мне стало некогда заниматься этих глупостей», как сказал бы одессит. Шутка. Всё мне есть когда. Просто второй уже пост предаюсь воспоминаниям. Отдыхаю от обзора творчества поэтов, в основном одаренных Богом, что стало моим коньком в последние годы и, как ни странно, вызывает интерес читателей... А сейчас начну с того, что повинюсь немного. Было дело, проходилась по стихотворцам, которые так или иначе публично демонстрируют свои произведения, поднявшись на самые верха госслужбы, бизнеса ли. Да, многим кажется, что таковые должны скромно укрыться под псевдонимами. Но малый парадокс: люди с не столь выставочными фамилиями, но тоже преуспевающие – ученый, производственник, техменеджер высшего звена, квалифицированный рабочий и т. д. – могут открыто выражать себя в творческих ипостасях и поощряются в этом общественным мнением... К примеру, мои добрые друзья по фб, два Александра – Ратнер и Красновский не расставались с успешной научной и инженерной работой и были признаны даровитыми поэтами, печатая под своими именами стихи, издавая сборники. А Юрий Воротнин, талантливый поэт, и на пенсии продолжает оставаться генеральным директором крупной строительной организации. О нем еще скажу... А мой земляк, поэт милостью Божьей Виктор Баянов, светлая память, даже окончив Высшие литературные курсы, продолжил трудиться машинистом тепловоза! То же могу сказать про другого, здравствующего земляка-поэта Виктора Коврижных, напавшегося за жизнь на рабочих местах и написавшего об этом немало замечательных самобытных стихов. Впрочем, не всегда поэт находит лирику там, где он добывает хлеб насущный... Ве-

стимо, что с 1992 г. наши писатели, в т. ч. знаменитые и обласканные партией, остались без доходов. Как тут не вспомнить Пушкина: «За границей писатели пишут за деньги, а у нас все, кроме меня, из тщеславия». Возможно за 200 лет что-то изменилось. Но это отдельная тема... И я сегодня не о «принудработках» писателей (сторожами, грузчиками, носильщиками и т. д. и т. п.), а о другом их ряде, о котором сказал выше. И свою скромную персону, наверное, имею право занести в этот ряд. Сегодня хочу поведать, как мне работалось и творилось на двух фронтах. Как уже заметил, мой опыт вовсе не уникален, но что-то не встречал подобных откровений у собратьев по перу, не оставивших свои первоначальные профессии и занятия, не бросивших синицу в руке ради журавля в небе. А синица эта порой тоже воспаряла. Да потому что мы любили и не разлюбили свои профессии... Не сомневаюсь, друзья-писатели могли бы об этом рассказать много интересного. Надеюсь, что и моя мини-сага о том, как много лет «венчал гараж с геранью», будет читабельной... Итак, с карьерой на стройке у меня все складывалось как нельзя лучше. Но в 32 года ушел с поста главного инженера стройуправления, на коем, кстати, меня угораздило, невозможно запоздало, почти в 31, дебютировать стихами в областном литальманахе. Дальнейший рост по этой линии (трест, главк, даже министерство) меня совсем не прельщал. С такой трудовой, конечно, без проблем устроился в крупный проектный институт ГИПом, т. е. главным инженером проектов. Эта респектабельная должность предоставляла советскому инженеру, по сути, невероятную степень свободы. И мне свезло занимать такую около 15 лет, чуть не весь застой и перестройку... Около 500 проектировщиков, из них добрые две трети – женщины. Пустячок, а приятно. Восемь-девять ГИПов, между которыми распределялось ру-

ководство проектами, что выполнялись институтом. По своим проектам ГИП – это человек-институт, это царь и бог. Считай, что по ним у него в подчинении весь коллектив, включая директора, хотя административно у ГИПа не было в подчинении никого. Но ГИП принимал решения по своим проектам, какие уже были обязательны для всех, мог заставить отделы выполнить любые переделки. Ибо делал разбивку и подписывал процентовки – деньги по исполнителям, согласно сметам на проектные работы. Если не бог, то полу... Сам себе планировал командировки – по области, в Первопрестольную, в столицы союзных республик – для поиска нужной документации да и по любым вопросам, касающимся проекта. (А в 88-м институт участвовал своими проектами в восстановлении армянских городов, разрушенных землетрясением.) А если проекты крупные или шли по постановлениям ЦК КПСС, то ГИП сопровождал их проход и утверждение в экспертизах министерств, Госстроя, Госплана. Ваш покорный слуга исхитрился отправиться в командировку в Москву на период... Московской Олимпиады, когда всех лишних оттуда выгоняли! И никто не мог мне в этом отказать. Конечно, мне нравилось дело, которым занимался, пребывал на своем месте. Но мне нравилось и другое. Здесь много для чего находил время. А если у человека есть какие-то способности, энергия и здоровье... Мог стучать на своей «Эврике» до трех ночи. (Шуточное: «Моя машинка как живая, к ней обращаюсь в вечера: а ну-ка, выдай мне, родная, сегодня круче, чем вчера...»)

А в семь часов прохладный душ – и целый день как огурчик. Именно здесь начал печатать в газетах различные статьи (производство, образование, культура), литературные мини-эссешки и стихи, попал в «Сибирские огни», столичные «ЛГ» и «РКК» – журнал «Рабочекрестьянский корреспондент». В СЖР меня приняли рань-

ше, чем в СПР. И не случись у нас прихода дикого капитализма, наверняка и пенсион встретил бы в той же должности... Смешно теперь вспоминать, но вплоть до конца перестройки соцсоревнование проходило у нас и среди ГИПов. А застой – он и есть застой. Ты мог провести три недели на больничном или в Москве, а ничего за период твоего отсутствия не происходило. Могло ничего не сдвинуться по твоим проектам: другие ГИПы не дремали. Зато шли шахматные сражения в институте аж в двух лигах – высшей и первой. Были у нас и очень серьезные игроки, даже несколько кэмээсов. Одно слово, интеллектуалы. Думаю, понятно, почему ностальгирую по своему давнему «гипству» и по той свободе. Вообще, убежден: если не пить, то абсолютно на все можно найти время. Росли дети. И на них вполне доставало. Ну, так мне это нравилось. Ведь почти всю жизнь занимался только тем, что мне нравилось... Хватало и на то, чтобы съездить с женой в заморские страны. Примерный муж? Да не так уж и слишком. Но кое-что, пожалуй, оставляю между строк... Мне не нужна была автомашина: бегал трусцой – пятерки, десятки, даже марафон. А когда ГИПам за цековские объекты пришли три целевые автомашины («москвич», «жигули» и «Волга»), у меня оказалось таких объектов больше, чем у коллег, и досталась «Волга». Не отказался, но отдал ее тестю. Любопытно, что следом, в 82-м, началась памятная кампания по борьбе с расхитителями соцсобственности и растратчиками рабочего времени. Как водится у нас, с дикими перегибами. Анекдот ходил наивный, но занятная иллюстрация, вот его финал. Звонок в КГБ: «Ивановы едят черную икру!» – «Ну и что?» – «Ложками!» – «Ну и что?» – «Золотыми ложками!» – «Ну и что?» – «В рабочее время!» – «Не спугните их: опергруппа выезжает...» А уж с расхитителями не церемонились. Наезд на институт был тогда чудовищный: мы, ГИПы, ходили под

статьей (10–12 лет) за приписки, которых в помине не было. Меня несколько часов трое оперов перекрестно прессовали в ОБХСС, убеждая облегчить свою участь – сознаться, в чем мой директор якобы уже сознался, что за это авто я дал ему взятку размером в полстоимости машины. Признайся – и тебе ничего не будет: подневольный же. Ментам было невдомек, что это директор у меня в некотором подчинении. А ему, как позже узнал, пытались натянуть сумму на высшую меру. У меня пересыхало в горле, пил воду и думал: нужно ли мне облегчать свою участь, если она и так легкая? Пытался пошутить по Штирлицу: это же какую третью степень устрашения надо применить, чтобы человек сознался в том, чего не совершал. Восприняли серьезно: «У нас тут не гестапо». Наконец, выпалил пришедший в голову термин, значение которого тогда не очень-то и представлял: «Есть же, в конце концов, презумпция невиновности!» Этого оказалось достаточно, чтобы меня сразу отпустили: «Ух ты, умный! Ладно, иди!» Амнистия (а вернее, прекращение дел за отсутствием состава...) вышла нам с кончиной генсека, который работал «от постоянной сети» в Кремле, в отличие от предыдущего, что трудился «на батарейках» и мог еще выезжать... Борьба за выживание внесла свои коррективы, я ушел из института, сменил уклад жизни, машина появилась, и первую половину 90-х занимался вещами далекими от вышеозначенных. Полгода был вообще без работы. Зато провел их за той же «Эврикой»... А потом опять свезло: с пятидесяти до шестидесяти служил исполнительным директором смешанного АО – заказчика строительства Кузбасского кардиоцентра, самого крупного в Сибири. И здесь чувствовал себя как рыба в воде. Надо мной только генеральный (а по сути, свадебный генерал – медик, членкор). Пробивал через Госдуму и Минфин финансирование (пригодился и гипов-

ский опыт); надзор за строительством, работа с подрядчиком – это тоже было по нраву. Правда, в последний год перед пуском объекта права заказчика у нас отобрали: слишком много денег было выделено на сдачу и обладминистрация мудро решила, что только ей по силам освоить такую сумму. Но в итоге медаль «За служение Кузбассу» из рук Тулеева все же получил, как раз в шестьдесят. Что тоже интересно, эта десятилетка оказалась самой урожайной для меня по стихам. Отчасти, может, потому, что ее провел уже в статусе члена СПР – обязывало. Даже мюзикл в Музтеатре по моей поэме вышел. Повезло, ибо спонсировать такое мне в голову не пришло бы, даже случись такая возможность. А может, потому, что с таким опытом мог уже искусно где-то манкировать своей службой без ущерба для дела? Даже, как вспоминал недавно, литстудией детдома занимался. И тоже не без удовольствия. Как заметит читатель, я все время служил – или на страну, или (в начале 90-х) на богатея дядю. Пару лет на пенсии опять служил главным инженером и ГИПом в одном лице, уже на приватном предприятии. И только после этого сподобился открыть собственную проектную фирмочку. При моих-то знакомствах среди проектировщиков и техпрогрессе мог бы, почти не отвлекая их от дома, выпускать серьезные проекты и начал было это делать. Но кайфовал год-два: поезд ушел. Во-первых, наши олигархические подрядчики уже имели в своем составе солидные отряды проектантов, целые институты закупали. Пришлось уйти в самую мелочевку. А нокаут получил от президента Медведева: введение СРО (саморегуляция), системы допусков и директивное аннулирование лицензий, хотя у меня срок ее действия истекал только через 3 года. СРО практически закрыло возможность дистанционно сотрудничать с проектировщиками. А по лицензиям... Написал Медведеву

письмо: «Это же все равно что срок действия моих водительских прав указом сократить на 3 года!» Он отпиской о госцелесообразности ответил. Так-то так. Только у нас всегда: лес рубят – щепки летят. Плюс убийственный для малого бизнеса закон о конкурсах. Раскатал губу – обхитрить чудище, которое обло, стозевно и лай. Сожрали с аппетитом. Шестьдесят пять встретил уже лит легкотрудником... Чем были для меня описанные службы – синекурами, позволившими мне и недурно кормить семью, и добиться чего-то в творчестве? Или любимым и нелегким делом? И тем и другим, если хотите. Но сказано же: если всю жизнь занимался любимым делом, значит, весь свой век... не работал! Ну, а если такое дело не одно, значит, свезло вдвойне! Думаю, что нечто подобное сказали бы и мои друзья-коллеги, которых назвал.

Век блуждать отрядил меня Бог
Меж мирскою и Млечной Стезюю.
Жизнь светила и... била грозюю!
Только выбрать я так и не смог...

ПЕЧАЛЬНАЯ ХРОНИКА

Натолкнулся на свои дневниковые записи 40-летней давности. Их немного. В этой – никакой беллетристики. По сути, сухая хроника событий и ощущений одного дня. Какая-то параллель выходит с нынешними событиями в жизни многих людей. Коронавирусы, просто вирусы... Вот и решил поставить.

31 декабря. Завтра наступит новый, 1980-й. Но нам не до праздников. Сыну без малого три года. А дела у него плохи. Началось с гриппа, а разразился ларингит с крупом. Я уже в курсе, что это, не впервые. Дыхалка, похоже, совсем сузилась, свистит. Температура под сорок. Сидим с ним на диване, ждем скорую. Читаю ему «Детки в клетке», которых он давно знает наизусть, и поминутно спрашиваю: «Что у тебя болит?» – «Ништо у меня не болит», – отвечает. А на самого страшно смотреть. Давно ли он зубками сверк-сверк и звонил-звонил тоненько целыми днями? И вот такая беда... Скорая приходит через час. Настояли, чтобы взяли обоих родителей. Пацан в таком состоянии – можем понадобится. Удивительно, но уговорили. В первой больнице, куда нас привезли, сказали, что с та-а-аким ларингитом не возьмут. Нужно просто везти в другую. Сделали укол. Состояние его не лучше. Наше – паническое. Никакие уговоры, чтоб оставили, не помогают. Опять вызвали скорую. Ждали больше часа. Во второй больнице – ужас! – снова отказ: с гриппом не берут. Спорить бесполезно. Ввели сыну внутривенное. Впору и нам что-то вводить. В следующую больницу отвезли через полчаса. Вынесли, а он уже вовсе задыхается, синееет. Врач зачем-то заорала на медбратьев со скорой: «Они что, ошалели, не видят, кого отправляют?» Забегали с кислородными подушками. Вышла та врачиха и невозмутимо: «Готовьтесь к самому худшему. Такого привезли...» Неужели сейчас все кончится? Парень,

как же ты так? Это за что же, за грехи мои? Нет!! Этого не может быть. Ведь когда ему было десять месяцев, с ним случилось то же самое, и я слышал из больничного коридора его дыхание в палате. Наслушался тогда жутких рассказиков будто бы очевидцев, как таких малышек держат на весу за ноги и ставят уколы в голову... Расхристали ему, правда, вены на ступнях и в паху (потом кто-то открыл причину: вивисектор был под мухой), но ведь выбрался! А сейчас он старше и, казалось, крепко уцепился за жизнь. Нет, не может этого быть... Снова вышла та врачиха: «Ну, пока вроде пронесло. Думала, уже потеряли мальчишку, но нет, видно, кислородом пробило мокроту. Повезло. Но оставить не сможем». Вызвали реанимационную бригаду. Придется везти в инфекционную. У него же грипп! Возражать, уговаривать уже нет сил. Реанимобиль приходит минут через сорок. Мы с женой в какой-то прострации. За полкилометра до приемного отделения вдруг заглох мотор. Я, не спрашивая, схватил мелкого под мышку и, срезав большой угол, понесся напрямую, не разбирая дороги, через рыхлый снег, посекундно теребя свою, казалось, бездыханную ношу: «Дыши, давай дыши!.. Господи! Если Ты есть, помоги же ему!..» Помог! Когда принимали, уже никто не сетовал, что привезли «такого». Мама уже была как снятая с креста. Сейчас не хватает только, чтоб ее не оставили – инфекционная же! Нет, оставили... Кажется, все. Можно ехать домой. А я сидел в подвальной коридорчике на обшарпанном диване и беззвучно глотал слезы, вдруг отчетливо осознав: «А ведь было 90 шансов из 100 заниматься сейчас уже самым скорбным делом... (Позже я узнал, что есть специальные камеры с влажным воздухом для малышек, где купируется угроза жизни от крупа, но, видно, не для всех и не везде.) Боже! Как эфемерна жизнь, как легко она может оборваться у любого человека, а уж у крохи... И понимаем мы, что вытаци-

ли счастливый лотерейный билет, только когда... Ну все, хватит. Мужик ты или кто?» Вышел на улицу. Больница стояла на отшибе. Уже давно стемнело. Ни автобусов, ни такси. Со мной поравнялся милицейский уазик. Я проголосовал. Машина тормознула. «Командир! До центра не подвезешь?» – спросил я у старлея, что был на переднем сиденье. На заднем тоже сидели. Тут же сообразил: чего ради они тебя возить будут? Но старший махнул рукой: «Из детской инфекционной идешь? Залезай в кутузку!» Человеки...

Через месяц я заберу сына домой, в жизнь. Конечно же, в долгую!

НА КРАСНЫЙ СВЕТ

1986-й. Эйфория от перестройки. По телику показывают, как довольные собой Горбачев с супругой беседуют с народом, заглядывая в глаза окружающих: «Ну как, запала в душу перестройка?» Но мне первая пара лет перестройки запомнилась взрывом книгопечатания запрещенных и полузапретных и, конечно, всевозможных словарей и энциклопедий. Последние у нас в отечестве были большим дефицитом. А как писателю без них под рукой? Это сейчас можно в два клика мышью найти любую информацию. А тогда я как угорелый гонялся за такими книгами в буках, будучи в командировках в Прибалтике, в Одессе, Минске... Короче, задолго до свобод стал счастливым обладателем оригинала крупноформатного трехтомника Брокгауза и Ефрона и других словарных раритетов. У них был свой манящий запах книжной старины. И мой друг, поэт Владимир Ширяев, беспардонно (ему все прощалось) мог позвонить в два-три ночи, чтобы отправить меня в словари за нужным словом... А тут бери не хочу – реприн-

ты и новье. Привез из Москвы для 9-летнего сына свежую, обворожительно пахнущую типографской краской, богато иллюстрированную Детскую историческую энциклопедию. Первый результат домашнего ликбеза получился довольно неожиданным. Подходим мы с сыном к перекрестку. Горит красный, но машин близко нет и я уже собрался по привычке двинуть вперед. Тем более что впереди нас невозмутимо шагала капитан милиции. Но Денис задержал мою руку и вдруг сказал: «Ленин говорил, что, пока в стране хоть один неграмотный, революция в опасности. Вот я и думаю, что, пока у нас хоть один милиционер ходит на красный свет, люди будут в опасности». Что тут скажешь? И пока хоть один папа – тоже!

ГЕНИАЛЬНАЯ «СКАТИНА», ИЛИ ИСТОРИЯ ЛЮБВИ

Наверное, не сделаю большого открытия: любая дочь, если отец живой и по отношению к ней он не самый последний подонок, обожает, а то и боготворит его начиная с младенчества (тут не без физиологии, конечно) и до последних дней родителя...

Вот смотрю нынче, как моя младшая четырехлетняя внучка, подаренная дочерью, трогательно гоняется за своим папой и хочет выйти за него замуж. А я вспоминаю, как росла Анюта, давно уже взрослая. Воспоминания как видеозаписи. Хотя первая видеокамера появилась в доме только в шесть дочерних лет... Итак, мне 42, родилась долгожданная дочь. А еще сбылась мечта идиота: приурочив к дню рождения, пробежал 42 км – марафон. Ох, и муторное это дело оказалось – бежать такую дистанцию. Как марафон жизни. А вообще, я всегда

предпочитал стометровку: выложился – и спи-отдыхай. Так и в литературе: по мне стометровки-стихи, двухсотметровки – рассказы или мини-эссешки.

Гляделась пристально в меня
В свои три месяца от роду,
Ты будто ведала, как я
Жил без тебя все эти годы...

Восемь месяцев. Цепляю ее ручончишки на домашний турник, что устроен в дверном проеме кухни. И что вы думаете? Страхую внизу, а она висит на перекладине секунд 8–10! Да еще улыбается, как когда-то исхитрялся улыбаться наш золотой олимпиец – гимнаст Азарян, делая силовой крест на кольцах.

Два года. Она лепечет: «Уанили миску на пол, атавали миске лапу... Ваня-Ваня-пистота, купил лофать бис хоста...» Понятно, что это про мишку и лошадь без хвоста. А словечко «пистота», что в ее устах значило – «простота», навсегда вошло в домашний словарь, став шуткой-подколом.

И вот уже шагаешь рядом,
Ты Галатеи ипостась!
А я – небесным звукорядом –
«А-ню-та» повторяю всласть!

Два с половиной года. А она читает! Впрочем, не знаю, чтение ли это? Придумал сам, хотя, может статься, это было моим изобретением велосипеда. Написал в ежедневнике на каждой странице по слову – крупными буквами. Простые слова: папа, мама, братик, голова, хлеб, молоко, сахар и т. д. Слов 20–30. И оказалось, что ребенок легко запоминает очертания

слов и что они означают. Короче, «по улицам слона водили»: «читает» даже не по слогам, а бегло, радостно поглядывая на слушателей. Даже не представляю, во что это могло вылиться. Может быть, в три года уже книжки читала бы? Виноват, за недосугом продолжения не было. Но, видно, даром не прошло.

Три с половиной года. Уж не помню как, выучила «Белеет парус одинокий». Записал на магнитофон. Чтец, правда, она неважный, но звук ведь усилить можно. (Пленку сохранил и оцифровал потом, как и «миску» с «пистотой».)

Четыре года, только-только исполнилось. Заменял жену, веду дочь на балет. По дороге домой Аня делает уморительное открытие: «Пластика – это образ моей профессии!» (В итоге вышло несколько прозаичнее, но какова была заявка!) Но не балетом единым... Не более получаса побегал за ней, поддерживая седло велосипеда. (Тогда никаких дополнительных колесиков не ставили.) И сразу научилась ведь на двухколесном! Как она была счастлива, закладывая виражи по двору, победоносно взирая на завидующую мелюзгу на трехколесных! На вопрос соседей, когда, мол, ты успела научиться, дочь коротко, но ясно отрезала: «Мой папа!»

Пять лет. Уже реально читает простенькие сказки и даже пишет крупными каракулями. Идут 90-е. Покинул respectable должность в проектно-институте. Чем только не занимаюсь. Ухожу – она спит, прихожу – спит. А тут завялся пораньше. Злой, как волчара: что-то по сделке крупно не склеилось. А пса (про которого я позже написал в стихе: «С моей кирпич просящей рожи ты мигом слизываешь зло») у нас еще не было. Подвернулся под горячую руку 15-летний сын, разболтавшийся без надзора. Шахматист, к. м. с., но этим прикрывается, учебу совсем забросил, звонили из гимназии. Юморит: «Тренер сказал, что, если школа мешает шахматам, надо бросать школу». Налетел на него, аки бык... Остыл...

Дочь ошарашенно смотрит на меня глазами – по пиале – густого чая. Решил повиниться. Перед ней, конечно. Старшему-то за дело попало. «Ну что, хорош я был?» – «Папа, я не могу это сказать, могу только написать». И подает мне записочку. Разворачиваю, а там слово из моего лексикона получасовой давности, да еще аршинными буквами: «СКАТИНА». Да уж, тут не до орфографии...

Несколько дней спустя к нам заходит знакомая – юная девушка. Дальше с ее слов... Листают они журнал мод. Вот красивые тети, и вот. Тут во мнениях сошлись. Листают дальше. Вот красивые дяди, и вот... Дочь: «Не-а!» – «Ну, а эти-то дяди, уж точно, хороши?» Она: «Здесь нет таких!» – «А где же их искать тогда?» Анята опять отрезает: «Мой папа!» (Потом, когда она стала старше, накропаю что-нибудь, показываю жене и сыну – придираются, однако. Но что бы ни показал дочери – «Папа, ты гений!» Пустячок, а приятно...)

Девять лет. Подсовываю ей загадку из Маяковского: «Мама! Ваш сын прекрасно болен!..» Надо отгадать болезнь. Понимаю, что непосильно для такого возраста. Но важен сам процесс разгадывания! Ее версии обворожительны: «Нога болит, палец ноги, плечо, рука, локоть, ладошка...» – «Что ж, – поощряю, – все версии неплохи. Как любит шутить твоя бабушка-врачиха, хорошая штучка, когда болит ручка: кушать можно, а работать нельзя». Наконец близко: «Сердце немножко болит!» Подхватываю: «Уже тепло». Но горячее не получается. Через полчаса даю отгадку. Для нее, конечно, классное открытие.

Десять лет. Усаживаю дочь за знаменитый диктант из 19 слов – про «небезызвестную вдову подъячего и коллежского асессора». Это диктант-шутка, но в коем многие далеко не безграмотные люди делают, по моим наблюдениям, по 15–20 ошибок. Ничего стыдного. Ни одного из этих слов нет

в постоянном обиходе, и проверить нечем. Тут либо сумасшедшая интуиция выручает, либо мощная словарная память. Младшенькая сделала 42 ошибки. Стало ясно, что свыше ей грамотность не дана. Не страшно. (Принял меры, и уже к 8-му классу она в этом мне почти не уступала.)

А сердце глупое стремится,
Пока не выгорит дотла,
Чтоб вечно – редкостною птицей –
В моих ладонях ты жила.

Ну вот, был бы прочней головы моей костяной таз, длиннее был бы мой рассказ... А если серьезно, то, знамо дело, после десяти лет девочка становится сначала нимфеткой, а вскоре и девушкой. Стало быть, дальше слово и дело за мамой, а роль отца уже в основном подсобный рабочий. Ну, не только, конечно. Но ясно одно: дочь – мое лучшее художественное произведение, самое совершенное существо на свете... Сын? Ну как не любить своего первенца?! А если что-то мне в нем не нравится, приходится заглядывать... в зеркало!

НОСТАЛЬГИЯ ПО «РИО-РИТЕ»

Многие из моего поколения помнят старые патефонные пластинки – Апрелевского завода – на семьдесят восемь оборотов в минуту. Они покупались в 50-х и «по наследству» хранились у меня очень долго. И только в 93-м при переезде на новую квартиру и, казалось, в новую жизнь, где уже не будет на чем их проигрывать, я... нет, не решил выбросить, но оставил их на подоконнике прежнего жилья: может, кто-то их еще подобрал и сохранил?.. Больше других была затерта-заи-

грана пластинка, на одной стороне которой записан фокстрот «Рио-Рита» и танго «Брызги шампанского» – на другой. Мне особенно нравилась «Рио-Рита». Не помню, в чьей записи, но, как сейчас выяснил, первая пластинка с ней вышла у нас еще в 37-м в исполнении оркестра Марека Вебера, немецкого скрипача и дирижера. Едва ставили этот зажигательный фокстрот, как тело и ноги стремились двигаться так же, как это делали мастера – в кино и на сцене. Так же горделиво и порывисто, лихо фиксируя сногшибательную позу на каком-то такте. Увы, я не сподобился научиться так двигаться. Но зато много позже узнал, откуда бралась эта красота в движениях танцоров. Оказывается, это никакой не фокстрот, хоть и фокстрот, а испанский пасодобль, по сути танец корриды. Эту музыку написал в 32-м тоже германский композитор, но испанского происхождения – Энрике Сантеухини. Отсюда эти импульсивные движения матадора с потрясающей осанкой и высоко поднятой головой. Партнерша здесь, естественно, ведома и, не в обиду ей будет сказано, на втором плане. Танец непрост и по мелодике. Так что «танги» отдыхают, при всей их привлекательности... Но тогда, в 60–70-х, мне было «некогда заниматься этих глупостей» и мотивации не видел. А вот отец, боевой офицер, когда-то не жалел для этого времени на отдыхе. И помогла ему еще до войны моя будущая мама, москвичка не без талантов в искусстве. Без отрыва от очной учебы в Пироговке она успевала солировать в ансамбле московского радио у знаменитого Александра Свешникова, который чуть позже создал и возглавил Государственный хор СССР. Но мама уже выбрала стезю военврача, предпочтя своим классическим сопрано петь романсы для себя и друзей на квартирных посиделках. Аккомпанировать всегда находилось кому. Зачем закопала такой талант? Не знаю, вероятно, близко наблюдала и негативы в судьбах артисток, а в себе видела что-

то еще. Но, главное, ей очень по душе было помогать людям в качестве врача. К слову, после войны она по нескольку лет возглавляла медслужбы МВД – Кемеровской и Новосибирской областей. В Кузбассе партия оставила отца после всех сибирских госпиталей. И родители ничуть не роптали, что, мол, это не Москва. Любопытно и то, что мамино крутое перемещение в Новосибирск могло бы в другой семье и разлад вызвать. Отец, знавший виды по службе, в это время занимал неплохую должность, но наверху на сей раз как-то сразу не подумали, что надо устраивать обоих. А он не стал ждать, просто уволился, отправился за женой и первые пару лет не то чтобы там бедствовал, но не мог найти подходящее для себя место. Зато в начале 60-х он вернулся в Кемерово на более чем достойную работу, а мама, естественно, с ним. Ее в сорок четыре года комиссовали после тяжелого инфаркта с инвалидностью. Как будто на фронте, после ранения вышла из строя. Впрочем, не вовсе: она прожила почти 90 лет и, так или иначе, врачевала уже без высоких должностей до семидесяти восьми!.. Так вот, о танцах. Она сумела научить отца, этого, казалось бы, медведя родом из украинского села, танцевать так, что это было не стыдно показать где угодно. Правда, этот мужик с безупречной природной осанкой, с двумя классами церковно-приходской и говоривший в детстве только на украинском, в 18 лет возглавил немалый сельский совет и каким-то непостижимым образом настолько освоил русский, что потом на нескольких страницах его писем невозможно было обнаружить ни единой ошибки. Как ему это удалось – тайна сия велика есть. Скорее всего, это у него от Бога. А он еще и успешно (через рабфак) окончил Московскую ВПШ, благо тогда ему не надо было предъявлять сначала аттестат о среднем образовании... Но вернусь к музыке. Он знал, как двигаться в танцах, даже названия коих мне были в диковинку. Вот почему много лет

спустя я не мог оторвать глаз от «Рио-Риты» М. Башарова и Т. Навки. И в Марате увидел не артиста, а просто российского офицера, умеющего не ударить в грязь лицом в любом танце, узнал в этом ностальгическом номере своего отца...

БОГ-ТО УБЕРЕГ, НО И САМ НЕ ПЛОШАЛ

Это о том, как мой родитель счастливо избежал репрессий.

37-й... Отец работал секретарем райкома на Украине. На Пасху теща всегда пекла куличи и делала творожную пасху с изюмом. Занятно, что в Сибири, в отличие от Центральной России, многие до сих пор пасхой называют как раз печеный кулич: вроде как малороссы завезли в Сибирь эту замену церковному понятию. Но это к слову... Беспечность, конечно, партработника в стране с жесткой атеистической идеологией. Потеряв всякую бдительность, в святой праздник все семейство откушивало на веранде эти вкусности. И надо ж было проходить близко и наблюдать сию идиллию сослуживцу отца. В результате на столе у начальника районного отдела НКВД вскоре лежал донос об отправлении церковных традиций секретарем райкома. Отца вызвали. Он пытался обратить все в шутку: мол, теща часто что-то печет, и превкусно, а он голодный был и не связал с церковным праздником, ел да нахваливал. Его сразу не забрали. Но один знакомый из «конторы» шепнул, что это дело малого времени: ждут новую разрядку – и под белы руки. Будущий мой родитель, не получивший систематического образования, был не без природной смекалки. Незадолго до этого у него нашли болезнь сосудов ног на ранней стадии. Так он агgravировал обострение. И – не имей сто рублей... По протекции работавшего в обкоме сотоварища по

беспризорничеству (оба были сиротами, подобранными Советами) сумел быстро получить новое назначение – начальником ведомственного санатория в другую область, где и ноги мог лечить. Два года он там благополучно прослужил партии, как опять над ним стали сгущаться тучи. Причина? Кого-то из партбонзхватила кондрашка в санатории. Кто проявил преступный недогляд, начали разбираться. Но отец и тут успел сделать опережающий маневр. Попросил отправить его на финский фронт. Как в этом можно было отказать? Но пока добрался до передовой, Финская кампания закончилась. И его оставили в Москве – доучиваться в ВПШ. Свезло... С тех пор у него подобных ситуаций не возникало. Можно сказать, повезло и дальше: в 43-м, после второго тяжелого ранения и контузии, бои для него, батальонного комиссара, закончились и служил уже в тылу.

А вообще, у меня фронтовики отец, мать и старший брат. Мама, военврач 3-го ранга, сражалась за спасение жизней солдат во фронтовых и тыловых госпиталях... Надо же было погибнуть именно брату – в 18 лет, за 100 дней до Победы. И так случилось, что в архивах и в мемориальных интернет-базах его потеряли. Вернее, из-за ошибки писарей вместо брата по всем этим базам гулял несуществующий боец с очень похожей, но не его фамилией, который, естественно, «позаимствовал» у брата 95 % биографии. Все родственники ушли в мир иной, а у меня на руках осталась только некачественная копия похоронки. Эту историю описать – полкниги потребовалось бы. Скажу только: пять лет у меня ушло, чтобы доказать Минобороны РФ очевидное. Теперь восстановили имя брата во всех базах, удалили оттуда его двойника-фантома, а я получил дубликат похоронки, уже адресованный мне лично...

УСТАМИ РЕБЕНКА

Аринка, 7-летняя внучка, стойко выдержала мой юбилейный вечер на 70 лет. А после такой диалог у нас состоялся.

А: Деда, ты настоящий русский поэт?

Я (*смеюсь*): Настоящий, любой может потрогать.

А: И тебя весь мир знает?

Я: Ну что ты, мир большой. (*Улыбаюсь*.) В Австралии, Африке и Южной Америке никто и не слыхивал. В Индии и Китае – тоже. Уже больше половины глобуса – мимо. Но кое-кто в мире знает, раз в России и за рубежом печатают.

А: Ну, а у нас в городе?

Я (*вопрос на засыпку, но честно отвечаю*): Те, кому интересна поэзия. Но если встать на улице и подряд у всех прохожих спрашивать, то, боюсь, припомнят немногие.

А: Есть поэты, которых все-все знают?

Я (*задумываюсь*): А ведь и правда есть! Все наши города, все улицы и даже подворотни знают имена Пушкина, Лермонтова и Есенина. И тот редкий человек, какой не вспомнит несколько строк из их стихов, все же назовет эти фамилии не задумываясь! Есть и другие знаменитые, но все-таки они не на таком слуху.

А: И сколько у нас поэтов?

Я: А кто же их сосчитает, детка? В сетях интернета, говорят, уже больше миллиона человек выставляют свои стихи. Наверняка несколько тысяч из них пишут очень хорошо.

А: Но зачем они все пишут, если только трех знают?

Я: Ну, просто хочется свои чувства выразить, вот и пишут... (*В сторону*.) И правда, зачем пишут, коль народу троих поэтов за глаза? Сколько времени даром уходит! А если бы все эти часы писанины да на благо семей! Глядишь, и Россия бы процветала! (*Арине*.) Ох, не знаю, не знаю...

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие автора	3
------------------------------	---

ИЗ РАЗНЫХ ЛЕТ. СТИХИ, ЧТО НЕ ОТПУСКАЮТ

Музыкальная память	6
Родительский день	7
Мои университеты, 1963–1964	8
«Вот и грянули струны, летящие...»	10
Речитатив барда	11
«Домик твой на опушке прибился...»	12
Брату меньшему	13
Неопознанное чувство	14
Никогда больше... или Прощание с Парижем	15
За пределами Ойкумены	16
Сибирская аномалия	17
Обыкновенная история	18
Дочери	19
Не успели друг друга мы чуть пригубить	20
Напоследок	21
«Мне однажды, в беспмятстве, ночью...»	22

ИЗ СВЕЖИХ ЛЕТ. СТИХИ

Воспоминание-сон	24
Брату, павшему за весну до Победы	26
«Когда я пишу Вам свои дурацкие тексты...»	27
Из жизни птеродактиля	29
«Обитаешь давно за границей...»	30

Икар на коньках	32
Кусочек солнца.	33
Форсируя диван	34
Автославида	35
Сказ про мужа служивого...	37
В альбом К.	42
Суровые стансы	43
«Актер провинциального театра...»	45
«На тихой площади когда-то...»	46
«Из виртуали запредельной...»	48
Ревность к фантомам	49
«Простецкий глава альманаха...»	50
«Альянсу тигра и козла...»	52
Страшилка про русский допинг	53
Проблемы автопортрета.	55
Повезло миру.	56
Торжественная песня Кемеровского драмтеатра	58
Вперед, наш «Кузбасс»!.	59
Гимн кемеровского района	60
Баллада о кузбасских шахтерах	61
О вреде автошаржей	63

О ПОЭТАХ-КЛАССИКАХ

Осип и Иосиф	66
Встреча с Северяниным	72
Даешь Нобелевку за собаку!	73
Маяковский и Яковлева	78
«А если он будет Моцарт?»	81
О запрещенных и nereкомендуемых	85
Поэты на Земле – пророки	89

Все «эр» и «эль» святого языка	94
«Наша жизнь уж больше не поправится»	98

О ДРУЗЬЯХ-ПОЭТАХ

Большая поэтка	104
«Мне столько в жизни выпало любви!»	107
«Как страшно разлюбить...»	109
«Я свет от призрачной свечи»	112
«А я была мила...»	114
«Гулевая сирень под глазами...»	117
«Извлекаю грехи из памяти»	119
«Где смерть готовит жизни мат...»	122
«Серпный месяц с бекрени вернется...»	126
«Но душа моя замерзает...»	128
Как будто не было утрат...	130
«Я не стану для Родины грузом...»	138
Негрустных стихов не бывает	145
...Среди рабочих и крестьян	150
«Свое робкое сердце держу в кулаке»	158
«И сердце от ума не ждет совет...»	162
Нечто вне жанра	168
О средствах выражения	174
«Хочу понять тебя на вкус...»	175
«В сердце возрастают подснежники нежности...»	178
Свободен от свободы.	182
Мир – это песня Бога!	188
От графомана до гения?	192
«Над вымыслом слезами обольюсь...»	197

О КВАЗИ- И ЗЕРО-ПОЭЗИИ

Блеск и нищета... бурлеска	202
«И в клетке сдохла канарейка!»	209
Страдал рок-идолом Гаврила	215
Письмо одному стихотворцу	217
Рукопись души не правится?	218

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

«Обниму тебя исчо раз...»	222
Дачи, затерянные в дебрях прошлого века	229
Если бы я был молод, здоров и свободен...	236
Прости меня, Паална!	241
Богач в бараке, недопионер и...	246
Под рентгеном взгляда	251
Лечить мужское сердце	253

КТО СВЕТЕЛ, ТОТ И СВЯТ

Есть ли Бог?	256
«Я живу сердцем»	258
Письмо в Днепр матерому поэту	263
Если Бог всемогущ...	266

ГАЙД-ПАРКОВАЯ МОЗАИКА

Свободу Виктору Пеленягрэ!	270
Диалог с титулованным писателем	271
Политпросвет от бывшего мэтра советской поэзии	276

БЫЛОЕ. НЕСКОЛЬКО МЕМУАРНОЕ

«И лишь любовь прекрасней доброты»	282
И слух о ней пройдет по всей земле великой.	288
Моя встреча с Папой Римским	290
Я пел дуэтом с самой Радой Волшаниновой!	292
Закон Ньютона – Лопушного	293
Почти всю жизнь я... не работал.	295
Печальная хроника	302
На красный свет	304
Гениальная «скатина», или История любви	305
Ностальгия по «Рио-Рите»	309
Бог-то уберег, но и сам не плошал	312
Устами ребенка	314

Литературно-художественное издание

Лопушной Вячеслав Михайлович

Избранные места из откровений в виртуале

Стихи, мини-эссе, рассказы.

Корректурa: М. Н. Долгов

Верстка: А. Г. Торошин

Подписано в печать 29.12.2020. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии

ГАУК «Кузбасский центр искусств».

650000, г. Кемерово, ул. Дзержинского, 6.

Тел. (3842) 75-07-88.